This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Извѣстнѣйшая русская библіотека

Часть XXI

Мар. 4,00

ТАЙНЫ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

СОЧИНЕНІЕ Н. Т.

1902 * БЕРЛИНЪ * 1902
ИЗДАНІЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА

Geheimnisse des Winter-Palais

BERLIN SW. 1902, HUGO STEINITZ VERL.

ТАЙНЫ

ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ТАЙНЫ
ЗИМНЯГО ДВОРЦА

СОЧИНЕНІЕ Н. Т.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1902.

Slav 4361.581.52.3

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль этой книги „Тайны Зимняго Дворца“ — ознакомить читателя съ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ отечественной исторіи, а именно — съ послѣдними годами царствованія императора Николая I. Всѣ здѣсь описываемые факты дѣйствительно происходили и вѣрны, всѣ упоминаемыя лица существовали.

Въ этомъ правдивомъ разсказѣ многія вещи могутъ показаться читателю невѣроятными, то ради этого я счелъ нужнымъ указать на источники изъ которыхъ почерпнуты матеріалы, служившіе канвой для настоящаго изданія.

Напримѣръ, читателю покажется страннымъ, откуда можетъ быть извѣстно автору содержаніе письма, писаннаго Герценымъ къ Александру II, тогда еще наслѣднику, и какъ оно перехвачено графиней Бобринской и ея агентами и передано императору Николаю I а имъ въ ея присутствіи уничтожено. Да еще въ добавокъ, какъ читатель увидитъ, государь потребовалъ, чтобы графиня сохранила тайну, объ этомъ

письмѣ. Но дѣло въ томъ, что Герценъ сохранилъ въ копіи и публиковалъ въ своемъ „Колоколѣ“ въ 1862 году.

Главными источниками послужили слѣдующія изданія: Полярная Звѣзда, Колоколъ, Записки Декабристовъ: Якушкина, князя Трубецкого, а равно и разсказы покойнаго князя П. Долгорукаго и другія преданія, переходившія изъ устъ въ уста и дошедшія до автора книги.

ТАЙНЫ
ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

I.

Завывалъ сильный западный вѣтеръ, какъ бы бросая надмѣнный вызовъ волнамъ Ладожскаго озера, стремящимся излиться въ Балтійское море, Напрасно, подобно окруженному непріятелемъ храбрецу, старались онѣ пересилить бурю и прорваться черезъ устье Невы; но всѣ ихъ старанія были безъуспѣшны, вмѣсто того чтобы подвигаться впередъ, гонимыя бурей, онѣ все болѣе и болѣе собирались и все съ новою силой старались побороть вѣтеръ, но всѣ ихъ усилія были тщетны и бушующія волны стали выступать изъ крутыхъ береговъ, начиная омывать высокія загородки Дворцовой и Англійской набережной. Ужь грязныя воды Мойки и Фонтанки начинаютъ затоплять прилегающія улицы. Сигнальная пушка Петропавловской крѣпости все

чаще и чаще раздается своимъ зловѣщимъ грохотомъ, возвѣщая о постепенномъ поднятіи воды. Ужь на шпицѣ адмиралтейства поднятъ сигналъ. Въ отдаленныхъ и низмѣнныхъ кварталахъ поднялась страшная суетня: бѣгаютъ, кричатъ, всякій старается спасти, что только возможно. Въ болѣе возвышенныхъ частяхъ города, разнокалиберная толпа, состоящая изъ всѣхъ слоевъ общества, съ ужасомъ крестится, такъ какъ грозное пророчество, обѣщающее разрушеніе Петербургу, при третьемъ большомъ наводнѣніи, грозитъ исполниться. Только Петръ Великій, на Адмиралтейской площади, среди общей суеты и тревоги, стоитъ неподвижный, сидя на бронзовомъ конѣ, онъ простираетъ руку къ волнамъ, какъ бы приказывая имъ, но они его не слышатъ и не повинуются, они его не боятся.

У одного изъ оконъ зимняго дворца, стоитъ высокаго роста мужчина, погруженный въ свои думы, и грознымъ окомъ смотритъ на возмутившуюся Неву.

Для него давно перестала существовать непокорность, давно онъ забылъ, что такое неповиновеніе. Если онъ, когда нибудь встрѣчалъ на своемъ пути препятствія, онъ ихъ ломалъ, какъ сухую соломенку или раздавливалъ ногой, какъ невиннаго жучка, а теперь непріятель осаждаетъ крѣпости въ его необъятномъ государствѣ, и его три милльона войска оказываются недостаточными, чтобы разсѣять горсть непріятеля. Гранитныя крѣпости, его гордость и мнимая сила, оказываются безсильными передъ слабыми вра-

гами. Генералы, на которыхъ онъ вполнѣ полагался, видя ихъ умѣніе и храбрость на парадахъ и маневрахъ, гдѣ въ сущности они были ни что иное какъ марьонетки, передвигаемыя его волей, оказались не въ силахъ бороться съ опытными и хорошо знакомыми съ военнымъ дѣломъ иностранными генералами. Теперь же, когда начинается нашъ разсказъ, сама природа осмѣлилась возмущаться противъ него. Въ глубокой, безсильной злобѣ онъ погрозилъ кулакомъ волнамъ и воскликнулъ:

„Подлыя! неужели Западъ и васъ побѣдитъ? — Нѣтъ, пока я живъ, Востокъ останется побѣдителемъ! — Что я сказалъ?!

Увы, эта мысль мнѣ ужъ не разъ приходила! Нѣтъ, я не переживу пораженія; и оно не должно застать меня въ расплохъ!

Холодная и гордая, но безнадежная улыбка пробѣжала по его губамъ и въ тоже время онъ прошепталъ съ полнымъ отчаяніемъ:

„Никогда“!!

Никогда! повторилъ какъ эхо своихъ собственныхъ мыслей. Въ это время гофъ-фурьеръ отворилъ дверь.

Государь, курьеръ изъ Крыма.

— Позвать, рѣзко приказалъ государь; въ это же время кровь бросилась ему въ лицо и яркій румянецъ замѣнилъ мраморную блѣдность; его античное лицо нервно передергивалось отъ невольнаго трепета ожиданія.

Вошелъ курьеръ. Это былъ офицеръ егерьскаго полка, до того истомленный десятиднев-

нымъ путешествіемъ, что едва держался на ногахъ.

Онъ хотѣлъ говорить, но отъ усталости и трепета съ нимъ сдѣлалось головокруженіе и, чтобы не упасть, ему пришлось облокотиться объ стулъ.

— Что новаго? крикнулъ Николай.

Курьеръ машинально досталъ изъ своей сумки депешу, которую передалъ государю.

Государь съ пренебреженіемъ бросилъ, не читая, депешу на столъ.

— Я тебя спрашиваю! порусски, не понимаешь, что ли?

Голосъ царя, наводившій дрожь на самыхъ смѣлыхъ, вывелъ курьера изъ оцѣпѣненія.

Вѣдь и природа имѣетъ свои права, а путешествіе въ теченіи десяти сутокъ на перекладной можетъ сломить всякаго.

— Государь... прошепталъ курьеръ.

Въ два шага государь очутился около него и встряхнулъ своей желѣзной рукой:

— Матвѣевъ, развѣ ты меня не знаешь? Я тебя еще разъ спрашиваю, что происходитъ въ Крыму?

Матвѣевъ молчалъ опустивши голову. Поблѣднѣвшее лицо государя снова покраснѣло.

— А! снова дурныя вѣсти!

А Вревскій?

„Баронъ Вревскій умеръ!

— Умеръ? — а сраженіе?

„Сраженіе при Черной рѣчкѣ...

— Ну что же? Неужели проиграно?

„Да, государь! Его превосходительство генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій все время находился подлѣ генерала Даненберга, казалось, что оба искали смерти.

— И что же?

„Палъ только генералъ-адъютантъ и мнѣ поручилъ доставить Вашему Императорскому Величеству эту печальную вѣсть.

— Вотъ какъ! возразилъ государь и позвонилъ.

Вошелъ гофъ-фурьеръ.

— Отвести офицера Матвѣева на мѣсячъ въ крѣпость, пусть тамъ отдохнетъ, и чтобъ онъ не разговаривалъ, прибавилъ государь шепотомъ. Офицеръ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты. Въ передней онъ встрѣтился съ другимъ курьеромъ такъ же офицеромъ, его пріятелемъ, послѣдній былъ покрытъ пылью и грязью такъ что сталъ почти неузнаваемъ. Оба товарища узнали другъ друга.

— Островскій откуда ты? спросилъ Матвѣевъ.

— Съ Кавказа, отвѣтилъ, вновь брибывшій. Матвѣевъ вопросительно посмотрѣлъ на него. Островскій опустилъ голову и тотчасъ же поднялъ глаза на Матвѣева. Послѣдній пожалъ плечами. Островскій его понялъ и съ замираніемъ сердца направился въ кабинетъ государя, онъ также привезъ недобрыя вѣсти.

— Откуда ты? раздался громкій голосъ царя, лишь только курьеръ переступилъ порогъ кабинета.

— Изъ Малой Азіи, отвѣчалъ Островскій низко кланяясь и передалъ государю пакетъ, который тотъ поспѣшно распечаталъ.

„Государь, писалъ ему Муравьевъ-Карскій (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Муравьевымъ-Виленскимъ палачемъ), по Вашему повелѣнію мы штурмовали Карсъ и были откинуты съ страшнымъ уономъ. Мое мнѣніе, что Карсъ непреступенъ, къ сожалѣнію подтвердилось.

„Вчера, когда генералъ-адъютантъ привезъ приказаніе Вашего Величества штурмовать Карсъ, я упросилъ его не говорить объ этомъ распоряженіи до вечера и созвалъ военный совѣтъ. Всѣ единогласно были противъ штурма, который считали не только невозможнымъ, но даже излишнимъ, такъ какъ и безъ того блокированный городъ долженъ былъ сдаться не позже нѣсколькихъ недѣль принужденный къ тому голодомъ. Генералъ-адъютантъ слушалъ подаваемые мнѣнія и хранилъ глубокое молчаніе, такъ что мнѣ пришлось сообщить о распоряженіи Вашего Величества ...

„Господа, Государь приказываетъ штурмовать Карсъ, завтра въ 5 часовъ двинутся штурмовыя колонны; докажемъ Его Величеству, что мы съ радостью идемъ на смерть, когда приказываютъ умирать.

„И мы доказали, что умѣемъ умирать за царя и отечество, такъ какъ 19,000 отборныхъ войскъ пало на полѣ сраженія и въ оврагахъ Карса. Къ несчастію пули меня пощадили, и не избавили отъ грустной обязанности доложить Ва-

шему Величеству объ этомъ печальномъ извѣстіи".

Вотъ что писалъ Муравьевъ; пока государь машинально пробѣгалъ эти строки, сигнальная пушка продолжала ревѣть все чаще и чаще, заставляя дребезжать толстые стекла оконъ Зимняго дворца.

Неужели же у него колеблется почва подъ ногами? — Подобно тому, какъ въ настоящую минуту балтійскія волны угрожали столицѣ, западныя державы угрожали государству; тѣснили его со всѣхъ сторонъ, сопротивленіе было безуспѣшно; крѣпости — его гордость и надежды были безсильны, чтобъ остановить непріятеля, а объ его изгнаніи ужь и говорить нечего. Севастополь, перлъ южныхъ крѣпостей, еще держался противъ союзниковъ, но не благодаря своимъ гранитнымъ стѣнамъ, стоившимъ чуть ли не сотни милліоновъ, а только ради земляныхъ насыпей, наскоро сдѣланныхъ какимъ-то капитаномъ, иностранцемъ, сыномъ лавочника*). Но долго ли ему еще удастся продержаться? Не сегодня такъ завтра курьеръ могъ привести извѣстіе объ его паденіи. Какъ отчаянный игрокъ, онъ поставилъ карту ребромъ, пославши генералъ-адъютанта въ Крымъ дать рѣшительное сраженіе.

И что же? Дали сраженіе при Черной рѣчкѣ. Англичане были уже отброшены къ морю, счастье

---

*) Говорится объ Тотлебенѣ, сынѣ табачнаго фабриканта изъ Ревеля.

снова начинало улыбаться русскимъ, ужь побѣда начинала склоняться на сторону храбрыхъ московскихъ войскъ; какъ вдругъ бѣглымъ шагомъ подоспѣлъ Боскетъ съ своими зуавами.

Англичане были спасены, русскіе были оттиснуты къ непроходимымъ кручамъ, возвышавшимся надъ Черной рѣчкой, куда частью и свалились, а частью были перебиты безъ всякой пощады. Въ эти роковыя часы, по разсказамъ очевидцевъ, рѣчка положительно текла кровью.

Въ Малой Азіи Муравьевъ осаждалъ Карсъ. Государь хотѣлъ отвлечь вниманіе Европы отъ печальныхъ событій въ Крыму и желалъ такъ же ослѣпить союзниковъ блистательной побѣдой и въ то же время „поднять двухъ“ въ народѣ. Вотъ почему Карсъ долженъ былъ быть взятъ приступомъ. Въ Петербургѣ былъ созванъ военный совѣтъ на который такъ же призвали изъ Варшавы стараго графа Паскевича, который въ 1829 году взялъ Карсъ. Всѣ были противъ штурма и Паскевичъ былъ во главѣ оппозиціи.

— А ты же вѣдь взялъ Карсъ, возразилъ рѣзко царь?

— Повторяю Вамъ, Государь, что крѣпость неприступна и ее можно взять только голодомъ. Я дѣйствительно ее взялъ, но однако не чугунными ядрами, а золотыми. Пошлите Ваше Величество таковыя Муравьеву и вы завтра же увидите Карсъ у Вашихъ ногъ, съ полной откровенностью отвѣчалъ старый воинъ. Но царь Муравьеву не золотыя ядра послалъ, а приказъ — взять штурмомъ Карсъ. Государь лично не-

навидѣлъ Муравьева, благодаря тому, что однажды на большихъ двухсторонних маневрахъ, гдѣ одной частью командовалъ Муравьевъ, а другой самъ государь, Муравьевъ имѣлъ неосторожность взять въ плѣнъ государя со всѣмъ его штабомъ. Кто зналъ Николая тому хорошо извѣстно, что такого рода обиды онъ не могъ никогда простить, и если Муравьевъ и попалъ главнокомандующимъ въ Малую Азію, то только въ угожденіе народному голосу и его популярности. Генералъ долженъ былъ повиноваться царскому приказу и блистательная побѣда, о которой онъ мечталъ, которая должна была удивить всю Европу и поднять духъ и храбрость его подданныхъ, подвинуть ихъ къ новымъ жертвамъ — оказалась постыднымъ пораженіемъ и совершенно напрасной бойней.

Мысли гордаго самодержавца стали еще мрачнѣе угрюмой ночи, начавшей покрывать все еще бушевившія волны Невы. Удача, улыбавшаяся ему въ теченіи тридцати лѣтъ, и не разу не измѣнявшая, окутала его царствованіе обманчивымъ призракомъ полновластія, въ которое, въ концѣ концовъ, онъ самъ твердо увѣровалъ. До начала Крымской компаніи, онъ считалъ себя призваннымъ рѣшать судьбу всей Европы. Онъ считалъ себя тѣмъ колоссомъ, къ которому обращены взоры германскихъ повелителей, умоляющихъ объ его покровительствѣ. А теперь, что сталось? Новый пушечный выстрѣлъ изъ крѣпости заставилъ вздрогнуть государя, и прервалъ теченіе его мыслей.

Онъ совершенно забылъ о томъ, что вокругъ него происходило, не замѣчалъ даже присутствія курьера и не помнилъ о привезенномъ имъ извѣстіи.

— Что тебѣ надо? крикнулъ государь гнѣвнымъ голосомъ, — кто ты такой?

Но прежде, чѣмъ офицеръ успѣлъ отвѣтить, Николай пришелъ въ себя, и вспомнилъ какое ужасное извѣстіе онъ ему привезъ.

— Ахъ да, знаю, завтра же вернешся въ Малую Азію, а теперь ступай отдохни и выспись. Ты мнѣ привезъ печальныя вѣсти, по этому ты останешься подъ Карсомъ, пока не привезешь мнѣ вѣсть объ его взятіи. А теперь ступай. Впрочемъ, постой! гдѣ курьеръ изъ Крыма? Хорошо, прибавилъ онъ, подумавши, знаю. Прикажи, чтобы его вернули ко мнѣ. Островскій раскланялся по военному и вышелъ. Матвѣевъ былъ еще на дворцовой гауптвахтѣ, такъ какъ въ такую бурю было невозможно переѣхать черезъ Неву. Вернувшись къ государю, онъ получилъ приказаніе вернуться на другой же день въ Крымъ. Николай не щадилъ своихъ слугъ предполагая въ нихъ тоже желѣзное здоровье, какимъ онъ самъ, сѣверный богатырь, отличался. По выходѣ офицера, царь упалъ въ изнеможеніи на кресло и машинально сталъ прислушиваться къ завывающей бурѣ. Вдругъ онъ вскочилъ и позвонилъ своего денщика.

— Позвать Кареля! приказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Денщикъ вышелъ, и государя провожалъ его взглядомъ, погруженный еще въ свои мысли, какъ вдругъ раздался новый пушечный выстрѣлъ и буря проложила себѣ путь въ самый кабинетъ государя, открывши окно съ такой силой, что стекла разлетѣлись въ дребезги и съ шумомъ посыпались на полъ.

Государь вздрогнулъ.

Буря бушевавшая въ его душѣ, заставила позабыть объ невскихъ грозныхъ волнахъ. Онъ подошелъ къ открытому окну. Волны, все съ увеличивающейся силой бились о гранитныя набережныя, перебрасывая свою пѣну далеко за барьеръ. Сигнальная пушка все чаще и чаще раздавалась.

— Если Непиръ воспользуется бурей и темнотой сегоднѣйшей ночи, чтобы пройти мимо кронштадтскихъ фортовъ, Петербургъ погибъ, подумалъ государь, бросая мрачные взгляды, но въ то же время въ немъ проснулось его слѣпое довѣріе въ свое вѣчное счастье и бросивши вызывающій взглядъ на небо, онъ размышлялъ: не посмѣетъ, потому что, если даже и найдетъ между чухнами мерзавца, который согласился бы его провести, то до этого не допустятъ подводныя мины Якоби: моя звѣзда еще не закатилась, а только спряталась за облачкомъ. Она также какъ и Луна которую закрываютъ отъ времени до времени безобразные чудовища, они могутъ затемнить ее свѣтъ но никакъ не потушить. Буря прогонитъ тучи, и Луна снова освѣтитъ природу своими серебрянными лучами.

Такъ точно и моя звѣзда въ теченіи тридцати лѣтъ, водившая меня къ побѣдѣ, снова заблеститъ ослѣпительнымъ блескомъ, и уничтожитъ своихъ враговъ.

Левъ еще не побѣжденъ, напротивъ, онъ только остритъ свои зубы и когти, чтобы лучше васъ растерзать.

Ты завистливая, подлая Англія, клянусь тебя разорить, если только выйду побѣдителемъ изъ этой борьбы! и я одержу побѣду, вѣдь силы Россіи неистощимы!

Я васъ!!! прибавилъ онъ угрожая Западу кулакомъ.

Гофъ-фурьеръ отворилъ дверь и доложилъ:

Статскій совѣтникъ Карель! Вошелъ лейбъ-медикъ, любимецъ государя, сопровождавшій его во всѣхъ путешествіяхъ.

Николай не замѣтилъ его прихода: онъ упорно глядѣлъ на борьбу волнъ, напрасныя усилья которыхъ рисовали въ его воображеніи борьбу съ западными державами. — Вдругъ онъ обернулся и увидѣлъ передъ собой своего лейбъ-медика печально приблизившагося.

— Ахъ, это ты Карель?

Ладно, я за тобой посылалъ, такъ какъ чувствую себя нехорошо, да, очень нехорошо. Докторъ хотѣлъ пощупать пульсъ, но Николай выдернулъ руку.

— Не пульсъ откроетъ тебѣ мою болѣзнь, она сидитъ глубоко въ моемъ сердце....

Скажи, сколько мнѣ остается жить?

Карель на него посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ.

— Государь, человѣческая жизнь въ рукахъ божьихъ.

— И немного въ своихъ собственныхъ, прервалъ его царь съ гордостью.

Недоумѣніе Кареля возростало, дыханіе замерло, ему казалось, что онъ понимаетъ слова своего властелина, но въ тоже время страшился ихъ понять.

— Я царствовалъ долѣе, чѣмъ всѣ мои предки, продолжалъ государь, пора мнѣ на покой.

Такого же мнѣнія, мои друзья, англичане, прибавилъ онъ горько улыбаясь; они рѣшили положить оружіе не раньше, какъ я сойду съ трона. Но Карель, ты вѣдь меня знаешь, и значитъ понимаешь, что я съ короной разстанусь не иначе какъ съ жизнью.

Судьба меня призвала на тронъ, котóрый мнѣ не предназначался; я держалъ бразды правленія мощной рукой, ломая, какъ соломенку все, что только осмѣливалось мнѣ сопротивляться; германскія правительства смотрѣли на меня, какъ на своего спасителя, покровителя, и я могъ ихъ считать, почти моими вассалами! а теперь почва колеблется подъ моими ногами".

Эти послѣднія слова онъ произнесъ еле внятнымъ голосомъ и замолкъ на нѣсколько мгновеній, снова предавшись своимъ думамъ; затѣмъ точно пробудившись отъ тяжелаго сна, царь обратился къ Карелю:

— Сколько мнѣ остается жить?

„Государь, жизнь человѣка въ рукахъ божьихъ, какъ я ужь имѣлъ честь сказать. Безуменъ

и преступенъ тотъ врачъ, который осмѣливается опредѣлять срокъ жизни здораго человѣка. Кто не знаетъ возраста вашего величества никогда не повѣритъ, что вамъ шестидесятый годъ! Вы еще долго проживете для блага Россіи!

— Если я не умру для ея спасенія! эти слова государь произнесъ совершенно невольно и самъ того не сознавая.

За этими словами послѣдовало общее молчаніе, которое для Кареля показалось цѣлой вѣчностью. Государь, опустивши голову, зашагалъ по кабинету. Вѣтеръ врывался въ комнату сквозь открытое окно, да пушка постоянно потрясала воздухъ своими громовыми раскатами.

Наконецъ царь остановился передъ Карелемъ и спросилъ его спокойнымъ голосомъ:

— Какой ядъ убиваетъ въ нѣсколько дней безъ мученій и не оставляя слѣдовъ?

Карель молчалъ.

— Я тебя спрашиваю!! крикнулъ Николай голосомъ передъ которымъ дрожали храбрѣйшіе.

— Государь.... хотѣлъ отвѣтить Карель, но вмѣсто отвѣта бормоталъ что-то непонятное.

Наконецъ, собравшись съ духомъ Карель, имѣвшій обыкновеніе дѣйствовать рѣшительно, отвѣтилъ уклончиво:

— Есть много родовъ яду... но токсикологія, наука, въ которую еще не достаточно углубились чтобы можно было... Николай его не слушалъ, предавшись снова теченію своихъ мыслей; вдругъ онъ прервалъ уклончивые слова своего лейбъ-медика:

— Синильная кислота и некотинъ вѣдь — дѣйствуютъ мгновенно? Карель утвердительно кивнулъ головой.

— Значитъ это не годится, продолжалъ государь, какъ бы самъ съ собой разговаривая:

— Я не долженъ умереть внезапно, объ этомъ черезъ чуръ бы заговорили; я хочу пролежать нѣсколько дней; какое дѣйствіе производитъ стрихнинъ? продолжалъ монархъ.

Карель молчалъ.

— Кажется, что этотъ ядъ всасывается въ кровь? спросилъ государь, не обращая вниманія на молчаніе своего доктора.

Но видя упорное молчаніе Кареля, онъ продолжалъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— Что же, я вѣдь тебя спрашиваю!

— Государь...

— Безъ лишнихъ словъ, отвѣчай коротко и ясно на мой вопросъ!

— Иногда...

— Ладно! годится! никакихъ слѣдовъ, или почти никакихъ. Его дѣйствіе медленно и больной умираетъ постепенно, не теряя сознанія.

Карель вторично утвердительно кивнулъ головой.

Николай сталъ снова расхаживать по кабинету молча, повѣсивъ голову и погрузившись въ раздумье. Отъ времени до времени онъ останавливался передъ докторомъ безмолвно, смотрѣлъ на него въ упоръ, и опять начиналъ ходить, а мысли бродили далеко. Наконецъ онъ

остановился и прошепталъ такъ тихо, что самъ еле слышалъ свои слова:

— Карель, мнѣ нуженъ стрихнинъ.

Карель поблѣднѣлъ какъ полотно, вся его кровь прилила къ сердцу, онъ едва могъ дышать, хотѣлъ говорить но не могъ выговорить ни слова:

Между тѣмъ Николай отошелъ отъ него и остановился у открытаго окна, любуясь на разбушевавшуюся стихію.

Западъ все таки побѣдитъ! воскликнулъ онъ, нервно сжимая кулаки, потомъ обратился къ Карелю:

— Я хочу, имѣть стрихнину, повторяю тебѣ завтра же принеси мнѣ.

Вѣрный слуга упалъ на колѣни къ ногамъ своего повелителя.

Крупныя слезы капали изъ глазъ его; онъ схватилъ руку государя и покрывая ее поцѣлуями, едва могъ заставить себя выговорить:

Государь, что хотите вы дѣлать?

Николай бросилъ на его холодный и презрительный взглядъ вопрошая.

— Съ какихъ это поръ осмѣливаются меня распрашивать.

Слезы душившія лейбъ-медика, мѣшали ему отвѣчать.

Николай продолжалъ растроганнымъ голосомъ.

— Ты мнѣ служишь ужь многіе годы, Карель, ты сопровождалъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ, ты видѣлъ, что мнѣ стоило повѣсти бровью, чтобъ передо мной, падали лицъ какъ властелины такъ и рабы!

— Неужели, мой вѣрный слуга, ты хочешь чтобъ я сложилъ корону, и чтобъ подобно какъ въ баснѣ, ослы приходили лягать раненнаго льва! Развѣ ты хочешь, чтобъ тѣ, которые трепетали передо мной, радовались моему несчастью, и отворачивались бы отъ меня! Чтобы пигмеи смѣялись надъ павшимъ гигантомъ!

— Неужели же ты всего этого хочешь Карель?

Карель все еще оставался у ногъ царя, но Николай поднялъ его говоря:

— Полно Карель, будь мужчиной! — Завтра ты мнѣ принесешь стрихнину и обѣщаю тебѣ прибѣгнуть къ нему только въ томъ случаѣ, если сама судьба меня къ этому принудитъ!

Карель имѣлъ мужество отвѣчать:

Государь, мы доктора, обязаны возвращать здоровье больнымъ настолько, насколько наука намъ это позволяетъ; но убивать, наше призваніе намъ это запрещаетъ.

Голосъ государя, за минуту передъ этимъ ласковый, сдѣлался снова суровымъ и повелительнымъ не допускающемъ возраженія.

Тогда къ Карелю вернулось хладнокровіе.

Государь, сказалъ онъ, послушаніе имѣетъ свои границы. Пусть, Ваше Величество мнѣ прикажетъ умереть за Васъ, я умру съ радостью благословляя свою судьбу.

Государь, подумайте, объ Вашей супругѣ, объ дѣтяхъ, объ Вашемъ народѣ, продолжалъ онъ. — Вспомните, что я присягнулъ охранять Вашу жизнь, пожертвовать своей за Вашу, а теперь,

что Вы отъ меня требуете? это ужасно! ужасно. И снова повалился къ ногамъ государя.

Государь подошелъ къ окну и прислонилъ свой горячій лобъ къ холодному стеклу, освѣжившись вернулся къ лейбъ-медику и сказалъ строгимъ но ласковымъ голосомъ: Вставай безумный, кто тебѣ говоритъ, что я хочу теперь же умереть? Но мало ли что можетъ случиться.

Для царя, котораго поддерживаетъ такой преданный народъ, нѣтъ такого случая и ничего подобнаго не можетъ быть, прервалъ его Карель. Русскіе всѣ до послѣдняго лягутъ за Васъ? Вспомните 1812 годъ! Непріятель можетъ отнять нѣсколько крѣпостей, можетъ сорвать свою злобу сжигая беззащитныя приморскія деревушки, можетъ....

— Довольно пустыхъ словъ...

Подумай объ моемъ приказаніи.

При этихъ словахъ государь повернулся къ нему спиной и удалился.

Дрожа и съ разбитымъ сердцемъ докторъ всталъ и послѣдовалъ за государемъ. Ему была повѣрена страшная тайна и все таки онъ былъ не въ состояніи заставить царя измѣнить свое рѣшеніе, такъ какъ Николай требовалъ слѣпого повиновенія и ему были чужды прощеніе и забвѣніе.

II.

Въ Коломинской части есть кварталъ, называемый „Болото“. Еще десять лѣтъ тому назадъ тамъ тянулись ряды низенькихъ и грязныхъ лачугъ вдоль немощенныхъ улицъ. Во время дождливой погоды тамъ грязь была невылазная, а во время засухи пыль затмѣвала солнечный свѣтъ.

Въ этотъ вечеръ Болото въ особенности оправдывало свое названіе, такъ какъ Нева, выступившая изъ своихъ береговъ, сдѣлала въ этой низмѣнной части города улицы совершенно недоступными, какъ для пѣшеходовъ, такъ и для экипажей, которые впрочемъ рѣдко туда заглядывали. Большинство лачугъ оставались въ полномъ мракѣ, такъ какъ ихъ обыватели, по большей части мастеровые или мелкіе чиновники, упрятавши жалкое имущество по чердакамъ, поспѣшили искать спасеніе въ болѣе возвышенныхъ частяхъ города.

Въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ домиковъ виднѣлся тусклый свѣтъ, пробивавшійся сквозь синеватую бумагу, во многихъ мѣстахъ замѣнявшую оконные стекла. Отъ времени до времени сверкалъ яркій красноватый свѣтъ и снова исчезалъ.

Если кто нибудь вошелъ бы въ этотъ полуразвалившійся домишко, ему представилась бы странная картина.

Въ маленькой комнаткѣ, обклеянной дешевыми синими обоями, вдоль стѣнъ стояли узкія лавки,

какъ обыкновенно бываетъ въ крестьянскихъ избахъ, посреди комнаты стоялъ деревянный столъ на которомъ горѣла сальная свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и въ безпорядкѣ были разбросаны засаленныя карты и грязныя чашки съ кофейной гущей.

Напрасно любопытный искалъ бы креста или образа въ красномъ углу. Около каменной печки, гдѣ горѣла охапка щепокъ, сидѣла старуха и варила кофе въ жестяной кострюлькѣ, не обращая вниманія на завывающую бурю.

Отъ времени до времени она подбрасывала щепки въ очагъ и ея фигура, при освѣщеніи вспыхивающаго огня, напоминала вѣдьму, прилетѣвшую съ Лысой горы, чему способствовалъ еще фантастическій костюмъ; голова ея была покрыта красной повязкой, а черезъ лѣвое плечо висѣлъ желтый платокъ съ красной каймой, падая вокругъ ея стана длинными складками. Иногда она вскакивала, кружилась по комнатѣ и пѣла глухимъ голосомъ какую-то странную и дикую пѣсню. Потомъ она снова садилась къ очагу, смотрѣла на кипящій кофе и углублялась въ раздумье. Наконецъ она слила кофе въ одну чашку, а гущу вылила въ другую, предварительно чисто ее вымывши. Начало внимательно всматриваться въ кофейную гущу, медленно прихлебывая кофе. Чѣмъ болѣе она всматривалась, тѣмъ болѣе лицо ея принимало демоническое выраженіе. Вдругъ она разразилась безумнымъ смѣхомъ и швырнула въ уголъ чашку съ гущей, которая разбилась въ дребезги, вскочила, по-

добно тигрицѣ, чующей запахъ крови и принялась снова за свою бѣшенную пляску, затягивая еще сильнѣе дребезжащимъ голосомъ дикую пѣсню, въ зловѣщихъ словахъ которой слышалось предсказаніе о своей кончинѣ черезъ нѣсколько часовъ и что умирая, она отомститъ какому-то врагу, который незамедлитъ за ней послѣдовать.

Эта полусумашедшая старуха была знаменитая цыганка-гадалка Марфуша, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „кіевской вѣдьмы“. Пока цыганка безумно прыгала и распѣвала, какъ не замѣтно вошла въ комнату какая-то дама, и, удивленная не понятнымъ поведеніемъ старухи, остановилась у дверей. Это была красивая женщина, лѣтъ двадцати пяти. Ея туалетъ былъ простой, но со вкусомъ, вслѣдствіи бури былъ въ безпорядкѣ; ноги были промочены и хотя она была закутана въ теплую шаль, казалось, что прозябла, такъ часто вздрагивала. Ея красивое лицо было блѣдно, чудные черные глаза сверкали сквозь слезы, по временамъ ея губы нервно подергивались. Конечно не пустое любопытство привлекло ее въ такую погоду къ цыганкѣ, вѣроятно она пришла искать утѣшенія, а можетъ и средства къ спасенію.

Марфуша продолжала скакать и припѣвать, не замѣчая ея присутствія, пока случайно не наткнулась на нежданную гостью. Цыганка не выражая удивленія, молча посмотрѣла въ упоръ на посѣтительницу.

— Ты пришла узнать свою судьбу? сказала она; мнѣ не зачѣмъ и глядѣть въ карты, твоя судьба написана на твоемъ лицѣ. Дай-ка мнѣ взглянуть на ручку.

Говоря такимъ образомъ, она привлекла незнакомку къ столу, на которомъ горѣла свѣча; сняла пальцами со свѣчи, бросила нагорѣвшую свѣтильню, потомъ долго взглядывалась въ руку, точно изучая каждую черту; стала смотрѣть упорно въ лицо, но такимъ взглядомъ, что дама съ трудомъ могла его выдержать. Потомъ приблизивъ ея руку къ свѣчкѣ, вдругъ выпустила, и, отталкивая незнакомку, закричала:

— Ты осмѣлилась придти ко мнѣ? Ты осмѣлилась придти ко мнѣ плакать?

Ну что, Сибирь!! Что на счетъ Сибири!! Впрочемъ его не повѣсятъ! Ты въ отчаяніи не увидишь его висящимъ, окруженнымъ каркающими воронами! Счастливая, ты не увидишь его смерти!!...

Въ ужасѣ, почти лишившись чувствъ, молодая женщина жадно слушала безсвязныя слова старой цыганки. Она хотѣла что-то спросить, но не могла найти словъ, чтобы выразить что мучило ея душу, разбивало сердце. Однако отвратительная старуха, казалось, угадывала ея мысли и продолжала:

— Голубка, вздыхаетъ о своемъ голубкѣ? Она хочетъ знать куда онъ полетѣлъ?! Да, къ своей новой возлюбленной!!

Вѣдьма произнесла эти послѣдніе слова голосомъ пронизывающимъ до мозга костей.

— Старую любовь замѣнила новая, прибавила она смѣясь.

При этихъ послѣднихъ словахъ сердце молодой женщины надорвалось; слезы, которыя она съ трудомъ удерживала, брызнули изъ ея глазъ. Она съ отчаяніемъ сжала руку старухи.

— Сжалься надо мной — Марфуша! Не мучь меня болѣе темными словами! Вотъ бери все — что на мнѣ, Марфуша, но скажи мнѣ правду! Я хочу знать всю правду! Самая ужасная правда лучше того страшнаго сомнѣнія которое меня мучитъ.

Въ это время она бросила на столъ свой туго набитый кошелекъ, браслеты, брожку, и готовилась уже снимать серги, когда Марфуша остановивъ ее руку, съ презрѣніемъ оттолкнула деньги и драгоцѣнности.

Бери назадъ свои сокровища, сказала она гробовымъ голосомъ. — Цыганкѣ, которая черезъ часъ умретъ, ненужны деньги.

Незнакомка казалось не понимала. Горе и томлѣніе неизвѣстности лишили ее разума.

— И такъ ты хочешь знать гдѣ твой милый? Вѣдь для этого ты пришла ко мнѣ? Ты видишь, я много знаю, я все знаю. Видишь, продолжала она болѣе ласковымъ голосомъ, умирающимъ дано предугадывать будущее, тѣмъ не менѣе онй знаютъ настоящее и прошедшее. — Любовь къ тебѣ бывшая въ сердцѣ твоего мужа, замѣнила другая любовь, болѣе сильная! Да онъ тебѣ измѣнилъ!

Несчастная молодая женщина чувствовала, что ея колѣни подкачиваются, она сѣла на лавку

противъ цыганки, устрѣмивъ на нее взглядъ полный безнадежной грусти.

— Успокойся, дитя мое, продолжала Марфуша, и тонъ ея голоса становился все нѣжнѣе, не женщина заступила твое мѣсто въ сердце мужа.

— Кто же такой? прошептала молодая женщина умолящимъ голосомъ.

— Это возлюбленная такова, что предаетъ смерти всѣхъ, кто ею увлекается! Ради нее и умретъ твой мужъ, прибавила она хладнокровно.

— Кто-жь это такой? вскрикнула въ испугѣ незнакомка.

— Родина! грусно отвѣтила старая колдунья, вытирая невольно навернувшіяся слезы.

Вдругъ послышался шумъ за окномъ и точно шагъ лошади, шлепающей по грязи.

Цыганка вскочила съ своего мѣста и схватила незнакомку, чтобы поднять со скамьи съ такой силой, какую нельзя было ожидать въ слабой старой женщинѣ.

— Скорѣй въ этотъ чуланъ! Онъ не долженъ тебя видѣть, ради тебя и спасенія жизни твоего мужа! Скорѣй, скорѣй, повторяю тебѣ — это онъ!

При этихъ словахъ она втолкнула молодую женщину въ темный чуланъ.

— Кто это?... спросила незнакомка.

— Кто? повторила цыганка, кто?

Ты къ твоему горю, это слишкомъ скоро узнаешь! Но повторяю тебѣ, если ты только покажешься, ты погубишь и себя и своего мужа.

Говоря эти слова она заперла дверь чулана на задвижку.

III.

Дѣлая видъ, что не замѣчаетъ вновь прибывшаго гостя, вѣдьма вернулась къ очагу, подкинула щепокъ, насыпала кофе въ кострюлю, налила воды и стала спокойно его кипятить. Пока она всѣмъ этимъ занималась, человѣкъ высокаго роста, закутанный въ старую военную шинель *), вошелъ въ комнату. Очевидно старуха замѣтила его приходъ; но она и не подавала виду и продолжала свои занятія.

Офицеръ смотрѣлъ на нее нѣсколько времени, но видно было, что онъ не привыкъ ждать, и топнувъ ногой, съ нетерпѣніемъ крикнулъ:

— Ну что же, старая вѣдьма, оглохла и ослѣпла что ли?

Марфуша медленно обернувшись стала вглядываться въ новаго посѣтителя, но лицо ея не выразило ни страху ни удивленія.

— Ты пришелъ узнать сколько тебѣ осталось жить? Ну такъ слушай:

Прежде чѣмъ явиться весна, настанетъ твой послѣдній часъ. Сперва я, а ты потомъ, мы оба найдемъ покой въ могилѣ.

— Да, ядъ, ядъ! А вѣдь неправда ли это чудная вещь! Вѣдь не въ винѣ, а въ ядѣ находишь утѣшеніе и забвеніе!

---

*) Николай постоянно носилъ старую шинель покойнаго брата, которую Александръ надѣвалъ во время войны съ французами.

Офицеръ пристально взглянулъ на цыганку, но ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ.

Произнесла ли она эти слова на удачу, или проникла въ глубину его думъ?

Онъ не возражалъ на ея слова и старуха продолжала:

— Хочешь ли голубчикъ-батюшка, подождать, пока мой кофе поспѣетъ, не ради того, чтобъ выпить чашечку, отъ которой ты пожалуй и не отказался бы, въ особенности еслибъ зналъ что онъ отравленъ. . . А можемъ пока разложить карты?

Услышавши слово „ядъ“ офицеръ невольно вздрогнулъ, но когда старуха упомянула объ картахъ, онъ утвердительно кивнулъ головой.

Старуха сняла со свѣчки, сѣла къ столу и предложила офицеру сѣсть противъ нее.

— Садись, сказала она, не смущайся, хоть лавка эта не тронъ, за то на ней безопаснѣе и спокойнѣе.

Офицеръ опустился на скамью и задумчиво облокотился головой на руку, пока старуха съ угрюмымъ видомъ тасовала карты. Цыганка разложила карты по всѣмъ правиламъ искусства и вскрикнула:

— Слышишь ли, труба прогремѣла! Она довольствуется своими прежними побѣдами, такъ какъ доказала Востоку свое могущество! Твои враги поступятъ также если. . . . .

Она замолчала. Долго ждалъ незнакомецъ, чтобы цыганка заговорила, но такъ какъ она

продолжала молчать, офицеръ съ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Если! . . . . Говори же, старуха, что значитъ это „если“? . . .

Старуха продолжала хранить молчаніе, разсматривая карты. Наконецъ она сказала:

— Карты ничего мнѣ не открываютъ объ будущемъ, онѣ только говорятъ о прошломъ, которое ты, пожалуй, уже забылъ. Пока кофе поспѣетъ и дастъ мнѣ возможность угадать твое будущее, я тебѣ разскажу по картамъ прошлое.

Она снова принялась разсматривать карты и сказала:

— Эта пятерка пикъ говоритъ мнѣ объ пяти жертвахъ, которыхъ ты повѣсилъ. . .

— Старуха! . . . . крикнулъ офицеръ.

Казалось, что цыганка не слышала его возгласа и спокойно продолжала:

— У одного, изъ пяти мучениковъ, была дочка, хорошенькая блондинка.

Однажды утромъ она проснулась отъ необычнаго шума — это полиція опечатывала послѣднее имущество вдовы и сироты, такъ какъ судъ приговаривая отца къ повѣшенію, отдавалъ все его имущество царю и оставлялъ семейство нищими. . .

— Старуха! вторично первалъ ее офицеръ, но она по прежнему не обратила на это вниманія и продолжала:

— Съ этого дня мать и дочь влачили свое существованіе въ страшной нуждѣ. Но этого было мало, ихъ выслали изъ Петербурга, будто

они кому нибудь мѣшали, и заключили по высочайшему повелѣнію въ монастырь. . .

— Старуха, замолчи! крикнулъ офицеръ.

Но не обращая вниманія на его возгласъ, снова цыганка продолжала:

— Да они страдали по высочайшему повелѣнію, перенося всевозможные упреки и униженія. Жена и дочь, подобно отцу, умершему за свободу, предпочитали умерѣть, чѣмъ переносить такое унизительное рабство. Онѣ обѣ бѣжали, и монастырь, боясь отвѣтственности за недосмотръ, объявилъ въ рапортѣ, посланномъ въ Петербургъ, объ ихъ смерти.

Смерть и забвѣніе въ нашей блаженной Россіи одно и тоже, и такъ о двухъ бѣглянкахъ перестали и думать. Мать едва была въ состояніи зарабатывать рукодѣліемъ пропитаніе и обѣ жили въ страшной бѣдности, почти въ нищетѣ, но бодро переносили невзгоды, — онѣ были свободны. Къ несчастью эта свобода не долго прододжалась.

Однажды мать вернулась въ свою комнатку и не застала своей Анюты. Напрасно она звала и искала, ее дома не оказалось. Гедеоновъ, достигшій высшаго почета, сдѣлался тайнымъ поставщикомъ своего монарха. . . .

Офицеръ нахмурилъ брови, вѣны на его лбу сильно надулись, онъ сжалъ кулаки и хотѣлъ ужь броситься на цыганку, но старуха продолжала не сводя глазъ съ картъ:

— Гедеоновъ увидѣлъ Анюту на улицѣ, оцѣнилъ своимъ опытнымъ глазомъ ея красоту, и догадался, что она съумѣетъ ему доставить но-

выя милости царя. Для него было безразлично, кто бы она ни была. Онъ скоро узналъ черезъ полицію объ мѣстѣ ея жительства. Въ отсутствіи матери, по его распоряженію, дочь была похищена и онъ ее помѣстилъ въ театральное училище, привилегированный гаремъ, служащій для удовлетворенія прихотей монарха.

Офицеръ устрѣмилъ грозный взглядъ на цыганку, но она его по прежнему не замѣчала и продолжала спокойно:

— Дѣвочка, хотя ей было всего только шестнадцать лѣтъ, было настолько горда, что скрыла свое настоящее имя. Когда ее спросили, какъ ее зовутъ, она отвѣчала:

Марія Ассенькова.

— Какъ? Марія Ассенькова? невольно спросилъ офицеръ.

— Да, была дочь погибшаго Нилѣева, отвѣчала старуха спокойнымъ но слегка дрожащимъ голосомъ.

— Марія Ассенькова, въ скоромъ времени стала лучшимъ украшеніемъ театральнаго училища не только по своей красотѣ, но и по своему таланту. Но красота не принесла ей счастья, скоро она была вынуждена отдаться тому, кто подписалъ приговоръ надъ отцемъ, вѣдь фрейлины ученицы театральнаго училища были игрушками прихоти монарха. Послѣдствіемъ этой насильственной любви было рожденіе сына. . .

— Гдѣ сынъ? вскрикнулъ офицеръ.

Старуха, казалось и не слышала его возгласа.

— Этого сына, въ день его рожденія, похитила мать молодой дѣвушки, продолжала цы-

ганка все глядя на карты. Ей же удалось проникнуть къ Астафьевой подъ видомъ акушерки. Этого ребенка она похитила, чтобы онъ могъ слушить орудіемъ ея мѣсти. Этотъ ребенокъ живъ и до сихъ поръ.

— Гдѣ же онъ? Скажи, а но то! . . . . рявкнулъ офицеръ, показывая кулакъ, голосомъ передъ которомъ все трепетало, но который не могъ устрашить цыганку.

— Ребенокъ живъ еще, но мать умерла, она умерла, проклиная того, который ее опозорилъ — отца своего ребенка.

Толпа, провожавшая ее бренныя остатки, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ во главѣ, и не подозрѣвала, что одна и таже рука убила отца и дочь, и что ея сыну суждено отомстить. . .

— Вѣдьма, ты слишкомъ много знаешь! Скажи мнѣ все!

— Ты все должна мнѣ сказать! . . . заревѣлъ государь, схвативъ старуху своей желѣзной рукой, но она точно вьюнъ выскользнула изъ его рукъ и холодно отвѣчала: я говорю только то, что мнѣ подсказали карты, а теперь посмотримъ будущее въ кофейной гущѣ.

Она слила кофе, стала внимательно взглядываться въ гущу и сказала:

— Гуща предсказываетъ счастливые дни для Россіи, но не при теперешнемъ царѣ. Въ крови взошла его звѣзда, въ крови же она и закатится. Царствованіе Николая займетъ въ исторіи мрачную и залитую кровью сраницу. Николая не будутъ благословлять, но напротивъ. . .

Между тѣмъ офицеръ всталъ. Смертельная блѣдность покрывала его мраморныя черты, выражавшія бѣшенство тигра, не щадящаго своей добычи. Онъ схватилъ старуху за плечо и началъ ее трясти:

— Ты слишкомъ много знаешь о прошломъ, а твои предсказанія о будущемъ слишкомъ не ясны: я не попадусь на твое шарлатанство. Тайна, которой ты владѣешь, тебя погубитъ. Ты говорила объ сынѣ Ассеньковой! какъ его зовутъ и гдѣ онъ? говори а не то!! . . .

— Спроси орла въ небѣ, какъ его зовутъ, спроси волка, въ чистомъ полѣ откула онъ взялся, засмѣялась старуха.

Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю! крикнулъ офицеръ.

Ни боюсь я ни твоей власти, ни висѣлицы! не смѣй касаться того, надъ кѣмъ небо ужь простерло свою руку! . . . зашипѣла старуха.

— Посмотримъ, заговоритъ ли адъ или небо, но пока мы узнаемъ гдѣ сынъ Ассеньковой, за стѣнокъ*) въ Петропавловской крѣпости съумѣетъ тебя заставить признаться, кто ты сама?

— Кто я?!! воскликнула цыганка вырываясь изъ рукъ офицера. Развѣ ты не узнаешь женщину, которая валялась у тебя въ ногахъ, умоляя объ помилованіи своего мужа?! Развѣ ты не узнаешь во мнѣ женщину, которую обманули милостивыми словами, чтобы сдѣлать изъ нее орудіе для погибели ея мужа?! Никогда бы ни онъ ни его товарищи ни въ чемъ не при-

*) III отдѣленіе.

знались, еслибъ черезъ меня не было имъ обѣщано помилованіе въ случаѣ полнаго признанія. Да они во всемъ признались! и что же? вмѣсто прощенія они были повѣшены! . . . Само небо видно возмутилось подобному убійству, такъ какъ у троихъ веревки оборвались. Во всякой другой странѣ это послужило бы къ ихъ помилованію, а тутъ — послужило только къ продолженію ихъ муки. Тогда я поклялась отомстить палачамъ, и всему человѣчеству, и до сихъ поръ я стержала свою клятву. А, ты меня не узнаешь? Дѣйствительно. Я ужь не та красавица, какъ въ былые годы! Года, горе и безсильная злоба заставили посѣдѣть мои волосы и изрыли лицо морщинами! Салонная дама превратилась въ цыганку! Вдова Нилѣева...

— А? ты жена казненнаго Нилѣева? прервалъ ее офицеръ.

— Да и мать Ассеньковой!

Государь вздрогнулъ, такъ какъ сильно любилъ Ассенькову, бывшую звѣздой русскаго театра въ тридцатыхъ годахъ. Николай въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ превзошелъ Лудовика XIV. У того былъ только „Оль-де-Бефъ“ для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ, а у русскаго царя кромѣ фрейлинъ государыни, которыхъ онъ потомъ выдавалъ замужъ за своихъ царедворцевъ или генераловъ, дѣлавшихъ такимъ образомъ себѣ карьеру, у него было еще и театральное училище, во главѣ котораго стоялъ Гедеоновъ, главный поставщикъ государя, достигшій до высшей ступени служебной іерархіи, такъ какъ былъ пожалованъ

въ дѣйствительные тайные совѣтники перваго класса.

Несчастная мать, вдова казненнаго, руководимая безграничной любовью къ дочери, скоро съумѣла разыскать и даже проникнуть сквозь двери театральнаго училища, оберегавшаго не хуже любого сераля.

Она жаднымъ окомъ слѣдила за судьбой Анюты. Анюта долго сопротивлялась требованіямъ государя, любовь котораго только разжигалась ея холодностью; потомъ когда она стала носить подъ сердцемъ залогъ насильственной любви, государь страстно къ ней привязался. Если бы она родила ему сына, то пожалуй, что заступила бы мѣсто въ послѣдствіи занятое Нелидовой. Наконецъ она родила столь желаннаго сына, но въ день рожденія этотъ ребенокъ исчезъ. Его похитила акушерка, и едино-временно съ этимъ исчезла съ „Песковъ“ старая швея и появилась въ „Болотѣ“ цыганка Марфуша. Всѣ розыски тайной полиціи, чтобы отыскать акушерку оказались тщетны. Ассенькова была страстно влюблена въ актера Степанова, платившаго взаимностью, но ревность государя была препятствіемъ ихъ браку. Это такъ подѣйствовало на несчастную, что она зачахла съ горя. — И вотъ судьба натолкнула Николая на слѣдъ! Прежняя любовь снова разгорѣлась въ его жилахъ. Онъ схватилъ старуху за плечо и сжалъ съ страшной силой, но вѣдьма не дрогнула, только на ея лицѣ снова появилось то демоническое выраженіе о которомъ было ска-

зано, и на вопросъ государя, гдѣ сынъ, она съ насмѣшкой отвѣчала:

— Ты хочешь знать гдѣ твой сынъ? Такъ знай же, что онъ былъ тамъ, куда ты посылаешь всѣхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ Россіи! Да онъ былъ сосланъ тобой въ Сибирь! Тобой нѣжнымъ отцемъ, чтобы добывать золото изъ Нерчинскихъ рудниковъ для твоихъ прихотей! Но по милости Божьей онъ вернулся, чтобы отомстить своему отцу за дѣда, за бабку, и за самого себя.

— Невозможно! . . сказалъ строго государь.

— Невозможно? Да развѣ ты думаешь, что Сибирь не возвращаетъ своихъ жертвъ? Не забудь, что даже мертвые иногда встаютъ изъ могилъ, чтобы наказать своихъ убійцъ? — Ну все равно. . . . Ты сказала, что онъ вернулся, скажи же гдѣ онъ?

— Никогда! я хочу, чтобъ онъ отомстилъ за своихъ и только на смертномъ ордѣ, онъ узнаетъ кто былъ его отцемъ:

— Ты забываешь, старая карга, что я могу велѣть съ тебя живьемъ шкуру содрать и заставить сказать правду!

Вмѣсто отвѣта старуха залилась неестественнымъ хохотомъ, напрасно стараясь освободиться изъ рукъ царя. Государь былъ въ недоумѣніи, какъ ему поступить съ Марфушей? Вдругъ онъ ее швырнулъ съ такой силой, что она отлетѣла къ печькѣ и ударилась объ острый ея уголъ. Лужа крови тотчасъ же разлилась по полу — она раскроила объ уголъ себѣ черепъ.

Государь этого не замѣтилъ, онъ опромѣтью

выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту послышались шаги его лошади, шлепавшіе по грязной улицѣ.

Буря межъ тѣмъ успокоилась, вода съ улицъ снова спала, и сигнальная пушка раздавалась все рѣже и рѣже.

По дорогѣ Николай остановился было у перваго попавшагося полицейскаго поста, но часовой, въ тѣмнотѣ, не узналъ государя. Быстро измѣнивши свое рѣшеніе, царь направился во дворецъ, разсуждая про себя:

— Нѣтъ, простая полиція для этого негодится, она черезъ-чуръ болтлива. Я пошлю Дупельта, онъ и самъ умѣетъ молчать, да и старухѣ болтать не позволитъ.

IV.

До слуха молодой женщины, запертой въ чуланѣ, долетали голоса двухъ собесѣдниковъ, но она могла разслышать только отрывистыя фразы, пока наконецъ все не замолкло. Долго ждала она въ надеждѣ, что придутъ ее выпустить, но напрасно, никто ни приходилъ. Она начала стучать въ дверь, сначала слегка, а потомъ крѣпче и крепче, но никто не являлся. Она стала трясти дверь, но запертая снаружи крѣпкой задвижкой, дверь не подавалась. Ей овладѣлъ внезапный страхъ и она принялась звать на помощь.

Въ это время молодой человѣкъ вошелъ въ комнату. Ему, казалось, было не болѣе двадцати одного или двадцати двухъ лѣтъ. Его высокій и стройный станъ былъ закутанъ въ старую солдатскую шинель, голова покрыта безкозыркой, глубоко надвинутой на глаза. Правая рука была на перевязи. Рана на лѣвой ногѣ, заставляла его ступать съ трудомъ и прихрамывая. На лицѣ его замѣтенъ широкій шрамъ отъ праваго уха черезъ щеку до самаго лба. Этотъ шрамъ его неуродовалъ, но только измѣнялъ выраженіе лица, иначе сходство между нимъ и только что вышедшимъ офицеромъ, было бы поразительно. Онъ съ недоумѣніемъ остановился у порога; почти у его ногъ лежала старая цыганка, плавающая въ крови, а изъ запертаго чулана раздавался крикъ молодой женщины, слышавшей скрипъ отворявшейся двери и по этому усилившей зовъ о помощи.

— Спасите! ради Бога спасите!

Юноша подошелъ къ двери и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Кто-бы вы небыли, былъ отвѣтъ, ради Бога отворите, такъ какъ каждое мгновеніе, проводимое мной въ этой комнатѣ, мученіе — міръ ужасовъ.

Молодой человѣкъ отворилъ дверь, изъ чулана вышла красавица, блѣдныя черты лица которой выражали ужасъ и отвращеніе.

— Что здѣсь происходитъ? спросила она, остолбенѣвъ отъ ужаса, видя цыганку валявшуюся въ крови.

— Кто сюда пріѣзжалъ? прошептала она наконецъ.

Видя, что отъ нее ничего не узнаешь, юноша спросилъ, какъ она очутилась запертой въ темнотѣ.

Въ нѣсколькихъ словахъ, молодая женщина объяснила свое присутствіе у цыганки. Пока она говорила, вновь прибывшій поднялъ старуху, положилъ на лавну и сталъ промывать рану холодной водой. Мало по малу Марфуша пришла въ себя, открыла глаза и обвела вокругъ себя мутнымъ взоромъ. Ея глаза закрылись, но черезъ нѣсколько мгновеній она ихъ снова открыла. Наконецъ она окончательно пришла въ себя.

Ея глаза засверкали, но уже не прежнимъ огнемъ, а лихорадочнымъ, пламя лихорадки ужь начало ее обхватывать. Сперва ея взглядъ остановился на молодой женщинѣ, потомъ перешелъ на молодаго человѣка.

— Я знала, что я сегодня же умру, прошептала она, и ты пришелъ выслушать послѣднее слово мести отъ твоей бабушки.

Потомъ, обращаясь къ незнакомкѣ, сказала:

— Ступай теперь, мой часъ уже насталъ, по этому я для тебя не могу ничего сдѣлать. Я безсильна въ добрѣ — давно прекратила я всякія сношенія съ ангелами. Когда я убѣдилась, что небо безсильно спасти того, кого я любила больше жизни, я предалась аду, ища въ немъ помощи для моей мести. Часъ мести близокъ, но я его не увижу, судьба того не хочетъ.

Ступай и оставь насъ наединѣ! Впрочемъ, по-

дожди, открой второй ящикъ шкапчика, что стоитъ тамъ въ углу, ты найдешь шкатулку завернутую въ пеструю тряпку; принеси ее мнѣ.

Незнакомка исполнила приказаніе старухи.

Цыганка открыла шкатулку дрожащей рукой; въ ней были золотыя и серебрянныя деньги и драгоцѣнные украшенія. Покопавшись Марфуша достала очень массивное золотое кольцо съ опаломъ, которое она подала молодой женщинѣ.

— Опалъ — камень слезъ, носи это кольцо, но заклинаю тебя жизней, никогда съ нимъ не раставайся, если бы даже тебѣ пришлось просить милостыню. Это кольцо не въ силахъ спасти твоего мужа, такъ какъ оно не дѣйствительно противъ предопредѣленія судьбы, но оно за него отомститъ!!! Ступай, мнѣ теперь остается жить только нѣсколько минутъ.

При этихъ словахъ она разкрыла маленькій пузырекъ такъ же вынутый изъ шкатулки.

— Мнѣ нужно поговорить безъ свидѣтелей съ моимъ внукомъ. Ступай!!!

Молодой человѣкъ молча съ удивленіемъ слушалъ старуху. Слова „внукъ“ невольно обратило на себя его вниманіе.

— Подойди сюда внучекъ, мой часъ пробилъ и ужь скоро явятся за мной жандармы, но они застанутъ только умирающую, послѣднимъ словомъ которой будетъ проклятіе!

Ты долженъ такъ же бѣжать, чтобъ они тебя не застали, такъ какъ тебѣ, внучекъ, предназначено свершить великое дѣло!

Это слово, внучекъ, такъ часто повторенное

старухой поразило юношу и онъ обратился къ старухѣ:

— Послушай Марфуша...

Казалось, что старуха угадала его мысль.

— Да внукъ, продолжала она, когда-то былъ у меня мужъ — онъ погибъ на висилицѣ; у меня была дочь, она умерла съ разбитымъ сердцемъ. Тотъ же человѣкъ, который подписалъ смертный приговоръ моему мужу, былъ причиной смерти моей дочери. Но милостивое небо сохранило ея сына чтобъ отомстить за нихъ. Я должна была тебя скрывать отъ тѣхъ, кто тебя разъискивалъ, и если бы насъ увидили вмѣстѣ, то мы оба погибли бы. По этому я тебя помѣстила въ пріютъ, куда тебя отослала съ одной крестьянкой, тамъ ты и выросъ, какъ сирота. Эта крестьянка скоро умерла, а съ ней вмѣстѣ и исчезъ всякій слѣдъ прошедшаго. Хоть я тебѣ никогда не показывалась, но мой глазъ всюду зорко слѣдилъ за тобой.

— Бабушка... воскликнулъ юноша, хватая похолодѣвшую руку старухи, но цыганка остановила его: не прерывай меня, вѣдь я уже тебѣ сказала, что мои минуты сочтены. Имя того, кто былъ причиной смерти твоего дѣда, твоей матери, и наконецъ моей, равно какъ и свое собственное имя все это ты найдешь въ запискахъ лежащихъ въ этой шкатулкѣ.

Возьми ее, это твое наслѣдство. Бери ее и бѣги скорѣй, вѣдь ты знаешь, что тебѣ, бѣглому каторжнику, дезертиру...

— Бабушка, Марфуша! воскликнулъ юноша

видя съ удивленіемъ, что ей извѣстна его тайна, такъ тщательно имъ скрываемая.

— Успокойся, эта тайна извѣстна только мнѣ одной. Не даромъ же меня зовутъ кіевской вѣдьмой. Ты видишь, что ты долженъ бѣжать, тебя не должны здѣсь застать, иначе тебя могутъ узнать и тогда все пропало.

Не забывай, что тебѣ суждено свершить великое дѣло — отомстить за всѣхъ насъ. Слѣдовательно ты не долженъ умереть.

Спасайся, мнѣ нѣтъ надобности въ клятвѣ, что ты отомстишь. Само провидѣніе укажетъ тебѣ путь. Ты орудіе его наказанія напрасно ты сталъ бы сопротивляться...

Скорѣй, они идутъ...

— Бабушка, теперь, какъ я тебя отыскалъ, я не могу, я не долженъ тебя покидать...

— Ну что же, хотя бы и остался, мнѣ жить только нѣсколько мгновеній... Мнѣ бы ты не помогъ, а себя погубилъ бы...

— Нѣтъ, бабушка, твоя рана не опасна!

— Я знаю, возразила старуха горько улыбаясь, но за то ядъ, бывшій въ этой склянкѣ смертеленъ, при этихъ словахъ старуха показала обломки склянки.

— Какъ ты...

— Да, я приняла ядъ, продолжала старуха, чтобы меня не замучили безсердечные палачи, а также чтобы не выдать твоей тайны.

Поцѣлуй же меня на прощаніе — и бѣги. Подумавъ немного она прибавила: нѣтъ, не надо, ты слишкомъ на него похожъ, я не хочу твоего поцѣлуя!

Стань на колѣни и прими благословленіе отъ умирающей бабушки!

Юноша сталъ на колѣни. Марфуша положила ему руки на голову, что-то пошептала, потомъ сказала:

— Теперь ты благословленъ на мщенье!!

Но бѣги, я слышу ихъ приближеніе!... Увы, уже поздно!!

Она встала, собравъ послѣднія силы, возраждающіяся въ умирающихъ, толкнула юношу въ темный чуланъ, сунула ему въ руки шкатулку и заперла дверь на задвижку. Это было послѣднее усиліе потухающей жизни; она хотѣла вернуться на лавку, но силы ей измѣнили и она упала безъ чувствъ въ лужу крови около печки.

Въ эту минуту жандармскій генералъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ вошелъ въ комнату. Это былъ Дупельтъ, гроза всего Петербурга.

Онъ подошелъ къ цыганкѣ, распростертой на полу, толкнулъ ее ногой, говоря: вставай, вѣдьма, и слѣдуй за мной.

Марфуша открыла глаза:

— А, палачи ужь пришли? прохрипѣла она съ усмѣшкой:

— Вы пришли рановато, а межь тѣмъ опоздали.

— Безъ глупыхъ шутокъ! Вставай! повторилъ Дупельтъ, снова толкая ее ногой.

— Подымите вѣдьму, такъ какъ она не хочетъ встать, прибавилъ онъ обращаясь къ жандармамъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее своей желѣзной лапой и поставилъ на ноги. Цыганка

слегка пошатываясь, обвела туманнымъ взоромъ группу вновь прибывшихъ людей, глубоко вздохнула и прохрипѣла:

— Скажите вашему хозяину, что сынъ убьетъ отца. При этихъ словахъ она упала и кровь хлынула у нее изъ горла.

Жандармъ къ ней нагнулся, внимательно разсмотрѣлъ и объявилъ:

— Ваше превосходительство, она умерла!

— Можетъ она пьяна? Заберите стерву, и отнесите ко мнѣ, таковъ приказъ государя.

Два жандарма вынесли Марфушу, а Дупельтъ остался, чтобы обыскать комнату.

Онъ надѣялся открыть что нибудь важное, угадывая своимъ необыкновеннымъ чутьемъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ кроется какая-то тайна. Отчего государь приказалъ ему, начальнику тайной полиціи лично арестовать какую-то старую цыганку, со всевозможными предосторожностями для соблюденія тайны?... Напрасно онъ пересмотрѣлъ всѣ ящики и шкафъ, ничего ни нашелъ, кромѣ стараго трапья, пачекъ съ кофейной гущей и грязныхъ засаленныхъ картъ. Дупельтъ былъ не изъ таковыхъ, чтобы бросить, разъ предпринятое имъ дѣло, при первой неудачѣ; онъ замѣтилъ дверь, ведшую въ чуланъ и направился туда. Дверь была заперта на задвижку, это возбудило въ немъ подозрѣніе; онъ отперъ задвижку и вошелъ въ темный чуланъ: ему бросилась въ глаза какая-то неопредѣленная фигура, старавшаяся скрыться въ углу. Въ одно мгновеніе Дупельтъ подскочилъ къ прятавшемуся человѣку и схватилъ его сильной рукой.

— Кто тутъ? крикнулъ онъ, грознымъ голосомъ. Вмѣсто отвѣта онъ получилъ такой ударъ по головѣ, который ошеломилъ бы быка — каска смягчила ударъ, но тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько минутъ, пока онъ не очнулся.

Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что человѣкъ изчезъ и заперъ дверь снаружи. Дупельтъ былъ вынужденъ черезъ окошечко позвать своего кучера чтобы его выпустили.

Страшно раздраженный онъ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ, чтобы доложить государю объ результатѣ даннаго ему порученія. Въ своемъ рапортѣ Дупельтъ, однако, умолчалъ о своемъ приключеніи, запретилъ такъ же кучеру говорить объ этомъ.

На другой день жители коломны были очень удивлены увидя, что домикъ, гдѣ жила Марфуша, опустѣлъ. Съ тѣхъ поръ больше не слыхать было про Марфушу и сосѣдки рѣшили, что ночью, во время бури, черти забрали старую вѣдьму.

V.

Низенькіе и полуразвалившіеся домики тянутся вдоль длинныхъ и грязныхъ улицъ Выборгской части. Отдаленныя улицы этого квартала часто служили притономъ для поддонковъ Петербургскаго народонаселенія. Тамъ устроили себѣ главную квартиру многія воровскія шайки; днемъ скрывались тамъ всевозможные разбойники, отправлявшіеся на опасный промыслъ, по обычаю

съ наступленіемъ ночи; тутъ же скрывались бѣглые изъ Сибири каторжники, до тѣхъ поръ, пока новыя преступленія не отправляли ихъ подъ шпицрутены и снова водворяли на мѣста ссылокъ, а иные попробовавъ, предводительно, кнута. Тамошніе кабаки наполнены людьми подозрительнаго вида и женщинами, сохранившими отъ своего пола только наименованіе. Въ этихъ кабакахъ, за водку, посѣтители обыкновенно платятъ не деньгами, а платками, часами, серьгами и другими продуктами ихъ дѣятельности. Нерѣдко полиція производила облавы въ этихъ уединенныхъ мѣстахъ, но всегда безуспѣшно, такъ какъ дѣлясь съ мошенниками плодами добычи, она сама всегда заблаговременно предупреждала о своемъ нашествіи.

Въ одной изъ отдаленнѣйшихъ улицъ этого квартала возвышался большой отноэтажный домъ, давно никѣмъ не обитаемый; ставни его никогда не отворялись и дворъ, на который въ теченіи многихъ лѣтъ не ступала ни одна человѣческая нога, поросъ высокой травой.

Этотъ домъ нѣкогда принадлежалъ богатому ростовщику, поселившемуся въ этой мѣстности, по сосѣдству съ ворами и мошенниками, чтобы удобнѣе заниматься выгоднымъ дѣломъ сбытчика краденныхъ вещей. Ростовщикъ умеръ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, а дальніе родственники ужь много лѣтъ оспаривали другъ у друга право на наслѣдство.

Въ настоящее время, казалось, что духъ стараго растовщика продолжаетъ свои обычныя занятія: каждую ночь, можно было видѣть мрач-

ныя фигуры осторожно по одиночкѣ пробиравшіяся черезъ дворъ, стараясь не оставлять слѣдовъ въ высокой травѣ; зайдя за уголъ дома, видѣнія изчезали — точно проваливались сквозъ землю. Въ эту ночь домъ, по обыкновенію, былъ погруженъ въ глубокій мракъ; только повременамъ сверкалъ огонекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изчезали призраки. Можно было подумать, что духъ покойнаго ростовщика принимаетъ своихъ кліентовъ въ томъ самомъ погребѣ, въ которомъ скрывалъ свои сокровища.

На самомъ дѣлѣ загадочныя фигуры спускались въ погребъ, но не для того, чтобы совѣщаться съ покойникомъ, и собранія имѣли совсѣмъ другую цѣль.

Въ глубокомъ погребъ, не имѣвшемъ никакихъ отверстій, выходящихъ на улицу, собралось человѣкъ восемнадцать-двадцать. Всѣ они были одѣты въ мужицкія рубашки или въ поношенные чиновничьи мундиры. Другаго рода одежда, привлекла бы на себя вниманіе и подозрѣніе окрестныхъ жителей; но если бы внимательнѣе разсмотрѣть посѣтителей, то легко было бы замѣтить, что эти костюмы имъ не къ лицу да и не привычны.

Собраніе состояло изъ офицеровъ, писателей, студентовъ, вообще изъ молодежи, мечтавшей о преоброзованіи Россіи. Судьба предшественниковъ, имѣвшихъ девизомъ, столь ненавистныя для Николая слова, „свобода и конституція“ ихъ не устрашала. У калитки, посѣщаемаго „нечистой силой“ дома, стоялъ юноша высокаго роста, закутанный въ солдатскую шинель. Лѣвая его

рука была на перевязи, а на лицѣ видѣмъ былъ глубокій шрамъ. Это былъ внукъ цыганки.

Уже разъ онъ пострадалъ за свои идеи. Бывши однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гатчинскаго сиротскаго дома, ему было разрѣшено поступить солдатомъ въ гвардію. Скоро онъ достигъ унтеръ-офицерскаго званія, какъ былъ вовлеченъ Брюхановымъ въ общество Петрашевскаго *).

Это общество юныхъ идеалистовъ было заклеймено позорной кличкой „крамольниковъ“ и большинство было сослано въ Сибирь въ Нерчинскіе рудники, разумѣется, въ томъ числѣ и Савельевъ, подъ этимъ именемъ ребенокъ былъ записанъ въ пріютъ.

Въ 1853 году слухъ о войнѣ достигъ до Сибири. Молодой Савельевъ, которому нечего было надѣяться на помилованіе, увлеченный юношескимъ пыломъ, бѣжалъ изъ Сибири, достигъ театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ и поступилъ въ солдаты. Онъ не щадилъ себя во всѣхъ сраженіяхъ, больше другихъ подвергался опасности, такъ какъ надѣялся заслужить прощеніе цѣной своей крови. При Башъ-Кады-Клара, онъ первый взобрался на непріятельскую батарею. Его товарищи по Нижегородскому полку послѣдовали за нимъ и, послѣ отчаяннаго натиска, батарея была взята. Савельевъ былъ раненъ въ лѣвую руку и правою ногу. Еще передъ приступомъ, во время одной схватки ему раскроила лицо турецкая сабля. За личный геройскій подвигъ солдатская дума присудила ему

*) Судившагося и сосланнаго въ 1849 году.

одинъ изъ двухъ Георгіевскихъ крестовъ, присланныхъ на полкъ государемъ, но Савельевъ отъ него отказался и во всемъ признался командиру полка. Тотчасъ же было послано въ Петербургъ прощеніе о помилованіи, подписанное самимъ княземъ Богратіономъ Мухранскимъ, но читателю вѣроятно извѣстно, что безпощадному сердцу Николая были чужды, какъ прощеніе, такъ и забвеніе.

Вмѣсто ожидаемаго помилованія, послѣдовалъ приказъ отправить Савельева по этапу обратно въ Сибирь. Въ вознагражденіе же за его геройство ему прощали наказаніе кнутомъ, которому онъ подвергался за побѣгъ. Это извѣстіе поразило его какъ ножъ въ сердце. Всѣ сослуживцы и начальники возмутились. Имъ было черезчуръ тяжело отправить въ Сибирь того, кто рядомъ съ ними сражался съ такимъ самоотверженіемъ. Ему дали понять, что слѣдуетъ бѣжать. Вмѣсто того, чтобы перейти къ непріятелю, онъ досталъ фальшивый паспортъ и тѣмъ открылъ себѣ дорогу въ столицу. Безумецъ, онъ не терялъ надежды, что государь его проститъ! Пріѣхавъ въ Питеръ, то, что онъ узналъ про Николая сразу разрушило всѣ его мечты, но за то онъ снова нашелъ прежнихъ товарищей, счастливо избѣгнувшихъ Сибири.

Заговорщики народъ неисправимый, что доказываютъ тысячи примѣровъ. Должно быть таинственность имѣетъ непреодолимую привлекательную силу. И такъ Савельевъ стоялъ у калитки, наблюдая за входящими заговорщиками и спрашивая ихъ пароль.

„Рабъ бодрствуетъ“ говорили они, „въ грозу и ночью“, отвѣчалъ Савельевъ. Наконецъ, когда всѣ собрались, онъ захлопнулъ калитку, подперъ ее коломъ и самъ отправился въ погребъ.

Посреди погреба стояла пустая бочка, замѣнявшая налой. На ней лежала икона Смоленской Божей Матери, въ серебряномъ окладѣ, и два кинжала, крестообразно. Всякій изъ заговорщиковъ, входя въ погребъ, прежде всего дѣлалъ земной поклонъ передъ иконой, прикладывался къ ней и садился на свое мѣсто. Меблировка залы собранія не отличалась ни роскошью, ни пышностью и не исхолило изъ фабрики знаменитыхъ въ то время мастеровъ Гамбса или Тура. Вмѣсто стульевъ и креселъ стояли пустые боченки и ящики, черезъ которыя были прекинуты доски, а старая кровать, съ полусгнившимъ тюфякомъ, можетъ та самая на которой умеръ старый ростовщикъ, служила предсѣдательскимъ кресломъ. — Савельевъ вошелъ послѣднимъ, заперъ дверь въ погребъ и снова водворилась гробовая тишина въ опустѣвшемъ дворѣ.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Михаилъ Достоевскій, а рядомъ съ нимъ Михайловъ и Миклашевскій, всѣ трое въ послѣдствіе поплатившіеся за свои идеи. Когда вошелъ Савельевъ, Достоевскій торжественно всталъ. Засѣданіе открыто, сказалъ онъ: споемъ-те же пѣсню*),

*) Въ прежнія времена былъ обычай начинать или заканчивать засѣданія интимныхъ друзей — пѣніемъ какого нибудь изрѣченія любимаго поэта-патріота.

которая быть можетъ, напомнитъ намъ судьбу, ожидающую и насъ. И всѣ въ одинъ голосъ дружно запѣли пѣсню несчастныхъ каторжниковъ Некрасова:

НЕСЧАСТНЫЕ.

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
Не даромъ насъ сюда вели,
Не даромъ Богъ насыпалъ златомъ
Утробу матери земли.
Трудись, покамѣсть служатъ руки,
Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь,
Спасибу скажутъ наши внуки,
Когда разбогатѣетъ Русь!
Пускай бѣжитъ въ упорномъ дѣлѣ
Съ насъ потъ ручьями, какъ вода,
И мерзнетъ на клейменомъ тѣлѣ,
Когда почіемъ отъ труда.
Пускай томимся гладомъ, жаждой,
Пусть дрогнемъ въ холодѣ зимы,
Ей пригодится камень кажды,
Который добываемъ мы.

По окончаніи пѣсни, Михайловъ всталъ и произнесъ звучнымъ голосомъ слѣдующую рѣчь:

„Да, друзья мои, мы піонеры для будущаго счастья Россіи; мы надежда и оплотъ нашего несчастнаго порабоченнаго отечества! Да не устрашатъ насъ ни трудъ ни опасность! Впередъ! Впередъ! и если даже предъ нами откроется зіяющая пропасть, бросимся въ нее безъ оглядки, подобно Муцію Сцеволы, чтобы жертвуя нашей жизнью умолить боговъ! Наша родина молода, полна силъ, и готова на всякія жертвы чтобы добиться свободы и самостоятельности. До сихъ поръ всѣ попытки Запада, что-

бы унизить Россію остались безплодными; направленныя противъ насъ стрѣлы, притупились бы о желѣзную волю нашей родины, если бы образованіе проникло въ народъ. Государь считаетъ, что образованіе ведетъ къ анархіи, между тѣмъ какъ оно составляетъ величайшій оплотъ противъ нее; хотя въ сущности рабство и образованіе не могутъ идти рука объ руку.

Поставимъ же себѣ задачей, не жалѣя труда, какъ словомъ такъ и перомъ, заставить Россію идти параллельно съ другими странами цивилизованной Европы, по пути къ просвѣщенію. Напрасно Норовы и Мусинъ — Пишкины борятся противъ потока; но никакая плотина не можетъ сдержать такого напора! Подготовимъте же почву, чтобы она могла плодотворно воспринять въ свои нѣдра, то драгоцѣнное семя, которое мы на ней посѣимъ! Станемъ же просвѣтлять умы народа, чтобы онъ могъ понять и ощутить святое слово свободы! Поклянемся же, что мы всѣ будемъ работать для этого святого дѣла. Не даромъ сказалъ великій поэтъ, котораго мы всѣ почитаемъ, что всякій принесенный камень будетъ служить къ украшенію и увеличенію храма славы и величія Россіи!

И такъ поклянитесь же всѣ!

— Клянемся! послышалось со всѣхъ сторонъ подъ глухими сводами подземелья. — Послѣ этого заговорилъ Достоевскій.

— Братья! еще разъ поклянемтесь также, никогдя не прибѣгать ни къ шпагѣ ни къ кинжалу, такъ какъ никогда святое имя свободы не приносило плода по почвѣ обагренной кровью.

Кровь не свободу производитъ, а напротивъ тиранію! Обѣщайте, что никогда не станете побуждать народъ къ напрасному кровопролитію за святое дѣло свободы!

— Обѣщаемъ! снова раздался голосъ заговорщиковъ.

Затѣмъ поднялся молодой человѣкъ, тонкія и благородныя черты котораго, равно какъ и манеры, рѣзко отличались отъ грубаго платья.

— Хотя я принадлежу по рожденію къ классу людей владѣющихъ крѣпостными, я всегда ратовалъ за ихъ освобожденіе. Достигши совершеннолѣтія, первымъ моимъ дѣломъ было — дать вольную моимъ крѣпостнымъ. — И чтожь, кто могъ бы это предвидѣть? Мое желаніе нашло непреодолимую преграду: по высочайшему повелѣнію мои крестьяне, которымъ я далъ землю, желая изъ нихъ сдѣлать свободныхъ землепашцевъ, помимо моей воли остались крѣпостными.

Одно изъ главныхъ препятствій къ развитію культуры въ нашей родинѣ безспорно крепостничество. Развѣ мы американскіе плантаторы, что намъ необходимы рабы для обработки нашихъ полей? Неужели мы вѣчно будемъ питаться потомъ людей намъ подобныхъ?

— Если бы вниманіе членовъ собранія не было поглощено всецѣло словами оратора, то услышали бы глухія рыданія. Послѣ нѣкотораго перерыва ораторъ продолжалъ:

— Пока крестьяне влачатъ свое жалкое существованіе въ нашихъ чудныхъ и богатыхъ краяхъ, почти въ нищитѣ, часто нуждаясь въ кускѣ

хлѣба, наши столы покрываются изысканнѣйшими, явствами, привозимыми со всѣхъ краевъ свѣта. Пока несчастный крестьянинъ работаетъ подъ знойными лучами солнца, или при трескучемъ морозѣ, мы проѣдаемъ за завтракомъ по разнымъ ресторанамъ столько, — сколько нужно цѣлому крестьянскому семейству, чтобы прожить цѣлый годъ ни въ чемъ не нуждаясь.

Когда же мы перестанемъ быть хозяевами семейной жизни мужика? Когда жены и дочери нашихъ крестьянъ перестанутъ быть жертвами нашей прихоти и распутства? Въ это время рыданія, раздававшіяся изъ одного угла погреба, все усиливались и переносились заразительно въ другой. Молодой человѣкъ продолжалъ:

— Крѣпостничество ослабляетъ Россію, поклянемтесь же, содействовать всѣми силами освобожденію намъ подобныхъ, пусть это будетъ самой завѣтной цѣлью.

— Клянемся! послышалось снова.

Когда замолкли звуки голосовъ, повторяемые эхомъ погреба, Савельевъ подошелъ къ оратору и съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Князь Одоевскій, вы достойный сынъ вашего отца, который вотъ ужь тридцать лѣтъ томится въ холодной Сибири. — Онъ также пожертвовалъ собой для ближнихъ. — Я говорилъ съ нимъ, какъ говорю съ вами и жалъ его благородную руку какъ и вашу. Будемъ надѣяться, что настанетъ тотъ день, когда и онъ явится между нами. Союзныя державы не положатъ оружія, пока корона укрошаетъ голову нашего безпощаднаго монарха, но его сынъ, надежда

всей Россіи, займется залѣчиваніемъ ранъ, нанесенныхъ отечеству рукой его отца; вѣдь и ему пришлось немало пострадать отъ непреклонной гордости самолюбія Николая.

Вы только что говорили о рабствѣ, которое точно коршунъ клюетъ сердце Россіи. Вотъ вамъ живой примѣръ распутства одного изъ многихъ нашихъ помѣщиковъ.

Говоря это, онъ вывелъ изъ угла, гдѣ раздавались рыданія, молодаго человека, одѣтаго въ крестьянское платье и представилъ его собранію. На видъ ему казалось, не болѣе восемнадцати лѣтъ; его блѣдныя и изнуренныя горемъ черты, внушали непреодолимую симпатію, хотя не выражали ни силы воли, ни мужественности, присущей полу, а напротивъ слабости и женоподобности. Волосы были обстрижены по крестьянскому обычаю, но невольно думалось, что когда-то они были длинны и своими мягкими кудрями украшая это миловидное лицо. Его чудные голубые глаза были красны отъ слезъ, а большія синяки ихъ окружавшіе краснорѣчиво говорили о томъ, что долженъ былъ онъ выстрадать.

— Разскажите вашу жизнь, попросилъ его Савельевъ.

— Не могу! отвѣтилъ тотъ захлебываясь отъ рыданій и направился къ ближайшей скамейкѣ. Юноша навѣрное упалъ бы, если-бъ его не поддержали. Онъ опустился на ящикъ, и, подавленный горемъ, продолжалъ рыдать, закрывши лицо руками.

Въ такомъ случаѣ берусь я самъ вамъ передать за нее, сказалъ Савельевъ. Передъ вами не мужчина, а слабая дѣвушка, прошагавшая пѣшкомъ двѣ тысячи верстъ, чтобы вымолить у государя защиту и справедливость.

Напрасно плакала она искавъ случая говорить съ тѣмъ, кто расточаетъ милости и налагаетъ цѣпи. — Вамъ извѣстенъ мой побѣгъ съ Кавказа! Онъ совершился послѣ того, какъ я проливалъ кровь за родину. Я былъ вынужденъ сторониться большихъ дорогъ, гдѣ легко могъ бы быть узнанъ; поэтому я направился вдоль Волги и прямо въ столицу. Днемъ я кормился подаяніемъ. — Русскій мужикъ жалосливъ и сердеченъ.

Такимъ образомъ я прошелъ не одну сотню верстъ черезъ Астранскія и Саратовскія степи, рѣдко встрѣчая кого нибудь въ теченіи цѣлаго дня кто могъ бы указать дорогу, руководясь въ пути только солнцемъ. Такимъ образомъ добрался я до одной деревни, расположенной между Саратовымъ и Вольскомъ. Послѣдніе дни я еле могъ двигаться, изнеможенный отъ усталости и только что отъ зажившихъ ранъ. Хотѣлось было остановиться на нѣсколько дней въ Саратовѣ, чтобы одохнуть, но опасался полиціи. Я продолжалъ свой путь, пока не упалъ въ изнеможеніи передъ домомъ какого-то помѣщика. Не знаю, сколько я пролежалъ безъ чувствъ, помню только, что внезапная жгучая боль привела меня въ сознаніе. — Предо мной стоялъ пузатенькій человѣкъ, на лицѣ котораго выражалась скотская алчность, и сильно трясъ меня за больную руку.

— Что ты тутъ дѣлаешь бродяга? — грубо спросилъ толстякъ.

Слово „бродяга“ сразу вернуло всю мою энергію.

— Съ какихъ поръ называютъ бродягой человѣка подвергавшаго опасности свою жизнь за царя и отечество?

Вокругъ насъ образовалась толпа мужиковъ и слышанъ былъ ропотъ негодованія.

— Молчать собаки! крикнулъ на нихъ помѣщикъ. Къ сожалѣнію есть и такіе представители привиллегированнаго класса, при этихъ словахъ онъ окружающимъ погрозилъ нагайкой. — Его должно быть боялись, такъ какъ мужики замолкли тотъ часъ же.

— Откуда ты? продолжалъ онъ меня допрашивать.

Я молчалъ.

— Я тебя заставлю говорить! крикнулъ онъ замахиваясь нагайкой.

Видно было, что чаша переполнилась, кругъ мужиковъ сдвинулся тѣснѣе и послышался угрожающій ропотъ.

— Впрочемъ, зачѣмъ тратить много словъ? Приберите этого скота и выволоките вонъ изъ деревни! приказалъ онъ мужикамъ.

Ни одинъ не шевельнулся.

— Нечто вы не слыхали? крикнулъ онъ направляясь съ угрожающимъ жестомъ къ толпѣ.

Чего жь ты не слушаешься Ковалевъ? крикнулъ обращаясь къ сѣдовласому старику.

— Баринъ, онъ вѣдь солдатъ, онъ сражался за царя! отвѣчалъ старикъ грустно.

Это былъ сельскій староста.

— А, ты смѣешь еще разсуждать, воскликнулъ помѣщикъ, и со всего размаху хлеснулъ его нагайкой по лицу, такъ что кровь брызнула. Ропотъ крестьянъ готовъ былъ перейти въ бунтъ, какъ на наше общее счастье въ дали послышались колокольчики и показалась пыль по дорогѣ.

— Становой! закричала толпа.

— Становой!? повторилъ помѣщикъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Хотя онъ жилъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ полиціей, но какъ я узналъ въ послѣдствіи, онъ имѣлъ много причинъ не очень радоваться посѣщеніемъ станового.

Тройка подкатила къ подъѣзду помѣщичьяго дома. Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, съ сѣдыми усами выскочилъ изъ брички и подошелъ ко мнѣ.

Это былъ старый вояка, участвовавшій еще въ походахъ двѣнадцатаго года. Хотя общая зараза лихоимства коснулась и этого человѣка, но тѣмъ не менѣе его сердце еще не перестало биться при видѣ солдата.

— Что здѣсь происходитъ? спросилъ онъ завидя меня.

Толпа, окружавшая меня, раздалась и поспѣшила отвѣтить:

— Раненный солдатъ съ Кавказа.

— Вотъ что! сказалъ становой останавливаясь передо мной. — Значитъ тоже сражался противъ проклятыхъ? Въ Азіи или въ Крыму?

— Въ Азіи, отвѣчалъ я съ трудомъ, жажда и лихорадка душили меня.

Кто изъ васъ братцы дастъ мнѣ воды? пользуясь суматохой, обратился я къ мужикамъ; я томлюсь жаждой. Тотчасъ же молоденькая дѣвушка, отдѣлилась отъ толпы крестьянъ, быстро побѣжала за питьемъ.

— Значитъ, служба, ты видѣлъ огонь? благодушно продолжалъ становой: мы тоже его видывали. Слыхалъ ли ты про Бородино? При этихъ словахъ онъ распахнулъ шинель и показалъ георгіевскій крестъ и медаль за бородинское сраженіе, украшавшіе его грудь.

— Канальи! крикнулъ онъ на мужиковъ, совершенно неповинныхъ въ этомъ дѣлѣ: какъ вы смѣете покидать царскаго слуга среди улицы? Вотъ, на тебѣ, обратился онъ ко мнѣ, давая пятирублевку. — Собаки! продолжалъ онъ снова бранить крестьянъ, если вы о немъ не позаботитесь, если я его еще застану здѣсь, уѣзжая, я вамъ всѣмъ шкуру спущу съ головы до ногъ.

— Пойдемте, господинъ Макаровъ, сказалъ онъ помѣщику, я къ вамъ опять по скверному дѣлу. Когда жь, чертъ возьми, вы наконецъ перестанете выкидывать всякія продѣлки? Мнѣ кажется, что вамъ давно уже пора перестать куролесить!

Становому ничего не стоило, швырнуть бѣдному раненному солдату пять рублей, вѣдь его визитъ къ Макарову, здѣшнему помѣщику, положитъ ему въ карманъ подарочекъ въ нѣсколько сотъ рублей.

Намъ всѣмъ извѣстно, что за скверныя дѣла расплачиваются съ полиціей щедро. Когда помѣщикъ удалился, языки у крестьянъ развяза-

лись. Всякій изъ нихъ на перерывъ хлопотали около меня; всякій зазываетъ меня къ себѣ въ избу. Какъ разъ въ это время бѣлокурая дѣвушка вернулась и подала мнѣ кружку молока.

— Пей, служба, промолвила она, молоко лучше воды.

Пока я медленно пилъ принесенное молоко, мои глаза невольно встрѣтились съ глазами дѣвушки въ которыхъ выражалось глубокое горе.

— Спасибо, голубка, спасибо, тебѣ, вотъ все что я могъ отвѣтить ей, такъ какъ снова палъ въ безпамятство. Придя въ себя, я очутился въ хатѣ стараго мужика, бывшаго въ ополченіи въ 1812 году, судя по черному кресту, съ бѣлой каемкой, висѣвшему у него на груди. Рядомъ со мной сидѣла та самая бѣлокурая дѣвушка, которая напоила меня молокомъ; но лишь только я открылъ глаза, она скромно удалилась. Скоро мои силы оправились, благодаря уходу стараго солдата и молодой дѣвушки. Хотя помѣщику было извѣстно мое присутствіе на его землѣ, но онъ не обращалъ вниманія, видя какъ ко мнѣ отнесся приставъ. На пятый день послѣ моего прибытія, меня поразило отсутствіе дѣвушки, которую привыкъ видѣть постоянно около себя.

Я обратился съ вопросомъ къ старому солдату; но тотъ, вмѣсто отвѣта, только многозначительно покачалъ головой. — На седьмой день я распростился съ своимъ хозяиномъ, и предложилъ ему уплату за всѣ его заботы обо мнѣ, но онъ отъ нея не только отказался, но даже далъ мнѣ, хлѣба, мяса и бутылку водки на до-

рогу. Я ушелъ, искренно поблагодаривши гостепріимнаго мужика, попросилъ также сказать отъ меня спасибо и молодой дѣвушкѣ.

Въ верстѣ растоянія отъ деревни тянется глубокая лощина вдоль густого лѣса по которому я пробирался. Я тамъ присѣлъ на пригорокъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на деревню. Пока я предавался думамъ, я почувствовалъ прикосновеніе чьей-то руки. Оглянувшись, увидѣлъ подлѣ себя ту самую дѣвушку, къ которой невольно неслись мои мысли; она заливалась горючими слезами.

— Служба, я должна тебѣ сказать, что мнѣ запретили за тобой ухаживать и тебя навѣщать. Но мнѣ необходимо было повидаться съ тобой, пока ты не уйдешь въ Питеръ, такъ какъ моя судьба, моя жизнь зависитъ отъ тебя.

Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но она этого не замѣтила и продолжала:

— Здѣсь насъ могутъ увидѣть, пойдемъ дальше, я знаю недалеко мѣстечко, гдѣ намъ можно поговорить безъ боязни.

Мое удивленіе понятно, я всталъ и невольно послѣдовалъ за ней. Она повела меня въ чащу лѣса, избѣгая тропинокъ. Скоро мы очутились на маленькой прогалинѣ, похожей на бесѣдку.

Тутъ, сказала она, мы жожемъ спокойно бесѣдовать.

Садись, тебѣ предстоитъ дальній путь, а я постою. Я сѣлъ и хотѣлъ было посадить ее рядомъ съ собой, но она возразила:

— Нѣтъ, я постою, этакъ лучше.

Потомъ подумавъ, снова обратилась ко мнѣ:

— Вѣдь въ Петербургѣ ты будешь говорить съ царемъ? Этотъ вопросъ меня такъ поразилъ, что я сразу не нашелся чего ей отвѣтить. Не обращая вниманія на мое молчаніе она продолжала:

— Мнѣ говорили, что вамъ солдатамъ, часто приходится говорить съ государемъ. — Ты долженъ ему сказать обо мнѣ, онъ тебѣ повѣритъ, вѣдь ты за него проливалъ кровь. Я тоже тогда по наивности воображалъ, что всѣ несчастные имѣютъ доступъ къ царю, поэтому я ей простодушно отвѣтилъ:

— Что жь съ тобой моя голубка? Я готовъ для тебя сдѣлать все что могу. Да, я поговорю съ государемъ.

Я тоже такъ думаю. — Да, нужно чтобъ ты ему сказалъ про бѣдную Наташу, у ней нѣтъ ничего завѣтнаго на землѣ, кромѣ тебя. Когда ты пришелъ въ нашу деревню, у меня сразу мелькнула мысль, что Богъ послалъ тебя къ намъ для моего спасенія! Я часто разсказывала о своемъ горѣ исправнику, но онъ такой же баринъ, какъ и Макаровъ и они другъ друга поддерживаютъ, воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

— Но что же родная съ тобой случилось, разскажи мнѣ.

— Видишь, служба, хотя крестьянское на мнѣ платье, но я ни того роду, ни того племени. Моя мать была француженка, воспитательница сестры Макарова. Его отецъ, вылитый сынъ, заставилъ мою мать отдаться ему. Что могла сдѣлать молодая дѣвушка, не знавшая даже мѣстнаго языка? Разными угрозами онъ прину-

дилъ ее сдаться на его ухаживанія, и съ той поры сердце ея было навѣки разбито — она умерла при родахъ, произведя меня на свѣтъ. Сперва меня воспитывали какъ дочь; старикъ Макаровъ меня просто боготворилъ. Однажды мужики, изъ-за различныхъ притѣсненій, взбунтовались: сельскій старшина, котораго онъ въ минуту запальчивости высѣкъ, поджекъ домъ. Когда старый Макаровъ появился съ нагайкой въ рукѣ, нанося безпощадно удары на право и на лѣво, мужики его схватили и бросили въ огонь. Картина была раздирающая. Несчастный Макаровъ, подбѣгалъ къ окнамъ, охваченнаго пламенемъ дома, умоляя мужиковъ о пощадѣ, но они вилами отталкивали его обратно въ огонь *). Послѣ смерти старика явился наслѣдникомъ сынъ, бывшій гусаръ, но выгнанный за шулерство изъ полка. По завѣщанію онъ получилъ землю, а мнѣ старикъ оставилъ значительную сумму денегъ. Ему, поддѣлывателю фальшивыхъ бумажекъ **) было легко передѣлать завѣщаніе въ свою пользу; хотя оно и было свершено крѣпостнымъ порядкомъ. При слѣдующей ревизской переписи, я была зачислена крѣпостной. Мнѣ тогда едва минуло девять лѣтъ. Давно ужь меня выгнали изъ господскихъ покоевъ и помѣстили въ дѣвичью. Отданъ былъ приказъ посылать меня на самыя тажелыя работы. Но по мѣрѣ того, какъ я стала подростать, мой баринъ становился любезнѣе со мной,

*) Подлинное событіе.

**) Взято изъ архива уголовныхъ дѣлъ.

я ему нравилась. А какъ только мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, началъ меня преслѣдовать своей любовью.

— Какъ свою родную сестру! воскликнулъ я невольно.

— Не удивляйся, служба. На дняхъ онъ до смерти засѣкъ нагайкой другую дочь своего отца, солдатку, мужъ которой сражается теперь подъ Севастополемъ, за то, что она не согласилась на его скотскія предложенія.

Видишь ли, служба, дворяне, не признаютъ въ насъ родственниковъ, да и законъ не даетъ намъ никакихъ правъ. Такъ-де, никогда иначе и не будетъ. Та, что онъ засѣкъ, родилась отъ крѣпостной, но я рожденная отъ вольной, никогда не предполагала, чтобы со мной можно было обращаться такъ же! Въ продолженіи двухъ лѣтъ мой хозяинъ оставлялъ меня въ покоѣ, потому что былъ зачисленъ въ милицію и, не смотря на сильное нежеланіе, не смѣлъ отказаться отъ этого назначенія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, подъ какимъ-то предлогомъ ему удалось избавиться отъ службы, вѣдь онъ настолько же подлъ, какъ и жестокъ. Съ этого времени его преслѣдованія начались снова: я не смѣла никуда выйдти, ни съ кѣмъ говорить, онъ слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ. Первые дни твоего пребыванія въ деревнѣ я могла за тобой ухаживать, благодаря тому, что мой баринъ ѣздилъ къ исправнику, чтобы уладить дѣло объ убійствѣ солдатки; но теперь онъ вернулся и преслѣдуетъ меня болѣе чѣмъ когда либо. Вчера онъ меня избилъ почти до крови! При этихъ

словахъ она показала синяки на телѣ и локтяхъ. Онъ меня избилъ за то, что я ему сопротивлялась. На дняхъ, онъ пожалуй, меня убьетъ той же нагайкой, какъ и солдатку. Не правда ли, обо всемъ этомъ вѣдь ты разскажешь царю, чтобы тотъ запретилъ ему меня убивать? да ты передашь царю?

— Бѣдное дитя, отвѣчалъ я ей, о чемъ ты думаешь?! Пройдутъ долгія мѣсяцы, пока я доберусь до Петербурга, а пока мнѣ удастся говорить съ государемъ, протечетъ еще не мало времени. А до тѣхъ поръ?!...

Она на меня съ отчаяніемъ посмотрѣла, какъ будто вымаливала пощады, заливаясь слезами и наконецъ воскликнула:

Значитъ мои послѣднія надежды разлѣтаются прахомъ! Бѣдная я, несчастная, мнѣ остается только одно, умереть! Озеро передъ господскимъ домомъ глубоко, ужь не одна тамъ утопилась, значитъ и мнѣ туда дорога?!

Ея безнадежное положеніе мнѣ надрывало серце, я спросилъ у нее:

— Наташа, развѣ въ вашей деревнѣ нѣтъ никого, кого бы ты любила, и кто бы тебя любилъ? Наташа смотрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— Я ужь тебѣ все разсказала, отвѣтила она.

— Хорошо, значитъ надо бѣжать!

— Да какъ же мнѣ бѣжать? куда? возражала она: Я вѣдь нигдѣ не была дальше нашей деревни.

— Надо идти Наташа въ Петербургъ, и повѣдать о твоихъ горестяхъ царю.

— Царю?? я?! да какъ же мнѣ это сдѣлать? Я вѣдь и дороги-то не знаю, ты самъ же говорилъ, что туда далеко, очень далеко.

Не мало мнѣ стоило трудовъ уговорить ее на побѣгъ въ Петербургъ. Наконецъ, такъ какъ ничто ее въ деревнѣ не удерживало, она рѣшилась на рискованный путь. Излишне здѣсь разсказывать о всѣхъ трудностяхъ дороги, какъ мы добрались сюда.

Мнѣ пришлось прежде всего обратить вниманіе на волосы и обстричь ихъ, и затѣмъ одѣть бѣглянку въ крестьянскаго парня, такъ какъ ея красота и миловидность привлекала общее вниманіе. Вотъ уже два мѣсяца, какъ мы здѣсь, но ни ей, ни мнѣ не удалось добиться свиданія съ государемъ! Сегодня Наташа пришла въ собраніе, чтобы просить помочь ей. Въ маленькой комнатѣ которую она занимаетъ, ей постоянно приходится подвергаться опасности быть открытой. Товарищи, я рѣшился привести ее сюда и просить вашей помощи, такъ какъ я не въ силахъ одинъ уберечь ее. Мнѣ самому угрожаетъ кнутъ за побегъ съ каторги и дезертирство.

Пока Савельевъ убѣждалъ товарищей, Наташа захлебывалась слезами, закрывъ руками лицо. При послѣднихъ же словахъ Савельева открылось ей новое горе, она вскочила съ мѣста точно ужаленная. Но тотъ замѣтилъ ея движеніе и обратился къ ней съ горькой улыбкой:

— Да Наташа! Да мой чистый невинный другъ, вѣдь по совѣсти могу тебя такъ назвать передъ Богомъ и людьми: я бѣглый каторж-

никъ! Прости, что я скрылъ отъ тебя эту роковую тайну: Я не хотѣлъ тебѣ создавать новыхъ и напрасныхъ слезъ. Но успокойся, видишь это собраніе благороднѣйшихъ сыновъ отечества, оно не стыдится бѣглаго каторжника-дезертира. Предсѣдатель собранія Достоевскій всталъ и, подойдя къ солдату, съ жаромъ пожалъ его руку ободряя. Нѣтъ Савельевъ нѣтъ! Быть можетъ такая же судьба ожидаетъ насъ всѣхъ! Ты пострадалъ за родину, и родина должна быть тебѣ благодарна. У меня есть семейство, жена, и двое дѣтей, потому твоя любимица можетъ поселиться у меня, пока ея судьба не улучшится или пока моя не станетъ хуже! Эти послѣднія слова онъ сказалъ тихо и взволнованнымъ голосомъ.

Наташа бросила на его взглядъ полной благодарности и хотѣла ужь встать, чтобы его поблагодарить, какъ сидѣвшій рядомъ съ ней князь Одоевскій остановилъ ее.

— Наташа, перебилъ онъ, я бы тоже могъ предложить вамъ пріютъ у себя, но я одинокъ и знаю, со словъ моего друга Савельева, что вы не согласитесь воспользоваться гостепріимствомъ холостяка. Съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ объ васъ, я много думалъ, чѣмъ бы могъ я вамъ быть полезнымъ, и защитить отъ преслѣдованія. Вамъ необходимъ письменный видъ — отпускная, явленная крѣпостнымъ порядкомъ. Я васъ выдамъ за свою крѣпостную, которую якобы отпускаю на волю, это вѣдь возможно на святой Руси. Богъ проститъ мнѣ этотъ под-

логъ, я хотѣлъ бы только возстановить несправедливость судьбы въ вашемъ положеніи.

Савельевъ, все еще державшій руку Достоевскаго, привлекъ его къ Одоевскому и въ порывѣ благодарности заключилъ обоихъ въ свои объятья. Вдругъ раздалось около дверей троекратное карканье ворона.

Скорѣй, тушите свѣчи! крикнулъ Михайловъ. Въ одно мгновеніе всѣ свѣчи погасли. Ужь раздавались шаги по тротуару, кто-то стучалъ въ калитку, подпертую коломъ. — Молодцемъ каркалъ! замѣтилъ Юркевичъ шопотомъ юношѣ, почти ребенку, бывшему на часахъ. Въ это время собравшіеся раздвинули бочки, ящики и удалились изъ погреба черезъ другой выходъ.

VI.

Долго стучали въ калитку солдаты, наконецъ одинъ изъ нихъ перелезъ черезъ заборъ и отперъ ее. Въ сущности съ этого слѣдовало бы начать, если хотѣли захватить кого нибудь въ расплохъ. Вѣроятно читатель удивляется, почему обходные поступили такъ, будто бы желая стукомъ предупредить о своемъ пришествіи. Увы! въ этомъ ничего нѣтъ страннаго; дѣйствительно они этого желали. Князь Орловъ шевъ жандармовъ, далъ приказъ приставу Выборгской части арестовать подозрительныхъ людей, собирающихся по ночамъ въ такъ называемомъ „не чистомъ домѣ“. Приставъ, предполагая, что дѣло идетъ о его обыкновенныхъ кліентахъ,

честныхъ разбойникахъ и ворахъ, акуратно платящихъ ему контрибуцію, нашелъ лучшимъ, предупредить о своемъ приближеніи. Поступая такимъ образомъ, онъ исполнялъ приказъ начальства, котораго ослушаться было немыслимо, и въ то же время сохранялъ свои доходы. Въ виду этихъ соображеній, онъ самодично отправился съ солдатами, умышленно забывъ оцѣпить домъ. Простучавши не мало времени, онъ тогда только рѣшился войдти во дворъ, когда былъ убѣжденъ, что подозрительныя существа, должны были уже удалиться. — Между тѣмъ заговорщики поднялись въ домъ по внутренней лѣстницѣ и легко достигли улицы черезъ окна. Пока они по одиночкѣ выскакивали изъ оконъ, солдаты съ фонарями осторожно пробирались во дворъ. Вдругъ въ погребѣ раздалось карканье ворона, такой же крикъ повторился на улицѣ. Солдаты опѣшили и остановились.

— Впередъ, ребята, впередъ, они тутъ, крикнулъ приставъ, они непремѣнно тутъ, мы ихъ захватимъ!

Да гдѣ же? спросили солдаты.

Гдѣ?! впередъ, дурачье!

Отрядъ сталъ осторожно подвигаться. Вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ послышался заунывный крикъ совы. Господи! заступись и сохрани! прошептали крестясь суевѣрные солдаты!

Здѣсь кажется никого нѣтъ, робко произнесъ одинъ изъ солдатъ.

Мы также ничего не видимъ подхватили остальные.

Я тоже ничего не замѣчаю, подтвердилъ приставъ. Если бы кто нибудь тутъ былъ, я навѣрное зналъ бы объ этомъ! Охъ, эти синіе мундиры, всюду суются и чертъ знаетъ о чемъ докладываютъ, только чтобы намъ портить. А все-таки надо намъ хоть кого нибудь здѣсь изловить, а не то мнѣ будетъ головомойка!... Вотъ что, какъ будто осѣненный благой мыслей, произнесъ приставъ: если мы никого не найдемъ, я приведу кого нибудь изъ сибирки и скажу, что мы его тутъ накрыли.

Снова послышался крикъ совы.

— Ваше высокоблагородіе, не лучше ли намъ отретироваться? Мы вѣдь здѣсь ничего не найдемъ.

— Крикъ совы проиводилъ не совсѣмъ пріятное впечатнѣніе даже на нервы пристава. Помолчавши, послѣдній сказалъ:

Нѣтъ, ребята, это не годится; надо въ точности исполнить приказаніе. Войдемъ же въ домъ. Гдѣ входъ?

— Здѣсь! отвѣтилъ незнакомый голосъ.

Въ третій разъ изъ разныхъ мѣстъ послышался крикъ совы. Солдаты поспѣшили укрыться въ домѣ. Съ трепетомъ обошли они пустыя комнаты. Вѣтеръ свисталъ сквозь открытыя окна, заставляя вздрагивать солдатъ.

Ладно, промолвилъ приставъ.

Если бы въ это время они остались на дворѣ, то слышали бы плескъ веселъ на Невѣ и увидѣли бы подозрительныя фигуры, появлявшіяся въ темнотѣ. Но приставъ съ солдатами былъ въ домѣ на лѣстницѣ, ведущей въ погребъ; онъ

отворилъ дверь, оттуда пахнуло на нихъ сырымъ, затхлымъ воздухомъ.

Тутъ никого быть не можетъ, сказали солдаты, боясь войти.

Я тоже такъ думаю отвѣчалъ приставъ, спѣша покинуть пустыя комнаты.

На дворѣ солдаты замѣтили входъ въ другой погребъ, служившій, какъ имъ было небезъизвѣстно, нѣкогда складомъ финляндскихъ контрабандистовъ для спиртныхъ напитковъ, привозимыхъ изъ заграницы.

Блистательная мысль явилось одновременно какъ начальнику такъ и его отряду.

Тайное общество, которое они должны были захватить, было ничто иное, по ихъ разумѣнію, какъ шайка простыхъ контрабандистовъ. Теперь въ особенности дѣла ихъ должны бы стоять хорошо, такъ какъ берега были блокированы и всякій ввозъ запрещенъ. Быть можетъ тутъ запрятано нѣсколько боченковъ съ добрымъ ромомъ или водкой! (Для русскаго простонародія, надежда выпить рюмку водки, отгоняетъ даже страхъ).

Давай братцы объищемъ погребъ! приказалъ приставъ.

Рады стараться ваше высокоблагородіе отвѣчали солдаты и вмѣстѣ съ начальникомъ ринулись въ погребъ.

„All hands ready"! раздался сдержанный голосъ въ одномъ изъ угловъ двора.

„All right"! отвѣчали другіе голоса.

При этихъ словахъ дюжина здоровенныхъ ан-

гличанъ проскользнула черезъ дворъ и такъ же спустились въ погребъ.

Полицейскіе солдаты не ошиблись въ своихъ надеждахъ; дѣйствительно финляндскіе контрабандисты, пользуясь замѣшательствомъ домовладѣльцевъ, прятали попрежнему свой товаръ въ забытомъ погребѣ.

Сюда! радостно воскликнулъ одинъ изъ солдатъ.

Что тамъ такое? спросилъ приставъ.

Ромъ въ бутылкахъ и въ боченкахъ, ваше высокоблагородіе, доложилъ солдатъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Ну — такъ побробуемъ его; откупори скорѣй бутылку!

А можетъ онъ отравленъ, говорятъ...

— Ну, тебя! не болтай вздоръ; видано ли, чтобы отравливали водку? Подавай же скорѣй, торопили остальные.

И бутылка пошла по рукамъ.

Все жь не даромъ сюда пришли, сказалъ приставъ, смакуя ромъ и потирая руки. Угрюмовъ, ступай скорѣй въ часть и приведи телѣгу; надо прибрать нашу находку, а не то контрабандисты у насъ отберутъ. Но никому объ этомъ ни гугу — не для чего, чтобъ весь городъ болталъ о нашемъ кладѣ.

Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ солдатъ, улыбаясь, и направился къ выходу, освѣщая себѣ путь фонаремъ. Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ увидѣлъ толпу людей вооруженныхъ съ головы до ногъ.

Ваше высокоблагородіе, контрабандисты! вскрикнулъ онъ, и тутъ же упалъ ошеломленный уда-

ромъ кулака. Между тѣмъ остальные солдаты слышали крикъ, видѣли какъ потухъ его фонарь — и вмѣстѣ съ тѣмъ изчезъ и самъ Угрюмовъ. На всѣхъ напалъ столбнякъ; они не только боялись тронуться съ мѣста, но даже освѣтить лѣстницу, на которой изчезъ ихъ товарищъ.

Прежде, чѣмъ они успѣли опомниться, ихъ окружила толпа неизвѣстныхъ людей, съ револьверами наготовѣ.

„Bind and gag them"! скомандывалъ голосъ, по видимому принадлежавшій начальнику.

„All right"! былъ отвѣтъ.

Въ одно мгновеніе приставъ и весь его отрядъ были перевязаны и отведены въ лодку, которая какъ тѣнь скользнула по Невѣ.

Контрабандисты указали одной англійской лодкѣ, отправившейся на рекогносцировку, мѣсто своего склада; и вотъ англичане возвращались и везли своему адмиралу, въ видѣ трофеевъ, русскихъ плѣнныхъ.

На другой день весь Петербургъ только и говорилъ про отрядъ полицейскихъ солдатъ, такъ загадочно изчезнувшихъ. Всякій объяснилъ это происшествіе по своему; но скоро оно разъяснилось весьма просто.

VII.

На Фонтанкѣ, недалеко отъ Обуховскаго моста въ чудномъ дворцѣ, жилъ въ эпоху нашего разсказа всесильный фаворитъ государя, министръ Клейнмихель. Народъ его ненавидѣлъ,

но боялся. Видя гордаго „проконсула“ кто призналъ бы въ немъ сына лакея, финляндца, по имени Михаило (по фински Михель), прозваннаго за небольшой ростъ малымъ (по фински клейнъ). Нѣкогда Аракчеевъ вытащилъ его изъ грязи, чтобы имѣть въ немъ слѣпое орудіе. Однажды Клейнмихель просилъ у Аракчеева новыхъ милостей; тотъ отвѣтилъ ему, указывая на грудь, осыпанную орденами: все это — я могу тебѣ дать; что же кажется вотъ этого, тыкая себя въ лобъ, я дать тебѣ не могу. Господь Богъ не наградилъ тебя симъ при рожденіи:

Какъ большая часть фаворитовъ, онъ обязанъ своимъ положеніемъ не способностямъ, а только своей рабской преданности и покорности; слова государя для него стояли выше всякой справедливости, нравственности и даже чести. Это было нѣмое орудіе, на все готовое по первому слову царя. Гордый Николай, смотрѣвшій на всѣхъ людей, какъ на маріонетокъ, подвижныя нити которыхъ сосредоточивались у него въ рукахъ, любилъ такихъ людей. Онъ подавлялъ въ своихъ окружающихъ всякое свободомысліе и проявленіе индивидуальнаго воззрѣнія на дѣла, хотя бы ко благу Россіи и не во вредъ царю. Вотъ по этому-то царь и держалъ въ отдаленіи людей подобныхъ Ермолову и Муравьеву-Карскому, окружалъ себя людьми подобными Клейнмихелю, Чернышеву, Волконскому, Гедеонову и т. п. креатурамъ.

Подымаясь по главной лѣстницѣ Клейнмихельскихъ палатъ и повернувъ на право, попадали въ апартаменты извѣстной фаворитки царя, къ

фрейлинѣ Нелидовой, родственницѣ Клейнмихеля, которую онъ самъ свелъ съ государемъ, чтобы еще болѣе подслужиться своему повелителю. Видемъ длинный рядъ салоновъ, убранныхъ съ восточной роскошью и войдемъ прямо въ будуаръ фаворитки.

Комната убрана роскошно и съ большимъ вкусомъ. Стѣны обтянуты краснымъ и бѣлымъ муаромъ, образуя на потолкѣ изящную розетку, съ которой спускалась богатая бронзовая люстра, украшенная богемскимъ хрусталемъ; отъ оконъ, завѣшанныхъ тяжелыми красными занавѣсами, падалъ розовый отблескъ на всю комнату. Позолоченные диваны и кресла были обиты краснымъ штофомъ, а столы и консоли палисандроваго дерева были украшены французской бронзой. На каминѣ и въ стеклянномъ шкафчикѣ разставлены были сотни рѣдкихъ вещицъ, украшавшихъ модные дамскіе будуары. Это были китайскія фигурки, присланные посланникомъ изъ Пекина; японскія рѣдкости, доставленныя адмираломъ Путятинымъ; берлинскій, саксонскій и севрскій форфоры; огромные жемчуга неправильной формы, оправленные въ видѣ человѣческихъ фигуръ и животныхъ и т. п. Трудно изчислить всѣ драгоцѣнныя мелочи, украшавшія этотъ будуаръ и стоившія не одну сотню тысячъ.

Лучшимъ украшеніемъ комнаты безспорно — была сама хозяйка — фрейлина Нелидова, сидѣвшая точно въ бесѣдкѣ подъ группой рѣдкихъ тропическихъ растеній. Несмотря на трехъ дѣтей, которыми она подарила государя, ея лицо

сохранило полный блескъ молодости. Черты ея строго правильныя позволяли справедливо и основательно Нелидовой соревновать съ красивѣйшими женщинами во всей Россіи. Она не была блистательной красавицей въ родѣ Монтеспенъ, и скорѣе напоминала собой непреодолимую строгую красоту Ментенонъ. Подобно Ментенонъ, съумѣвшей плѣнить сердце Людовика XIV, Нелидова плѣнила Николая не только своей красотой, но и умомъ. Она умѣла управлять своимъ повелителемъ съ тактомъ свойственнымъ только женщинѣ. Дѣлая видъ, что во всемъ покоряется, всегда умѣла направить его на тотъ путь, который по ея мнѣнію былъ лучшимъ. Не походя на своего отвратительнаго соперника, она, какъ всякая другая въ такомъ положеніи, могла бы и злоупотреблять своимъ вліяніемъ по части интригъ и кумовства, но была далека отъ этого, даже нерѣдко ея вліяніе имѣло добрый результатъ, и никогда не старалась она выставляться на видъ, не окружала себя призраками и ореоломъ власти; ей хорошо былъ извѣстенъ гордый и подозрительный характеръ государя. Равно Нелидова глубоко цѣнила его любовь къ семьѣ и уваженіе къ больной царицѣ. Она чувствовала свою силу не въ блескѣ, а въ уединеніи. Многіе постоянные обитатели Петербурга долго и не подозрѣвали даже о ея существованіи, потому что имя Нелидовой рѣдко произносилось. Хотя трудна рѣшить, происходило ли это молчаніе о фавориткѣ вслѣдствіе дѣйствительнаго незнанія или ради страха всесильной тайной полиціи Орлова и Дуппельта. Въ про-

винціи, гдѣ шпіонство было не такъ разведено, говорили гораздо свободнѣе; о ней часто вспоминали, но безъ злословія, тогда какъ имя Клейнмихеля всегда произносилось со страхомъ и отвращеніемъ.

Въ этотъ день фаворитка была не то разсѣяна, не то грустна. Ея глаза бѣгали по страницамъ послѣдняго романа Александра Дюма, она какъ будто читала машинально, не понимая даже что читаетъ. Съ нѣкотораго времени государь сталъ ее посѣщать все рѣже и рѣже и то лишь урывками. Иногда онъ цѣлые часы просиживалъ молча, отвѣчая на ея вопросы отрывочными словами. Неужели ея звѣзда ужь закатилась! Неужели другая замѣнила ее въ сердцѣ царя, который къ ней былъ такъ привязанъ! Неужели катастрофа угрожала ея гордости и любви?... Въ прежнія времена онъ постоянно пріѣзжалъ къ ней, откровенно дѣлился всѣмъ, что лежало у него на душѣ, искалъ совѣта и часто даже утѣшенія. Вѣдь и гордое сердце нуждается въ теплотѣ сердечной, въ ласкѣ и утѣшеніи! А теперь онъ такъ уклончиво отвѣчалъ на ея вопросы! Неужели онъ ее разлюбилъ?

Эти мысли безсвязно бродили въ ея головѣ, глаза блестѣли, лицо горѣло лихорадочнымъ жаромъ. Въ эту минуту лакей доложилъ о прибытіи государя. Не успѣла она оправиться, какъ вошелъ Николай. По обыкновенію государь церемонно подошелъ къ ней, поцѣловалъ ея руку и замѣтилъ, что рука была суха и горяча, а на лицѣ игралъ лихорадочный румянецъ.

— Вы больны, сказалъ онъ, ласковымъ голосомъ, надо послать за докторомъ.

Сердце фаворитки сильно сжалось и горькія слезы потекли по ея щекамъ.

— Что это значитъ? спросилъ государь нахмуривъ брови.

Фаворитка стала утирать глаза, зная, что царь ненавидитъ слезъ.

— Въ чемъ дѣло? переспросилъ государь.

Ничего, ваше величество, отвѣчала она: я не совсѣмъ здорова, вы вѣдь сами замѣтили. Посмотрите, какъ горитъ моя голова, при этихъ словахъ она приложила руку государя ко лбу. Николай посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Ваша голова дѣйствительно горитъ, но это только не отъ болѣзни. У васъ есть что-то на сердце, скажите — я этого хочу.

Ваше величество, я видѣла гадкій сонъ.

— Сны ничто иное, какъ отголоски нашего воображенія.

Ужасный сонъ, ваше величество: мнѣ снилось, что вы меня больше не любите! Невозможно передать выраженія, съ какимъ были произнесены эти послѣднія слова. Тутъ было и оскорбленная гордость, безграничная любовъ и полнѣйшее отчаяніе.

— Я уже разъ сказалъ, что сновидѣнія есть отпечатокъ нашего воображенія.

А если мой сонъ превратится въ дѣйствительность? Я этого не переживу, ваше величество, нѣтъ не переживу, произнесла съ отчаяніемъ Нелидова.

— Мина, что съ вами случилось? я васъ не понимаю.

Нелидова снова разразилась слезами, но привычная къ обычному этикету, переломила себя и прошептала будто бы спокойнымъ голосомъ, въ которомъ проглядывала все таки безконечная грусть: простите ваше величество, я совершенно забыла, что вы не любите слезъ.

Несмотря на свое каменное сердце, Николай подъ впечатлѣніемъ текущихъ событій въ Крыму и на Востокѣ, которыя сильно потрясли его нервную систему, этотъ попрекъ сдѣлался ему уколомъ еще болѣе чувствительнымъ, принужденно пробормоталъ ласково, на сколько умѣлъ.

— Плачте Мина, говорятъ, что слезы облегчаютъ горе и въ тотъ же моментъ позвонилъ и отдалъ приказъ вошедшему лакею, попросить графа Клейнмихеля пожаловать. Вы меня простите, обратился онъ къ Нелидовой, — дѣла. Она быстро отерла слезы, чтобы не обнаружить своего горя передъ родственникомъ, котораго ненавидѣла такъ же какъ и вся Россія. Черезъ нѣсколько минутъ графъ вошелъ. Клейнмихель по военному раскланялся передъ государемъ.

Николай отвѣтилъ на его поклонъ кивкомъ головы.

— Исполнилъ ли ты мое приказаніе? спросилъ царь!

Покорный слуга вешего величества всегда исполняетъ приказанія своего милостиваго монарха. Вотъ и бумаги. При этихъ словахъ

онъ положилъ на палисандровый столъ, стоявшій передъ диваномъ, зеленый портфель.

— Въ какой расходъ они вписаны?

Согласно приказанію вашего величества въ расходы по постройкѣ Московско-Петербургской желѣзной дороги.

— Хорошо, оставь насъ и жди моихъ приказаній въ пріемной, мнѣ съ тобой надо поговорить на счетъ сегодняшняго засѣданія государственнаго совѣта. Я скоро велю тебя позвать.

Генералъ-адъютантъ, рабъ своего монарха, сотрапъ для подчиненныхъ, удалился съ низкимъ поклономъ. Государь открылъ портфель и пересчиталъ находившіяся въ немъ цѣнныя бумаги, и потомъ обратился къ Нелидовой.

— Я пока еще вашъ должникъ. Вотъ вамъ 30 милліоновъ на половину англійскими, на половину французскими бумагами; вѣдь Богъ знаетъ въ какомъ положеніи могутъ очутиться русскіе финансы. Пять милліоновъ для васъ, остальные для нашихъ дѣтей, пять для дочери и по десяти каждому изъ сыновей. Я охотно прибавилъ бы къ этимъ деньгамъ и титулъ, но не могу этого сдѣлать въ виду жены и моихъ законныхъ дѣтей.

Своимъ подаркомъ въ 30 милліоновъ для обезпеченія судьбы своихъ дѣтей и фаворитки, Николай ясно выказалъ свое чадолюбіе и вообще благородный характеръ, хотя, надо сказать правду, подарокъ этотъ былъ въ ущербъ государственной казнѣ; но что дѣлать, для всѣхъ своя рубашка ближе къ тѣлу и собственныя дѣти дороже дѣтей отечества.

Покойный государь Александръ II еще болѣе превзошелъ своего отца въ чадолюбіи. Николай одарилъ свою фаворитку только деньгами, презрѣннымъ металломъ, а дѣти все жь таки остались незаконно-рожденными. Александръ же этого не допускалъ, онъ не только награждалъ своихъ фаворитокъ матеріальными средствами, но и создавалъ имъ обезпеченное и твердое положеніе, своевременно выдавая ихъ замужъ за людей, дѣлавшихъ этимъ путемъ себѣ карьеру. Краснорѣчивымъ примѣрамъ могутъ служить обѣ княжны Долгорукія, бывшія фаворитки одна, послѣ другой. Старшая, будучи беременна четырехъ мѣсяцевъ, была выдана замужъ за Альбединскаго, бывшаго въ то время русскимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, сильно себя скомпрометировавшаго своей расточительностью и недовольно скрытымъ ухаживаніемъ за императрицей Евгеніей, а такъ же выкраденіемъ нѣкоторыхъ плановъ, которые онъ передалъ Пруссіи. Ему грозило домовое отдѣленіе, т. е. Клиши. Чтобы избавиться отъ грозившихъ непріятностей, онъ предпочелъ жениться на княжнѣ. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ одинъ изъ приближенныхъ къ царю генералъ-адъютантовъ. Блистательная карьера Альбединскаго достаточно извѣстна, чтобы на ней останавливаться.

Вторая княжна Долгорукая, была еще лучше устроена: сперва чадолюбивый монархъ далъ ей громадныя денежныя средства; а дѣтямъ титулъ и даже „шефство“ надъ нѣкоторыми полками. Но добрый отецъ нашелъ, что этого мало, и что денежныя стредства, данные княжнѣ и дѣтямъ

изъ собственныхъ капиталовъ, не достаточны, тогда Александръ не задумавшись сдѣлалъ третій восточный заемъ, который всецѣло перешелъ въ кассу счастливой княжны, т. е. онъ пожертвовалъ интересами Россіи ради любимой женщины и ея дѣтей. Развѣ это не вполнѣ рыцарскій поступокъ! (?) Онъ пренебрегъ общественнымъ мнѣніемъ въ пользу дѣтей! Значитъ любимая женщина и ихъ дѣти были ему дороже отечества и чести. Наконецъ онъ завершилъ свое доброе дѣло, женившись на ней и давши бывшей фавориткѣ и дѣтямъ титулъ свѣтлейшихъ князей Юрьевскихъ. Не образцовый ли это примѣръ рыцарства и чадолюбія! (?)

Нельзя не похвалить Александра какъ отца, кто на его мѣстѣ не поступилъ бы такъ же, будучи облеченъ безпредѣльной властью. А развѣ подданные не дѣти своего монарха? Но въ сердцѣ царя оказывается, что дѣти раздѣляются на двѣ категоріи, на „собственныхъ дѣтей“ и на „вѣроподданныхъ“; обязанность послѣднихъ обогащать первыхъ въ ущербъ собственныхъ боковъ. Безпорно Александръ II былъ идеальный отецъ для кровныхъ дѣтей, какимъ же отцемъ онъ былъ для дѣтей — вѣрноподданныхъ?...

Что же на это возражали эти самые вѣрноподданные? Грамотная публика улыбалась, смѣялась изъ подтишка и преспокойно покупала билеты третьяго внутренняго займа, а безграмотная, охала, да на горбѣ выносила всѣ тяжести налоговъ и займовъ.

Что жь вышло въ итогѣ! всѣ молчали — значитъ были довольны.

Но вернемся къ нашему разсказу.

Значитъ это правда! воскликнула фаворитка рыдая и отстраняя бумаги дрожащей рукой. Значитъ сонъ на яву. Государь снова наморщилъ брови и спросилъ:

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете?

Что я подразумѣваю, повторила Нелидова, заливаясь слезами? Я чувствую, что ваше величество меня больше не любите! что другая заняла мое мѣсто въ вашемъ сердцѣ. Вы хотите деньгами расчитаться со мной! Не за деньги же я васъ любила? Вѣдь вашему величеству извѣстно, что я происхожу изъ древняго рода, а не какая нибудь проститутка. Берите назадъ ваши деньги, онѣ мнѣ не нужны, не изъ за нихъ я васъ полюбила! Я въ васъ нашла идеалъ мужества и полетъ генія! Повторяю, не изъ за денегъ и не за титулы я васъ полюбила, а изъ за васъ самихъ.

Сама не сознавая, что говоритъ, фаворитка задѣла самыя чувствительныя струны гордаго монарха — его честолюбіе. Онъ подошелъ къ ней и взялъ заруку:

— Я все это знаю и ни одной минуты не сомнѣвался въ вашей любви ко мнѣ, вамъ это небезъизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, надо же обезпечить вашу будущность и судьбу нашихъ дѣтей. Мы переживаемъ такія тревожныя времена! какъ государь, я обязанъ стать лицемъ къ опасности и кто знаетъ, можетъ ядро брошенное непріятелемъ въ нашъ лагеръ!... можетъ

пуля пущенная мѣткой рукой какого нибудь измѣнника, ядъ...

Ваше величество, ради самого Бога не говорите мнѣ о смерти. Если, вы умрете, чего боже упаси, мнѣ, тѣмъ болѣе не нужны ваши милліоны, вѣдь я васъ ни за что не переживу.

— Слабый человѣкъ всегда такъ разсуждаетъ. Смерть не поражаетъ того, кто идетъ ей на встрѣчу, напротивъ, она безпощадна скашиваетъ тѣхъ, кто судорожно привязывается къ жизни. Если бы смерть поражала насъ, когда ее призываешь, меня давно бы ужь не было въ живыхъ!

Эти послѣднія слова государь произнесъ въ какомъ-то полузабытьи.

Ваше величество, вы меня пугаете!

— Довольно напрасныхъ словъ, сказалъ онъ съ обычной грубостью; моя обязаннность была обезпечить судьбу дѣтей, которыми вы меня осчастливили, я только исполнилъ свой долгъ, и теперь ничего не боюсь, чтобы судьба мнѣ ни подготовляла.

Потомъ Николай позвонилъ.

Подать сюргучъ и свѣчку и позвать дежурнаго офицера! приказалъ онъ вошедшему лакею.

Государь запечаталъ портфель, написалъ нѣсколько словъ, подозвалъ дежурнаго офицера и сказалъ ему передавая пакетъ:

Отнести къ Штиглицу и положить на имя фрейлины Нелидовой. Скажи генералъ-адъютанту графу Клейнмихелю, чтобъ онъ явился за приказаніемъ.

Надѣюсь вы позволите? обратился Николай къ фаворитк‍ѣ съ холодной вѣжливостью.

Тонъ государя заставилъ сердце фрейлины сильно сжаться. Она поблѣднѣла и нервно прижала руку къ сердцу, точно желая ослабить его удары.

Государь не замѣтилъ ея грусти. Въ его каменномъ сердце не отзывалось ни горести, ни радости къ ближнему. Онъ дѣлался человѣкомъ только въ кругу своего семейства, да и то не надолго. Николай нисколько не думалъ, что оскорбляетъ фаворитку послѣдними словами. Леденящая холодность его тона — была обыкновенная манера гордаго монарха. Грозныя тучи собрались на высокомъ челѣ; онъ молча опустилъ голову на грудь и зашагалъ по будуару. Шаги его заглушались толстымъ бархатнымъ ковромъ. Иногда онъ проводилъ правой рукой по льбу, точно желая отогнать мысли, которыя его тревожили, но напрасно, человѣкъ не можетъ заставить молчать свою совѣсть.

Клейнмихель давно ужь вошелъ и съ безпокойствомъ озирался, то на государя, то на Нелидову. Царь не замѣчалъ его присутствія. Фаворитъ пробовалъ нѣсколько разъ кашлянуть, чтобъ обратить на себя вниманіе, но его никто не слышалъ. Наконецъ Клейнмихель направился къ фрейлинѣ, чтобъ узнать, зачѣмъ его позвали. Видя лихорадочную блѣдность Нелидовой и волненіе государя, онъ думалъ, что его позвали быть посредникомъ, какъ ужь не разъ бывало между монархомъ, столь грубымъ въ обращеніи и раздражительной фавориткой. Близь цвѣтника, гдѣ сидѣла фрейлина, Клейнмихель встрѣтился съ государемъ. Точно проснувшись

отъ тяжелаго сна, Николай быстро поднялъ голову и рѣзко обратился къ своему любимцу:

— Ты чего?

Ваше величество изволили меня позвать.

Государь, какъ будто придя въ себя, сказалъ;

— Да, вѣрно! ступай къ цесаревичу.

Клейнмихель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, ступай къ цесаревичу и извенись передъ нимъ.

Государь...

— Сегодня ты снова ему нагрубилъ, а этого быть не должно.

Государь, только мое усердіе и преданность вашему величеству...

— Знаю, что ты мнѣ вѣренъ, прервалъ государь своего фаворита: поэтому и наградилъ твою преданность...

Болѣе, чѣмъ я этого заслужилъ, отвѣчалъ фаворитъ съ страннымъ выраженіемъ, которое должно было изображать благодарность, но скорѣе походило на алчность кровожаднаго звѣря, ищущаго новой жертвы. Государь не слышалъ его замѣчанія и продолжалъ:

— Александръ — мой сынъ и наслѣдникъ, а ты это забываешь. Понимаю, что ты не принадлежишь къ числу тѣхъ, которые льстятъ цесаревичу и съ неблагодарностью отворачиваются отъ того, кому обязаны своимъ положеніемъ. Но ради тебя самого ты не долженъ раздражать иротивъ себя цесаревича, дабы послѣ моей смерти онъ тебя не столкнулъ снова въ грязь, изъ которой я тебя вытащилъ.

Государь, вы еще долго проживете для блага Россіи.

— Смерть, часто, гораздо ближе, нежели мы это предполагаемъ, сказалъ Николай такимъ мрачнымъ голосомъ, что фаворитъ и фаворитка невольно вздрогнули. Ступай тотчасъ же въ Аничковскій дворецъ къ цесаревичу и извинись передъ нимъ; я въ государственномъ совѣтѣ видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и съ трудомъ могъ сдержать слезы. Такъ должно быть! я этого требую! прибавилъ онъ голосомъ не допускающимъ возраженій.

Потомъ онъ подошелъ къ Нелидовой, поцеловалъ ея руку, на прощаніе.

До свиданія, Мина; я не очень-то былъ любезенъ сегодня, но pardon, куда же мнѣ дѣться и какъ вывернуться: вѣдь на всѣхъ границахъ незванныя гости, которые задаютъ мнѣ не мало работы. До свиданія, я спокойно ухожу, такъ какъ обезпечилъ вашу будущность. Не сомнѣвайтесь въ моей любви! чтобъ не случилось, вѣрьте въ нее! При этихъ послѣднихъ словахъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, пока она наклонилась къ рукѣ царя, обливая ее слезами.

Царь вышелъ, не оглядываясь на фаворитку. Проходя мимо Клейнмихеля онъ къ нему обратился: ступай тотчасъ же къ наслѣднику цесаревичу.

Всесильный министръ молча поклонился и послѣдовалъ за царемъ, скрежеща волчьими зубами въ безсильной злобѣ.

VIII.

Когда идти по большой Садовой на Сѣнную площадь и повернуть на Обуховскій проспектъ, нашему взору представится съ лѣвой стороны огромный каменнный угловой домъ. Домъ этотъ и до сихъ поръ извѣстенъ петербургскимъ жителямъ подъ именемъ „дома Вяземскаго“. Всякій проѣзжающій въ позднюю ночную пору ощущаетъ невольную дрожь, приближаясь къ нему. Его по справедливости можно назвать „притономъ преступленій“; въ нижнемъ этажѣ, который выходитъ на Обуховскій проспектъ, помѣщался трактиръ. Съ ранняго утра въ главной залѣ, выходящей на улицу, снова ли половые, молодые здоровые парни, прислуживая гостямъ. Другое зало выходило во дворъ. Тамъ попойки и кутежи длились обыкновенно съ утра до вечера, а иногда и до другого утра. Въ этой комнатѣ священнодѣйствовали всякаго рода шулера и рѣдко изъ отставныхъ офицеровъ. Они завлекали сюда молоденькихъ купчиковъ, пріѣзжихъ изъ провинціи; накачивали ихъ шампанскимъ, съ примѣсью какого нибудь дурмана, и безъ всякаго милосердія обирали ихъ въ „фораонъ“, „палки“, „ландскнехтъ“ или „направо — налѣво“. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались разныя мясныя и съѣстныя лавки, а на второмъ трактиръ, предназначенный посѣтилямъ низшаго разбора. Тамъ можно было встрѣтить солдатъ, мужиковъ, ночныхъ бобочекъ самаго низкаго полета, утратившихъ даже женскій обликъ и преобразившихся въ какихъ-то ме-

геръ; но завсегдатаями этого заведенія были всякаго рода мелкіе ворошки. На самомъ углу, помѣщался ренскій погребокъ, въ которомъ искусный хозяинъ, не хуже любого фокусника, умѣлъ изъ одной и той же бочки разливать въ бутылки всевозможнаго рода вина, продавая ихъ подъ громкими названіями хересовъ, мадеръ, шато-лафитовъ и т. п. Въ одномъ изъ многочисленныхъ отдѣленій этого погреба, дверь котораго завалена кучей бочекъ, собирались извѣстнѣйшія петербургскія шайки и тамъ уславливались и рѣшались дѣла добычъ, запивая поперечникомъ (напитокъ изъ вина и рому). Въ остальной части дома жили игроки, публичныя женщины и всякаго рода сбродъ. Кромѣ этого собранія „ночныхъ труженниковъ“ тутъ жилъ и полицейскій надзиратель. Въ прежнія времена полиція жила въ большой дружбѣ съ мошенниками.

Наступила холодная сырая ночь; ни одной звѣздочки на небосклонѣ не было видно, только кое-гдѣ сквозь густой туманъ мерцали мутнымъ свѣтомъ фонари на опустѣвшей площади. Днемъ сѣнная кишмя кишитъ народомъ, за то ночью ни души тамъ не видно, какъ будто послѣ чумы. Среди общаго мрака и тишины появились на площади два человѣка, подвигаясь по направленію отъ банковой улицы и между собой вели оживленную бесѣду:

Ты вполнѣ увѣренъ, что она здѣсь? спросилъ одинъ другого.

Чортъ бы тебя побралъ. Не ослепъ же я съ

тѣхъ поръ, какъ мы не видались, какъ же мнѣ не узнать моей прелестной кузины?

— Сколько разъ, просилъ я тебя, Товаровъ, такъ не называть ее. Вѣдь Наташа вовсе не сестра мнѣ, а просто крѣпостная, съ которой я расправлюсь по свойски за ея побѣгъ.

— Да что съ тобой Макаровъ? Нельзя жь обвинять дѣвушку за то, что ей претили твои ухаживанія и твоя нагайка. Положимъ, что существованіе библейской поговорки, передѣланной на русскій ладъ: „кого люблю — того и наказую", ей не по вкусу. Очевидно, Наташа не желала углубляться въ смыслъ изрѣченій!... Но не въ этомъ дѣло, она просто дура, мужичка!

Оставь свои морали! Мнѣ надо ее разыскать во что бы то ни стало, хотя бы мнѣ обошлась это штука въ пятьдесять тысячъ.

Ха, ха, ха! да, эта не дурная вещь; легко обѣщать пятьдесять тысячъ, когда ты самъ ихъ фабрикуешь: тебѣ ни почемъ пятьдесять или сто тысячъ?! полъ-часа работы на твоемъ прессѣ, а въ награду такая хорошенькая дѣвченка, какъ Наташа.

Ну тебя къ чорту! Ты вѣрно пьянъ! Развѣ ты не понимаешь, что насъ могутъ подслушать?

Если ты не умѣешь держать языка за зубами, такъ я тебѣ его вырву, со злостью возразилъ Макаровъ.

Да, я пилъ, это вѣрно, надо же было поддержать компанію этому простофилѣ Хвалынскому, купеческому сынку, когда ты его обыгрывалъ и загребалъ золото, только что размѣненное имъ

сегодня въ крѣпости? Пять тысячъ червонцевъ, это не бараній рогъ! Да еще напрашивался отыграться на другой день! Надо будетъ еще разъ съ нимъ съиграть! Завтра вмѣсто одного мѣшка съ золотомъ, онъ приволочетъ и два; — незевай, играй на золото, только на одно золото. Мы вѣдь знаемъ цѣну бумажкамъ, которыя можно самимъ изготовлять!...

Ты снова орешь, прервалъ его собесѣдникъ, видя что съ нимъ ничего не подѣлаешь, потому что шампанское черезъ чуръ развязало языкъ его двоюродному брату. Чтобы избавиться отъ этихъ щекотливыхъ и опасныхъ разговоровъ онъ прибавилъ шагу и пошелъ впередъ. Эти спутники были никто иные, какъ Макаровъ, бывшій Наташинъ баринъ и его двоюродный братъ и наперстникъ Товаровъ. Макаровъ за разныя подлоги и жестокость надъ своими крѣпостными крестянами административнымъ порядкомъ былъ лишенъ права владѣнія имѣніемъ, а потому и удалился въ Петербургъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и товарищемъ по безпутной жизни. Въ Петербургѣ они жили какъ-то загадочно, подозрительно, что бываетъ нерѣдко въ обоихъ столицахъ. Макаровъ два раза успѣлъ ужь попасть подъ слѣдствіе по подозрѣнію въ изготовленіи фальшивыхъ асигнацій; но онъ имѣлъ связи въ полиціи, у которой не разъ служилъ сыщикомъ, такъ что оба раза его во время предупреждали полицейскіе, являвшіеся для обыска, и, разумѣется, ничего не находили. Главнымъ промысломъ двоюродныхъ братцевъ было — общипаваніе пріѣзжихъ провинціаловъ, которыхъ

они просвѣщали въ карточную игру, подпаивали и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обирали до ниточки.

Однажды утромъ Товаровъ встрѣтилъ на Невскомъ Наташу и, зная болѣе чѣмъ братскую къ ней любовь своего двоюроднаго брата, хотѣлъ было выслѣдить, но утерялъ ее изъ виду. Когда Макаровъ узналъ объ этомъ, любовь разгорѣлась въ немъ съ новымъ жаромъ. Онъ поклялся, что найдетъ Наташу и что та будетъ принадлежать ему во что бы то ни стало.

Дойдя до угла Обуховскаго проспекта, Макаровъ спустился въ ренскій погребокъ. Товаровъ послѣдовалъ за нимъ. При входѣ посѣтителей, дверной колокольчикъ слегка зазвенѣлъ. Трофимычъ, хозяинъ погреба, не вставая съ своего мѣста, посмотрѣлъ на нихъ посоловѣлыми глазами; но узнавши старыхъ знакомыхъ, снова погрузился въ дремоту.

Бутылку мадеры, но самой лучшей, въ заднюю комнату! крикнулъ Макаровъ.

Трофимычъ, не торопясь исполнить приказаніе пробормоталъ сиплымъ голосомъ:

Въ заправду!? что-то сегодня больно важны стали! А по мнѣ кажется, что ублаготворились бы нѣсколькими рюмочками тминной. Петруша, крикнулъ онъ половому, налѣй двѣ рюмки тминной, но это въ послѣдній разъ, Иванъ Андрѣевичъ отпускаю вамъ въ кредитъ, обратился онъ къ Макарову.

Болванъ! кто тебѣ говоритъ про кредитъ? бутылку мадеры и самой лучшей, а не то чертъ съ тобой! грубо ревкнулъ Макаровъ Трофимычу

и бросилъ новенькій полуимперіалъ на столъ. При видѣ золота сонливость хозяина сразу исчезла и онъ вскочилъ, точно встрепанный и какъ будто снова вернулась въ нему молодость:

Слушаю-съ, Иванъ Андреевичъ, слушаю-съ! сейчасъ вамъ подадутъ. Петруша, развѣ ты не слыхалъ, что Иванъ Андреевичъ требуетъ бутылку мадеры? живѣй. А не выпьете ли Иванъ Андреевичъ рюмочку? обратился онъ къ Макарову.

Разумѣется слѣдуетъ старый хрычъ! грубо отвѣтилъ Товаровъ.

Вотъ какъ? должно быть господа разбогатѣли? продолжалъ хозяинъ не обращая вниманія на слова Товарова: пожалуй получили наслѣдство, а можетъ возлюбленная наслѣдовала золотые пріиски въ Сибири? отлично, отлично! ужь если господа такъ разбогатѣли, не прикажете ли мнѣ получить по счетцу? Вѣдь ужь давненько не платили.

Вотъ тебѣ, голодный песъ, сказалъ Макаровъ, бросая ему нѣсколько полуимперіаловъ, направляясь съ двоюроднымъ братомъ въ заднюю комнату, гдѣ ужь давно засѣдала подобная имъ компанія.

Кого эти канальи опять ограбили, прошепталъ хозяинъ? впрочемъ мнѣ наплевать! они расплатились, а остальное ихъ дѣло?... Навѣрное они кончатъ Сибирью, прибавилъ онъ глубокомысленно, и снова задрѣмалъ.

Въ задней комнатѣ собрались представители всѣхъ возрастовъ, начиная со стараго сѣдоволосаго вора, бывшаго, по видмому заправилой

всей шайки и кончая почти мальчишками. Сѣдоволосый старикъ ужь рѣдко принималъ непосредственное участіе въ ночныхъ экспедиціяхъ; онъ только составлялъ планы и выслѣживалъ добычу, за свою опытность и прежнюю силу, ему удалось пріобрѣсти авторитетъ въ этомъ сборищѣ; его слушались какъ пророка. Тамъ было не мало подозрительныхъ личностей средняго возраста, смѣхъ которыхъ походилъ на рыканье голодныхъ волковъ; засѣдали тамъ и шпіоны, которымъ было пріятно попировать на счетъ своихъ будущихъ жертвъ. Нѣкоторые играли въ карты, проигрывая и выигрывая съ одинаковымъ хладнокровіемъ.

Въ одномъ углу комнаты группа окружала рыжаго дѣтину съ всклокоченной бородой и колодой засаленныхъ картъ въ рукахъ. По мѣрѣ того какъ онъ металъ карты на право и на лѣво, раздавались возгласы: „цѣлковый на валета“, „уголъ отъ семерки“ и тому подобные термины. На это рыжій безъ замедленія отвѣчалъ „валетъ убитъ“, „семерка взяла“ и т. д.

Въ другихъ группахъ играли въ дурачки или шашки, хвастались другъ передъ другомъ своими подвигами. Передъ нѣкоторыми стояли бутылки съ водкой, хересомъ, мадерой, и даже шампанскимъ. Этимъ людямъ, пока ихъ руки могли владѣть молоткомъ, ножемъ или отмычкой, не зачѣмъ копить деньги. Вору не долго приходится пользоваться жизнью на свободѣ, того и гляди изловятъ, поэтому они и благодушенствовали по своему.

Двоюродные братья вошли почти никѣмъ не

замѣченные, такъ какъ гвалтъ вокругъ рыжаго банкомета все заглушалъ. Замѣтили, что ловкимъ вольтомъ онъ передернулъ карту, на которой была порядочная ставка.

Ты смошенничалъ Шервудъ, девятка должна пасть на лѣво, кричало нѣсколько голосовъ.

Врешь, протестовалъ Шервудъ.

Я только что видѣлъ, что девятка была на верху, куда жь она теперь девалась?

Я-то почемъ знаю, куда она провалилась, когда выйдетъ, тогда и увидите.

Ты плутъ! крикнулъ широкоплѣчій дѣтива, ударяя кулакомъ по столу.

Не лайся, я честно игралъ, отвѣчалъ Шервудъ, запрятывая поскорѣе въ карманъ деньги, составлявшія банкъ. Впрочемъ, если вы спорите, я больше играть не буду. При этихъ словахъ онъ швырнулъ карты на столъ.

Этотъ рыжій мужчина банкометъ въ разбойничьемъ вертепѣ былъ никто иной, какъ тотъ самый Шервудъ, прославившійся печальной исторіей, а проще сказать, доносомъ на Декабристовъ.

Исторія его слѣдующая. Шервудъ сынъ англійскаго механика, когда-то богатаго, а потомъ разорившагося, поступилъ учителемъ иностранныхъ языковъ къ богатому помѣщику Смоленской губ. Ушакову, имѣвшаго двѣ дочери, въ одну изъ которыхъ впослѣдствіи влюбился а затѣмъ тайно женился. Но такъ какъ на явный бракъ ему нечего было расчитывать, не имѣя ни положенія, ни чина, то онъ рѣшился поступить на военную службу и дослужиться до офи-

церскаго чина и этимъ путемъ добраться до признанія брака. По рекомендаціи генерала Стааля, Шервудъ былъ зачисленъ въ Бухскій уланскій полкъ, а затѣмъ, какъ знакомаго съ механикой бѣднаго иностранца рекомендовали къ К. Л. Давыдову, для устройства мукомольной мельницы. Ему приводилось видать въ домѣ Давыдова періодически однихъ и тѣхъ же лицъ, пріѣзжавшихъ въ гости, между которыми видна была интимность. Будучи любопытенъ отъ природы и проныра по характеру, Шервудъ сталъ подсматривать и подслушивать сквозь дверныя скважины разговоръ гостей. Изъ того, что ему удалось уловить налету, пройдоха додумался, что тамъ засѣдаютъ заговорщики, цѣль которыхъ была преобразованіе всей Россійской Имперіи, словомъ затѣвалась полная перемѣна образа правленія: упраздненіе ненавистнаго крѣпостнаго права, введеніе конституціи, т. е. самоуправленія, а въ случаѣ упорства или несогласія царя, сверженіе династіи Голштинъ-Готторпской, иначе называемой — Романовской и провозглашеніе Федеративной Республики Русской съ полной автономіей Сибири, Кавказа, Малороссіи и Польши.

Шервудъ опьянѣлъ, ошалѣлъ отъ удовольствія, что напалъ случайно на такой кладъ. Въ головѣ прощелыги-иностранца сразу закопошился рой плановъ: отличиться, получить чинъ офицера для вступленія въ законный бракъ, схватить крупную награду безъ разбору средствъ, грязны онѣ или нравственны, тотчасъ же написалъ докладную записку къ страшному тогда

Аракчееву, умоляя его устроить свиданіе съ государемъ, которому онъ могъ бы передать лично объ открытіи заговора противъ существовавшаго образа правленія.

Чего искалъ Шервудъ, того и достигъ: прогоны, свиданіе съ государемъ, уполномочіе открывать всюду заговорщиковъ — всѣ эти блага очутились къ его услугамъ. Шервудъ выказалъ свое рвеніе въ этомъ розыскѣ до понравія обыденной учтивости съ безстыдствомъ занесъ въ свои списки даже и тѣхъ офицеровъ своихъ батальонныхъ командировъ, которые даже не были причастны къ дѣлу, а благодаря только тому, что давали ему кусокъ хлѣба и сажали съ собой обѣдать.

Страшная гроза разразилась тогда надъ Россіей: обыски, аресты, пропажа людей безъ вѣсти, ссылна и наконецъ казни. По мѣрѣ увеличенія горя въ семействахъ тогдашней образованной Россіи, карьера Шервуда пошла въ гору — его произвели въ прапорщики съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, впослѣдствіи конно-гвардейскій, съ прибавленіемъ къ его фамиліи прозванія „вѣрнаго“ и высочайшей грамотою возведенъ за свои услуги „престолъ отечеству“ въ достоинство русскаго дворянина. Глубже этой раны Николай не могъ нанести родовитому дворянству.

Вскорѣ за тѣмъ Шервуда произвели въ поручики и штабсъ-капитаны. Такія повышенія совершились въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Но ни добавочное прилагательное „вѣрнаго“, ни высочайшія милости не измѣнили, какъ говоритъ

его современникъ, природныхъ низкихъ свойствъ и Шервудъ — вѣрный остался тотъ же Шервудъ — скверный. Самоувѣренность и наглость Шервуда дошла то того, что даже онъ спросилъ одного современника, бывшаго въ гостяхъ знакомыхъ, надѣвая мѣховые сапоги:

„Знаете ли, что эти сапоги достались мнѣ послѣ Пестеля"?

— Какъ? возразилъ тотъ, неужели успѣли выдѣлать такъ скоро кожу Пестеля?

Шервудъ — вѣрный омерзилъ, опротивѣлъ всѣмъ, отъ него отвернулись; даже государь замѣтилъ его низкіе поступки и отставилъ его отъ службы, разумѣется, съ пенсіей *). Но казенной пенсіи ему не хватало, потому онъ таскался по кабакамъ и продавалъ полиціи подслушанныя тамъ тайны, мошенничалъ въ карты, какъ мы только что видѣли, и тѣмъ самымъ пополнялъ дефицитъ своей кассы.

Буря собравшаяся надъ его головой, скоро затихла, воровской міръ очень снисходителенъ другъ къ другу. Чуть только замѣтили приходъ Макарова съ Товаровымъ, толпа дружески ихъ привѣтствовала.

---

*) Всѣ новоиспеченные на скорую руку дворяне, какъ Шервудъ, сынъ англійскаго слесаря, какъ другой, шапочникъ изъ города Костромы Осипъ Комисаровъ, награжденный прилагательнымъ „Костромского" въ непривычномъ положеніи спиваются съ круга. Комисаровъ, напр. надоѣлъ своему инструктору-дядкѣ Тотлебену до той степени, что принуждены сплавить спасителя „Костромского" въ Ташкентъ, куда сплавляютъ многихъ изъ высокопоставленныхъ лоботрясовъ — за мошенничество, и всякаго рода непотребства.

Ура! вотъ и вы, наконецъ?! крикнулъ имъ юноша лѣтъ восемьнадцати не болѣе. Несмотря на свой юношескій возрастъ, онъ далеко не былъ новичекъ въ дѣлѣ воровства. Еще шестнадцати лѣтъ онъ зарѣзалъ своего отца, чтобы стащить нѣсколько рублей, заработанныхъ извозомъ и бѣжалъ изъ своей деревни; съ тѣхъ поръ полиція его тщетно розыскивала.

А мы слышали, что завтра васъ засажутъ на черную кобылу*) и пожалуютъ Андреевскимъ крестомъ!**)

Молчать! молокососъ, приказалъ ему старый разбойникъ, дважды бѣгавшій изъ Сибири. Никогда не слѣдуетъ упоминать про такія вещи! Да сохранитъ насъ Богъ и Святая Троица отъ черной кобылы и Андреевскаго креста!

Мы не вашей породы, глупое мужичье; это для васъ черная кобыла и Андреевскій крестъ, а для насъ, заступился Товаровъ, такъ какъ Макаровъ отошелъ въ сторону съ однимъ изъ своихъ пріятелей фальшивымъ монетчикомъ, который шепнулъ ему что-то на ухо.

Да, я и забылъ, что это вы, дворяне, сочиняете законы и запрещаете намъ воровать, чтобы самимъ было удобнѣе и выгоднѣе красть.

У насъ называется не красть, а наживать честнымъ путемъ, поправилъ его Товаровъ. Въ это время Макаровъ шепотомъ разговаривалъ съ фальшивымъ монетчикомъ.

---

*) Намекъ на черный эшафотъ къ которому привязываютъ приговоренныхъ къ наказанію.

**) Андреевскій крестъ — кнутъ, которымъ палачъ наноситъ крестообразно удары по спинѣ преступника.

Тутъ трудно спустить твои кредитки. Вчера я хотѣлъ размѣнять двадцати-пяти рублевку у Палкина, но проклятый буфетчикъ повертѣлъ ее въ рукахъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, спросилъ меня, кто я такой и откуда у меня этотъ билетъ. Его ужь два раза надули такими бумажками и полиція приказала ему задержать того, кто придетъ мѣнять таковыя и болталъ всякій вздоръ. Ты вѣдь понимаешь, что я все знаю, вѣдь дѣло съ завѣщаніемъ, которое вы съ Товаровымъ подписали въ качествѣ свидѣтелей, еще не покончено. По счастью тутъ оказался пріятель, чиновникъ изъ управы благочинія, ты его знаешь, это тотъ самый, который скрылъ изъ актовъ твой протестованный вексель на 8000 рублей; онъ меня выручилъ, объявивъ, что бумажка хорошая и взялъ ее себѣ, а мнѣ пришлось дать буфетчику другую четвертную настоящую.

Мерзавецъ промѣняетъ ее у себя въ кассѣ за настоящую.

Я въ этомъ увѣренъ, но дѣло не въ томъ; мой пріятель и покровитель вышелъ вмѣстѣ со мной, сѣлъ въ карету и потребовалъ отъ меня пятьсотъ рублей, если я не желаю быть тотчасъ же арестованнымъ.

И ты ему...

Я заплатилъ, прервалъ фальшивый монетчикъ, но только половину, такъ какъ со мной больше не было денегъ, остальную половину я долженъ ему уплатить завтра же. Ты долженъ мнѣ ихъ достать, а не то...

А ты не врешь? прервалъ его Макаровъ съ недовѣріемъ.

Если ты не вѣришь, можешь завтра же утромъ отправиться къ этому чиновнику.

Нѣтъ, спасибо, я не люблю, чтобы насъ видѣли съ тобой вмѣстѣ. Что касается до денегъ, то вотъ, отвѣчалъ Макаровъ со вздохомъ и подалъ фальшивому монетчику свертокъ съ червонцами. Между тѣмъ Товаровъ, получившій такъ же нѣсколько червонцевъ, не могъ не похвастаться ими передъ Шервудомъ. Глаза стараго мошенника алчно заблистали при видѣ золота.

Золото? Ну братъ, Товаровъ, ты долженъ насъ чѣмъ нибудь угостить! Не такъ ли братцы! обратился Шервудъ къ остальному обществу.

Разумѣется, поставь хоть нѣсколько бутылокъ тминной! раздались голоса.

Вотъ еще тминной! сегодня я васъ угощу шампанскимъ!

Да здравствуемъ Товаровъ! заорали мошенники.

Что такое шампанское? сладкая водица, воскликнули нѣкоторые и между ними сѣдоволосый старикъ, запѣвало, ужь коли хочешь угощать, такъ поставь лучше нѣсколько бутылокъ хересу и рому, это по крайней мѣрѣ щекотитъ глотку, когда пьешь.

Петруша, живо шампанскаго, хересу и рому! вотъ тебѣ золотой. Петруша мигомъ улетѣлъ, видъ золота придаетъ крылья половымъ. Двое изъ мошенниковъ, игравшихъ въ шашки и, изрядно сдѣлавъ честь поперечнику, вступили въ

споръ. Одинъ изъ игроковъ, маленькій щедушный старикашка обозвалъ другого ражаго дѣтину жуликомъ, за что получилъ такую затрещину, что свалился со стула. Съ бѣшенствомъ вскочилъ маленькій старикашка, выхватилъ изъ за голенища острый ножъ и вонзилъ его по самую рукоятку въ грудь своего противника. Все это было дѣломъ одного мгновенія.

Что ты натворилъ Андреичъ? чертъ тебя побери, скорѣй песку, чтобъ полъ не замарался кровью. Ступай скорѣй за извощикомъ, Андреичъ, надо его тотчасъ сплавить. Двое изъ насъ возьмутъ его подруки и выволокутъ какъ бы пьянаго. Надо его отвести на Калинкинъ мостъ, тамъ и свалить въ Фонтанку, сперва поплыветъ въ море, а потомъ пусть его находятъ, чертъ съ нимъ. Собакѣ собачья смерть, его нечего жалѣть, онъ меня обокралъ по крайней мѣрѣ на пятьсотъ рублей, когда мы на Невѣ зарѣзали въ компанствѣ костромскаго купца. Пока покойника тащилъ къ прорубѣ, я вотъ этому подлецу отдалъ бумажникъ и часы, снятые съ аршинника, а онъ мерзавецъ далъ тягу, а послѣ сказалъ, что въ бумажникѣ оказалось всего 10 рублей.

Это было единственнымъ напутствіемъ и прощаніемъ съ убитымъ товарищемъ. Въ это время привели извощика, двое изъ мошенниковъ подхватили убитаго подруки и пошатываясь точно пьяные, тройка вышла на улицу.

А Трофимычъ! гдѣ-жь шампанское? крикнулъ Макаровъ охмѣлевшимъ голосомъ.

Да, шампанскаго! закричалъ другой мошенникъ полупьянымъ голосомъ. Подать шампанскаго! Сегодня я пью только шампанское! вотъ я каковъ!

Нечто ты зарѣзалъ богатаго жида, что сталъ сегодня такъ важничать! спросилъ его одинъ изъ товарищей.

Вотъ-те-на! жида?... самъ ты жидъ! Никогда мой христіанскій ножъ не марался жидовской кровью!

Я вотъ какъ съ жидами!... при этихъ словахъ онъ бросилъ бутылку наполъ и раздавилъ своимъ тяжелымъ каблукомъ. Я пью сегодня, такъ какъ завтра долженъ быть трезвымъ. Сегодня у меня нѣтъ денегъ, а я все таки пью, но у меня здѣсь кредитъ, сказалъ онъ, заливаясь хохотомъ. Трофимычъ, ты вѣдь мнѣ повѣришь въ долгъ?

Разумѣется, разумѣется, отвѣчалъ Трофимычъ, зная, что шутки плохи съ старымъ злодѣемъ, ужь разъ ему пришлось попробовать его кулака и съ него было достаточно.

Но позвольте узнать, зачѣмъ вамъ завтра приходится поститься? это съ тобой такъ рѣдко случается, старый плутъ! Послѣднія слова онъ прибавилъ шопотомъ и озираясь, чтобы убѣдиться, не подслушалъ ли его кто нибудь.

Много будешь знать, скоро состаришься, старый дружище. На то дѣло, что задумалъ, мнѣ тебя, стараго дурака съ синимъ носомъ, не надо, отвѣчалъ мошенникъ.

Да вы не горячитесь, Андрей Петровичъ, пробормоталъ трактирщикъ. Я только хотѣлъ...

Продать меня воронью. Я хорошо знаю, что ты насъ обкрадываешь, а затѣмъ продаешь коршунамъ, отвѣчалъ Петровичъ. Для моего предпріятія мнѣ нуженъ только шпіонъ и ловкій мастеръ, я обращусь къ Шервуду и Макарову.

Тише, стѣны могутъ имѣть уши, сказалъ Макаровъ.

Здѣсь нѣтъ! Единственныя опасныя уши, это старый плутъ Трофимычъ и его достойный слуга Петруша, но на дняхъ я ихъ имъ обрѣжу, такъ выпѣйте же этотъ стаканчикъ и слушайте, дѣло вашное. Ты Шервудъ надо будетъ... онъ ему что-то шепнулъ на ухо.

Невозможно, возразилъ Шервудъ безнадежно, съ тѣхъ поръ, какъ я разсказалъ князю про привидѣнія и приставъ исчезъ такимъ невѣроятнымъ образомъ, мой кредитъ у него совсѣмъ пропалъ — вотъ что!

Какъ подорванъ и у Трофимыча, который пересталъ тебѣ отпускать вдолгъ?

Въ чемъ же дѣло? Чертъ подери пристава и его солдатъ! Вотъ, если бы чертъ былъ поумнѣе, онъ навѣрное забралъ бы всю эту сволочь, которая насъ, добрыхъ молодцевъ, грабитъ, отбираетъ почти три четверти нашей добычи, а въ концѣ концевъ все таки сдаетъ насъ въ тюрьму. Пока это змѣиное отродье живетъ, нашему брату ничего неподѣлать; да, такъ вотъ какъ братцы, дѣло стоитъ! При этихъ словахъ, онъ ударилъ по столу кулакомъ, такъ что бутылки и стаканы задребезжали.

Но я хочу, чтобъ ты снова попалъ въ милость къ князю; къ слову сказать, я открылъ кое-что,

за что онъ поблагодаритъ тебя и озолотитъ съ ногъ до головы.

Ой врешь! кое-что пронюхалъ и самолично не выдалъ? съ недовѣріемъ проворчалъ Шервудъ.

Мерзавецъ! крикнулъ Петровичъ, развѣ ты не знаешь, что я разбойникъ, а не шпіонъ: по этому я тебѣ ничего не скажу, если... если... это не будетъ входить въ мои виды, вѣдь тѣ люди совѣщаются, сговариваются, какъ бы помочь всему народу безъ различія.

Значитъ дѣло идетъ о какомъ нибудь заговорѣ? воскликнулъ обрадованный Шервудъ.

Я же то почемъ знаю, какъ они это называютъ? Тамъ всякаго рода людъ: офицеры, дворяне, мѣщане и крестьяне, какъ и мы. Я было самъ хотѣлъ заглянуть къ нимъ, что тамъ дѣлается, да они меня не приняли, при этихъ словахъ онъ сжалъ кулакъ. Я знаю, гдѣ они собираются и сейчасъ же подумалъ, что это хорошая находка для стараго плута Шервуда.

Шервудъ нисколько не обижался на прозвища, которыми его надѣлялъ Петровичъ, и съ жадностью выслушивалъ каждое его слово, точно голодный волкъ, почуявшій добычу.

Такъ гдѣ же они собираются? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ, когда Петровичъ замолкъ.

Придетъ время, тогда и скажу. Вернемся же къ нашему дѣлу. Надо будетъ завтра утромъ... остальное онъ прошепталъ такъ тихо, что даже опытныя уши Трофимовича не могли разслышать. Можно было разобрать только нѣсколько

отрывочныхъ словъ, безъ связи, въ родѣ: молодая дѣвушка, солдатъ раненный въ руку и т. п.

Окончивъ свой разговоръ Петровичъ прибавилъ: Значитъ дѣло слажено не такъ ли? Если хорошо за него возьмешься, узнаешь гдѣ...

Собираются заговорщики? прервалъ его Шервудъ, говори теперь же дяденька.

По мнѣ, называй ихъ хоть и заговорщиками, не все ли мнѣ равно? Четырнадцатаго декабря насъ тоже по́дпоили когда я еще служилъ въ Московскомъ полку, и мы должны были кричать „конституція“! Мы здорово кричали въ полной увѣренности, что шло дѣло о женѣ Константина, отъ имени которой намъ разливали водку. Мы тоже стрѣляли, такъ что любо было поглядѣть. Я, какъ теперь помню, прицѣлился въ молоденькаго гвардейскаго поручика. Цафъ! и онъ свалился съ лошади. Когда я его снова увидѣлъ, онъ былъ хоть и калѣка, но генералъ-лейтенантомъ и Нарвскимъ комендантомъ. Моя пуля, раздробившая ему руку, принесла ему же счастье. Насъ тогда тоже назвали заговорщиками.

Полкъ раскасировали а меня послали на Кавказъ, гдѣ бы я и до сихъ поръ сидѣлъ, если бы мнѣ не пришла счастливая мысль дать оттуда дерку. И такъ выпей же Шервудъ этотъ стаканъ за успѣхъ нашего дѣла.

Теперь твоя очередь, Макаровъ; умѣешь ты дѣлать фальшивыя завѣщанія?

Макаровъ съ безпокойствомъ оглянулся во всѣ стороны.

Чего ты озираешся, точно лиса, пойманная въ

курятникѣ? Развѣ мы не знаемъ твое искусство? Въ этомъ дѣлѣ на твою долю пять тысячъ.

Глаза Макарова засверкали отъ жадности.

Тамъ вѣдь не будутъ... Ты меня понимаешь Петровичъ? и онъ сдѣлалъ краснорѣчивый знакъ рукой. Я этихъ вещей не люблю, это опасно...

Потому что ты ужь не на своей землѣ, прервалъ его Петровичъ. Говорятъ, тамъ ты такими пустяками не стеснялся. Да это дѣло твое. Дѣльцо мнѣ предложили наслѣдники, а такъ я никогда не терялъ времени на грамоту, я сейчасъ подумалъ о тебѣ; ты по этой части молодецъ. По этому нужно, чтобы ты и Товаровъ подписались подъ завѣщаніемъ свидѣтелями.

Ни за что, сказалъ Макаровъ, это черезъ чуръ опасно.

Что тамъ опаснаго? Ты продѣлывалъ штуки почище. Пожалуй завѣщаніе и не придется поддѣлывать, можно будетъ запугать старика, да у него завелась какая-то дѣвченка, отъ которой онъ безъ ума.

Дѣвченка? спросилъ Макаровъ съ любопытствомъ.

Да, дѣвченка, старый кобель! очаровательная дѣвченка, румянная какъ яблочко, а глаза-то, глазища! Немудрено, что она вскружила голову старикашкѣ.

Это его дочь, что ли?

Нѣтъ, и въ этомъ-то и дѣло. Она у него только нѣсколько недѣль и Богъ ее знаетъ, а вѣроятнѣе чертъ ее разберетъ, кто она и откуда взялась. Она не отходитъ ни на шагъ отъ его постели, даетъ ему лекарство. Должно быть,

что старый хрычъ что нибудь пронюхалъ, потому что Курдюбековъ...

Какой Курдюбековъ?

Да сынъ этого старика, который ужь больно долго зажился, и хочетъ лишить его наслѣдства за то, что тотъ благородно жилъ и чудилъ, такъ что чуть не прогулялся на богомолье въ Сибирь. Чертъ его заетъ какъ онъ выпутался! Одно знаю, что это ему обошлось не дешево и съ тѣхъ поръ онъ остался какъ есть безъ средствъ, а такъ какъ старикъ не хочетъ ему помогать...

Мой двоюродный братецъ самъ ему поможетъ, сказалъ Макаровъ, ухмыляясь.

Твой двоюродный братъ? спросилъ съ удивленіемъ Петровичъ.

Да, мой двоюродный братъ, или, если для тебя лучше, скажу племянникъ моей матери, наши отцы были женаты на родныхъ сестрахъ. Чертъ возьми, достойный брательникъ! И такъ я долженъ писать завѣщаніе моего дядюшки?

Ладно, Петровичъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. Надѣюсь, что мой двоюродный братъ позволитъ отписать малую толику и на мое имя. Такъ у дядушки завелась дѣвченка? Ахъ, онъ старый грѣховодникъ!... Въ головѣ его вдругъ мелькнула мысль, не Наташа ли это? кто знаетъ? Да какимъ бы манеромъ она попала къ нему? Гдѣ бы онъ могъ ее выискать? Я долженъ ее видѣть, надо же мнѣ убѣдиться. Вѣдь Товаровъ ее два раза встрѣтилъ! Зачѣмъ судьба не натолкнула ее на мою дорогу, размышлялъ Макаровъ. Потомъ онъ воскликнулъ громко: значитъ

завтра надо устроить дѣльцо? Однако ты долженъ меня свести къ дядюшкѣ. Я горю нетерпѣніемъ получить его благословленіе!

А можетъ ты хочешь похитить дѣвченку? Я тебѣ не уступлю этого куска, я ее намѣтилъ себѣ. Пиши, знай завѣщаніе и получай свои пять тысячъ, вотъ и конецъ! Ты не увидишь ни дядюшку, ни дѣвченку, да насколько я его знаю, твое посѣщеніе не будетъ ему по сердцу. А теперь, какъ дѣло обладили, выпьемъ, закончилъ старый мошенникъ. Макаровъ пристально на него посмотрѣлъ и ничего не возражалъ; у него роились свои мысли.

Шампанскаго, крикнулъ Петровичъ. Оргія становилась оживленнѣе и шумнѣе, какъ вдругъ въ первомъ отдѣленіи погреба, три бутылки упали на полъ одна за другой съ равнымъ промежуткомъ времени, и съ трескомъ разбились. Говоръ тотчасъ смолкъ, такъ какъ паденіе бутылокъ было сигналомъ, что полиція не вдалекѣ. Всѣ наострили уши и стали съ безпокойствомъ прислушиваться.

Черезъ нѣсколько минутъ снаружи послышались голоса, къ которымъ примѣшивался и голосъ Трофимыча, который успокоивалъ остальныхъ. Вдругъ, какъ нарочно, упала и четвертая бутылка.

Идутъ, прошептали съ безпокойствомъ воры и мошенники.

Дѣйствительно, въ комнату вошелъ приставъ съ полудюженой полицейскихъ. Собраніе, затаивъ дыханіе, ждало не смѣя поднять глазъ.

Очень жаль, что мнѣ приходится васъ тревожить. Но зачѣмъ же вы доводите до этого? Гдѣ нѣкій Иванъ Петровичъ?

Иванъ Петровичъ?

Никто не отвѣчалъ.

Ребята, я васъ честью прошу. Вы вѣдь знаете мое дружеское расположеніе къ вамъ, я на многое смотрю сквозь пальцы, за что другой заставилъ бы васъ дорого заплатить. На этотъ разъ я ничего не могу подѣлать. Надѣюсь, что вы сами не захотите попасть въ бѣду, укрывая отъ меня Ивана Петровича? Мнѣ придется васъ всѣхъ арестовать, а вѣдь у многихъ изъ васъ есть недоимочки передъ полиціей. И такъ гдѣ Иванъ Петровичъ?

Здѣсь! послышался голосъ изъ угла.

Такъ пожалуй сюда, дружище! Ты вѣдь такой шутникъ, какихъ я рѣдко видывалъ! Поглядитека на этого молодца! Укралъ у казака лошадь передъ самымъ дворцомъ. За такую продѣлку стоило бы тебѣ дать возможность бѣжать. Да государь желаетъ лично тебя видѣть. Ради этого надѣюсь, ты мнѣ простишь, что я тебѣ надѣну эти украшенія. При этихъ словахъ онъ велѣлъ надѣть кандалы на руки и ноги Петровича.

А, здѣсь пьютъ шампанское? А ну-ка покажите хорошо ли оно? Приставъ налилъ себѣ большой стаканъ и залпомъ выпилъ. Ничего, недурное, даже очень недурное, а чтобы не хромать на одну ногу, надо выпить еще стаканчикъ, приставъ налилъ и выпилъ говоря: за ваше здоровье, друзья! А третій стаканъ пью ради святой троицы. Да, кстати господинъ Макаровъ, вы

и вашъ двоюродный братецъ потрудитесь тоже послѣдовать за мной.

Макаровъ вздрогнулъ и подошелъ къ приставу, суя свертокъ золотыхъ въ руку. Приставъ спокойно спустилъ деньги въ карманъ и, пожимая плечами, проговорилъ:

Невозможно, голубчикъ Макаровъ! Вѣдь вы же знаете, что мы съ вами друзья, и что я всегда готовъ вамъ служить; но сегодня невозможно, генералъ поручилъ мнѣ привести васъ съ собой. А такъ какъ безъ четырехъ угловъ изба не строится, я пью четвертый стаканъ за ваше здоровье ребята!

А что Галашеву*) отъ меня нужно?

Старыя исторіи насчетъ игры вамъ не даютъ покоя. Самъ государь кое-что объ этомъ узналъ.

Макаровъ сунулъ приставу второй свертокъ золота въ руку.

Я не могу за вами слѣдовать, скажите, что меня не застали, просилъ Макаровъ шепотомъ. Неужели отъ меня ускользнетъ случай найти Наташу, подумалъ влюбленный съ грустью?

Будьте же благоразумны, голубчикъ Макаровъ, возразилъ приставъ спокойно опуская деньги въ карманъ. Вы же меня знаете, когда я говорю нельзя, — значитъ нельзя. Я долженъ васъ отвести къ полицмейстеру и сегодня же. Государь приказалъ васъ разыскать, значитъ вы должны быть разысканы. Мы послѣ увидимъ, чѣмъ можно вамъ помочь, говоря это, онъ паль-

*) Галашевъ, полицмейстеръ.

цемъ почесалъ правую ладонь, и затѣмъ сдѣлалъ жестъ будто считаетъ деньги.

Выпейте же Товаровъ и Макаровъ, намъ вѣдь придется дышать холоднымъ и сырымъ ночнымъ воздухомъ; я вамъ покажу хорошій примѣръ. Наши святыя церкви всегда о пяти куполахъ, пью же за ваше здоровье. А теперь до свиданья братцы!

Приставъ вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи своихъ плѣнниковъ; первый, какъ изъ крестьянъ, былъ въ кандалахъ, а двое остальныхъ, какъ дворяне, только подъ конвоемъ.

IX.

Въ Измайловской части, по улицѣ, подъ названіемъ девятая рота, тянулся большой одноэтажный сѣрый домъ. Въ этомъ домѣ обитало, повидимому, богатое семейство, такъ какъ акуратно вечеромъ разъ въ недѣлю у его подъѣзда толпились роскошные экипажи, окна его ярко освѣщались и музыка продолжалась далеко за полночь. Прямую противоположность съ этимъ домомъ составлялъ надворный флигель. Въ немъ жили бѣдняки, тамъ квартиры отдавались не по комнатамъ, а по угламъ или вѣрнѣе комнаты нанимались столькимъ жилищамъ сколько помѣщалось кроватей. Въ одной такой комнатѣ стояли четыре постели, а около каждой по столику со шкапчикомъ и по табуреткѣ. Одна изъ этихъ постелей принадлежала нашему старому знакомому Савельеву.

Молодой человѣкъ сидѣлъ погруженный въ глубокую думу; ему вспомнилось его прошлое, дѣтство, Гатчинскій пріютъ... потомъ невольно его мысли залетѣли и въ будущее, но оно казалось ему такъ же неприглядно, какъ и прошедшее. Въ его жизни все было мрачно, грустно, но вотъ закрался лучъ свѣта, онъ увидѣлъ Наташу и полюбилъ ее страстно со всѣмъ юношескимъ пыломъ. Но имѣлъ ли онъ право любить, будучи бѣглымъ каторжникомъ?

Сегодня онъ свободно могъ предаться своимъ размышленіямъ, такъ какъ всѣ его сосѣди разбролись по трактирамъ и кабакамъ, справляя Николая Чудотворца и тезоимянитство государя. Всѣ его помыслы углубились въ прошлое; вспомнилъ онъ про Сибирь, про Кавказъ, про свою первую встрѣчу съ Наташей и въ особенности про путешествіе въ Петербургъ, какъ онъ въ дорогѣ ближе узналъ ее, съумѣлъ оцѣнить ея личныя качества. Они оба мечтали найдти спасенье у ногъ государя, не подозрѣвая простой вещи, что къ царю имѣютъ доступъ только великіе міра сего а бѣднякамъ путь туда прегражденъ не преодолимыми препятствіями. Долго онъ мечталъ о Наташѣ и думы его невольно перенеслись къ бабушкѣ.

Мѣсяца два тому назадъ въ присутствіи его и Наташи случайно назвали имя старой вѣдьмы. Наташа упросила его отправиться къ Марфушѣ. О посѣщеніи Савельева цыганки, читателю извѣстно. Съ тѣхъ поръ онъ не вспоминалъ о колдуньи, а теперь ея образъ такъ и вырисовывался предъ его глазами, съ нахмуренымъ лбомъ

и угрожающей рукой. Вспоминая о Марфушѣ, ему пришла на память и шкаттулка, которую онъ въ день наводненія принесъ домой и совсѣмъ забылъ.

Савельевъ досталъ изъ шкапчика шкатулку, поставилъ ее на столъ, раскрылъ и началъ разсматривать ея содержаніе. Чего тамъ только небыло? Всевозможныя золотыя и серебряныя монеты, разные болѣе или менѣе цѣнные кольца и серьги. Каждая вещь была завернута въ бумажку съ надписью отъ кого, когда и за что получена. Затѣмъ тамъ было пропасть писемъ и записочекъ. Савельевъ взглянулъ только на подписи, многія изъ нихъ принадлежали знатнѣйшимъ вельможамъ.

Хотя молодой солдатъ и разсматривалъ всѣ вещи и письма, но мысли его были все-таки всецѣло заняты Наташей и онъ интересовался своими сокровищами настолько, насколько онѣ могли быть полезны для Наташи. А что ей въ какихъ-то письмахъ?

Наконецъ пачка старыхъ пожелтѣлыхъ писемъ перевязанная накрестъ черной лентой привлекла его вниманіе. На пачкѣ было надписано: „сыну моей дочери“. Савельевъ развязалъ пакетъ и началъ разсѣянно его пересматривать. Послѣ перваго взгляда его вниманіе всецѣло приковалось къ этимъ пожелтѣвшимъ листкамъ. Чѣмъ больше онъ вчитывался, тѣмъ его болѣе любопытство усиливалось. Однако эти письма были коротенькія и пустаго содержанія, но что имъ придавало интересъ — была подпись. Всѣ письма исходили только отъ двухъ лицъ, что дока-

зывали подписи, это-то и было любопытнѣе всего, какъ могли попасть въ одну и ту же пачку записки, писанныя столь различными особами?

Однѣ письма, болѣе старыя, почти разсыпающіяся, носили подпись Кондратія Нилѣева, а другіе были подписаны!!!...

Сперва поговоримъ о первыхъ. Они были написаны изъ тюрмы и относились къ женѣ. Одно изъ писемъ было выцарапано булавкой на кленовомъ листѣ, вотъ его содержаніе:

Прощай, бѣдная голубка, сама того не сознавая, ты послужила орудіемъ для погибели твоего мужа. Ты надѣялась его спасти но мѣсто того ты погубила его и его товарищей. У насъ, къ сожалѣнію нѣтъ сына, которому я могъ бы завѣщать отомстить. Если когда нибудь у нашей Анюты будетъ сынъ, онъ долженъ отомстить за меня и за моихъ товарищей, погибшихъ изъ за меня. Молись за своего Кондрата.

Слѣдующая бумага за № 19 была совсѣмъ другого рода: Ноября 1829 года сданъ въ Гатчинскій сиротскій домъ, ребенокъ мужескаго пола подъ именемъ Ивана Савельева.

Третья бумага, была вырѣзка изъ газеты, въ которой говорилось, что унтеръ-офицеръ Иванъ Савельевъ, за участіе въ заговорѣ Петрашевскаго ссылается въ Сибирь на десять лѣтъ, а затѣмъ на поселѣніе безсрочно.

Затѣмъ слѣдовали записки такого рода:

„Сегодня придти не могу“! или „жди меня въ одинадцать часовъ“! Таковыхъ было не мало и всѣ были подписаны „Николай“. Одно только письмо съ той же подписью, было длинное:

„Ты говоришь, мой другъ, что нашъ ребенокъ былъ сынъ. Но что съ нимъ сталось? Не можетъ быть, чтобы ты этого не знала! Скажи мнѣ! Подумай, что отъ этого зависитъ судьба и счастье твоего сына. Нѣтъ, ты этого не знаешь! Я твою душу хорошо знаю, она чиста, какъ ангелъ и не способна на ложь. Сегодня, когда я тебя допрашивалъ и смотрѣлъ въ глаза, ты не могла бы выдержать моего взгляда, если бы хранила въ своемъ сердцѣ тайну. Я привыкъ читать въ сердцахъ людей, въ тебѣ нѣтъ ничего фальшиваго. Но тѣмъ не менѣе для меня непостижимо исчезновеніе мальчика! Гдѣ онъ?!... Съ какой цѣлью?!... Я велѣлъ разыскивать его слѣды, но официально я этого сдѣлать не могу. Съ своей стороны употреби всѣ усилія, чтобы ему доставить блистательную будущность, и помоги мнѣ его отыскать, или по крайней мѣрѣ похитившую его акушерку.“

Потомъ слѣдовало письмо весьма нечеткаго почерка:

„Анюта, дорогое дитя мое, твой сынъ живъ, онъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ домѣ подъ номѣромъ 2137 и подъ именемъ Ивана Савельева. Помни, что твой отецъ его избралъ мстителемъ за свою смерть“.

Потомъ слѣдовали строчки написанныя тонкимъ дрожащимъ почеркомъ:

„Сынъ мой, если когда нибудь эти строчки попадутъ въ твои руки, подумай, вѣдь мертвые не нуждаются въ мѣсти! Они теперь ангелы божьи и окружаютъ престолъ всевышняго, онъ ихъ защита и ихъ мститель. Что я говорю, мсти-

тель? Нашъ создатель — Богъ любви и всепрощенія; значитъ мы тоже должны прощать нашимъ ближнимъ. Черезъ нѣсколько мгновеній я сама предстану предъ лицомъ всевышняго и только теперь я узнала, что ты живъ. Я могла бы дать тебѣ блистательное положеніе, какъ люди это называютъ, но, зачѣмъ? Лучше оставайся Иваномъ Савельевымъ, неизвѣстнымъ сиротой. Карьера, которую я могла бы тебѣ создать опасна, тебѣ бы завидывали и ненавидѣли бы тебя! Быть можетъ она принесла бы тебѣ смерть, а я не хочу, что бы мой сынъ, рожденный въ слезахъ, погибъ, я хочу чтобы ты жилъ долго! Ты будешь счастливѣе какъ Иванъ Савельевъ, нежели какъ незаконнорожденный царскій сынъ! Прощай милый сынъ, я тебя благославляю и завѣщаю любовъ и прощеніе а не месть".

Солдатъ читалъ и перечитывалъ эти строки. Неужели онъ нашелъ свою мать? сомнѣнія нѣтъ! Эти строки могли быть написаны только матерью. Но кто же она? Письмо гласило Марія Ассенькова, но между тѣмъ никогда это имя не долѣтало до его слуха! Впрочемъ это не удивительно, слава артистокъ не вѣчна, едва опустится надъ ними завѣса жизни, какъ и забудутъ про ихъ существованіе.

А все-таки, сколько прелести въ словѣ „мать", даже для того, кто никогда не испыталъ материнскихъ ласокъ. — Мысль о томъ, что онъ незаконный сынъ государя, не зародила въ немъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ думалъ только о своей матери. Судя по ея письму, она была

несчастна, и эта мысль заставила Савельева прослезиться. Онъ взялъ это письмо и спряталъ на груди точно какой нибудь талисманъ, а шкатулку снова заперъ и спряталъ.

X.

Толстый слой снѣга, точно саванъ покрывалъ сады Гатчинскаго дворца, окна блистали огнями. Снасти фрегата стоявшаго на озерѣ были унизаны пестрыми фонариками, напрасно стараясь придать саду праздничный видъ. Въ Гатчинѣ сегодня былъ великій праздникъ, какъ и по всей Россіи — тезеименитство государя. Николай предпочелъ праздновать свои имянины не въ шумной столицѣ, какъ въ былыя времена, но въ тихой Гатчинѣ. Святитель Николай чудотворецъ, его патронъ и покровитель всей Россіи точно будто отвернулся отъ православной Руси. Прежде посланники съ самого утра спѣшили поздравить грознаго колосса, а теперь, какъ ихъ число сократилось! Кто изъ посланниковъ прибылъ въ Гатчину для принесенія поздравленія? Только Саксонскій — Кенерицъ, Прусскій — Вертеръ, и Австрійскій графъ Валенштейнъ Естергази, который согласно приказанію, полученному отъ своего императора, присовокупилъ къ обычнымъ поздравленіямъ кислосладкимъ голосомъ, что если до марта мѣсяца миръ не будетъ заключенъ, то Австрія будетъ вынуждена выступить противъ Россіи.

Утромъ государь присутствовалъ на литургіи въ дворцовой церкви, но онъ и даже протопре-

свитеръ Бажановъ былъ разсѣянъ. Послѣдній чуть не выронилъ изъ рукъ чаши, когда взглянулъ на взволнованное лицо царя — Николай наканунѣ у него исповѣдывался. Должно быть исповѣдь была очень важна, такъ какъ мрачное облако съ тѣхъ поръ и непокидало чело пресвитера.

Послѣ обѣдни государь посвятилъ нѣсколько часовъ работѣ. Послалъ въ Финляндію приказъ о замѣнѣ Ракосовскаго Деномъ.

Затѣмъ получилъ рапортъ изъ Крыма отъ Менщикова. Прочитавши, онъ невольно воскликнулъ: Теперь всѣ швыряютъ камнями въ Меншикова, но будущее поколѣніе построитъ ему изъ этихъ самыхъ камней роскошный памятникъ!

Его сыновья, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ столь торжественный день вокругъ себя, были далеко: младшіе Николай и Михаилъ поѣхали въ Крымъ, добывать себѣ Георгіевскіе кресты; Александръ, наслѣдникъ престола, былъ въ Польшѣ на готовѣ противъ Австріи, дѣлалъ поспѣшныя военныя приготовленія. Константинъ былъ занятъ укрѣпленіемъ Кронштадта для зимней обороны, чтобы защитить Петербургъ отъ нападенія союзныхъ державъ, такъ что онъ могъ пріѣхать только на минуту поздравить и поцѣловать руку отца. Императрица Александра Федоровна была снова больна и не выходила изъ своей комнаты. Событія 14 декабря 1825 года сильно потрясли ея нервную систему и съ тѣхъ поръ она не могла оправиться, а неудачи послѣдней войны снова разшатали ея и безъ того слабое здоровье.

Государь сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, подперши голову локтями и машинально пробѣгалъ глазами рапортъ Меншикова, противъ него помѣщался генералъ Сухозанетъ и вопросительно смотрѣлъ на царя.

Молодцами дерутся, мои храбрые севастопольцы, сказалъ Николай, задумчиво. Ихъ сопротивленіе неслыханное въ военной исторіи. Пятьдесять тысячъ ядеръ въ день съ обѣихъ сторонъ. И мои младшіе сыновья празднуютъ на полѣ сраженія, обогренномъ кровью моихъ солдатъ, имянины своего отца! Генералъ, зачтите всѣмъ войскамъ, находящимся въ Севастополѣ, каждый мѣсяцъ за годъ службы.

Государь, подумайте... прервалъ его военный министръ.

О чемъ мнѣ подумать? Что это награда изъ ряду вонъ? да и храбрость моихъ солдатъ изъ ряду вонъ, и небывалая въ военной исторіи.

Государь, подумайте, какую зависть это возбудитъ въ остальныхъ войскахъ, такъ же готовыхъ жертвовать жизнью за ваше величество. Не всѣ же могутъ быть въ Севастополѣ!!

Я такъ хочу, возразилъ государь голосомъ не допускающимъ возраженій. Министръ молча низко поклонился.

Даненбергъ не останется въ Севастополѣ, его замедлѣніе было единственной причиной, что мы неудержали побѣды при Черной рѣчкѣ...

Государь, позволилъ себѣ замѣтить Сухозанетъ, время года, туманъ, грязь...

Генералъ долженъ умѣть преодолѣвать препятствія, Даненбергъ не останется...

Сухозанетъ молчалъ.

Кого пошлемъ на его мѣсто? спросилъ царь, но не дожидая отвѣта военнаго министра сказалъ подумавши: да Остенъ-Сакенъ!...

Государь, сказалъ министръ, снова нѣмецкая фамилія, снова нѣмецкая фамилія...

Государь поднялъ голову: А! сказалъ онъ, развѣ ты тоже принадлежишь къ такъ называемой „русской партіи“? По твоему совѣту я — послалъ Муравьева на Кавказъ, и что-жъ онъ тамъ натворилъ? Онъ далъ себя разбить Вильямсомъ и Лекомъ двумъ англичанамъ. Какъ будутъ теперь торжествовать англичане! А теперь, пожалуй посовѣтуешь назначить главнокомандующимъ Ермолова?

Государь, имя много значитъ, въ 1812 г. что не могъ сдѣлать Барклай-де-Толи, Кутузовъ, восмидесяти-лѣтній старикъ, который стоялъ одной ногой въ гробу, исполнилъ, такъ какъ воля народа...

Воля народа? прервалъ его императоръ съ гнѣвомъ. Что такое воля народа? Неужели люди, окружающіе мой престолъ, за одно съ французской революціей?

Государь, отвѣтилъ Сухозанетъ, тихимъ, но твердымъ голосомъ, вы знаете мои чувства, вы знаете, что я сочту за счастье ту минуту, когда мнѣ будетъ дана возможность пожертвовать жизнью за ваше величество, но позвольте мнѣ, какъ вѣрному слугѣ сказать вамъ правду. Не хватаетъ человѣка, который однимъ своимъ именемъ воодушевилъ бы войска. Подобно тому, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, Московское дво-

рянство и купечество единогласно выбрали начальникомъ ополченія Кутузова; Ермоловъ...

Опять это ненавистное имя? И ты, Сухозанетъ, его произнесъ? Развѣ я не сдѣлалъ строгаго замѣчанія Московскому дворянству и купечеству за выборъ Ермолова начальникомъ ополченія? Развѣ я не ясно сказалъ, что пока я живъ, Ермоловъ не получитъ никакого назначенія?

Тоже самое говорилъ и покойный братъ вашего величества, когда передъ нимъ снова произнесли имя Кутузова. Воля народа...

Неповиновеніе! гордо прервалъ его государь. Ты говоришь объ имяни? Съ котораго времени имя Николая утратило свою грозу? Съ какихъ поръ народъ, какъ ты выражаешься, осмѣливается требовать другое? Пока я живъ, я буду водить русскія войска къ побѣдамъ. Довольно словъ. И такъ мы пошлемъ въ Крымъ Остенъ-Сакена на мѣсто Даненберга.

Военный министръ молча поклонился.

Что подѣлываетъ мой егерскій полкъ?

Государь, министръ удѣловъ графъ Перовскій...

Генералъ-адъютантъ графъ Перовскій, прервалъ его государь.

Сухозанетъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

Насколько мнѣ извѣстно, графъ Левъ Перовскій никогда не былъ военнымъ.

Вотъ его назначеніе, генецалъ-адъютантомъ, которое ты ему тотчасъ же передашь, сухо возразилъ ему государь.

Сухозанетъ снова молча поклонился. Министры,

при Николаѣ не были его совѣтниками, они были только слѣпыми орудіями его капризовъ и его непреклонной воли. Военный министръ, бывшій не въ одномъ сраженіи, дравшійся и подъ Бородиномъ и подъ Феръ-Шампенгазомъ, глубоко ненавидѣлъ бюрократовъ, заслужившихъ густые эполеты и генералъ-адъютантскія вензеля, сидя въ канцеляріи съ перомъ въ рукѣ.

Гдѣ Денъ? спросилъ государь.

Генералъ-адъютантъ Денъ, ваше величество, осматриваетъ укрѣпленія при Балтійскомъ морѣ.

Какіе полки будутъ проходить черезъ Петербургъ сегодня и завтра?

Сегодня никакой полкъ проходить не будетъ, а завтра пройдетъ третій Астраханскій казачій и пятый Башкирскихъ ополченцевъ.

Они куда идутъ?

Казаки въ нарву, а Башкирцы въ Або.

Хорошо! Я завтра поѣду въ Петербургъ, чтобы встрѣтить моихъ храбрыхъ солдатъ. Можешь удалиться.

Военный министръ наклонился и направился къ двери.

Государь его вернулъ.

Я назначилъ Преображенскаго полковника Арбузова командиромъ стрѣлковъ императорской фамиліи. Завтра назначеніе должно быть въ приказѣ.

Сухозанетъ опять откланялся, но государь его остановилъ:

До моего слуха дошло, что въ перевязочныхъ пунктахъ и госпиталяхъ, равно какъ и въ интенданствѣ продѣлываются всевозможныя мо-

шенничества. Въ Ригѣ мертвые значились въ спискѣ живыхъ, а въ Севастополѣ войска оставались два дня безъ говядины. Произвести строжайшее слѣдствіе, за которое ты отвѣчаешь!

Пусть Рязанское, Тамбовское и Курское ополченіе двинется къ театру войны.

У Николая была страсть вмѣшиваться въ мельчайшія подробности управленія и военныхъ дѣйствій. Онъ хотѣлъ всѣмъ лично управлять, по этому и произошло столько ошибокъ. Ни одинъ батальонъ не передвигался безъ его вѣдома; ни одна казенная постройка не возводилась безъ того, чтобы планъ не былъ предварительно ему представленъ. Наконецъ Сухозанетъ удалился и его мѣсто занялъ старый канцлеръ, графъ Нессельроде, управлявшій въ теченіи пятидесяти лѣтъ внѣшней политикой Россіи.

Онъ былъ высокаго роста, худощавый, весьма похожій по внѣшности на князя Меттерниха. Черты его лица были тонки и правильны. Рѣдкіе бѣлые какъ лунь волосы, рельефно выдавали его высокій лобъ. Сѣро-зеленые глаза обладали той же проницательностью. Въ своихъ манерахъ и даже въ одеждѣ онъ старался подражать знаменитому министру, гордясь тѣмъ, что былъ его ученикомъ. Своимъ огромнымъ состояніемъ, онъ былъ обязанъ карьерѣ, подобно какъ и Меттернихъ, которымъ пользовался, какъ истый сибаритъ. Онъ вошелъ легкой поступью, который позавидовалъ бы любой танцоръ.

Ну что? спросилъ его государь.

Князь Горчаковъ извѣщаетъ, что на послѣдней конференціи, бывшей по случаю болѣзни въ домѣ графа Вестморланда...

Вестморландъ боленъ? Вздоръ! онъ хотѣлъ устроить собраніе у себя — вотъ и все! Онъ хотѣлъ, чтобы другіе пріѣхали къ нему, вмѣсто того, чтобы самому съѣздить къ нимъ. И они были настолько глупы...

Государь, прервалъ его дипломатъ, Магометъ, отличавшійся всегда осторожностью, и тотъ сказалъ: „если гора не хочетъ придти ко мнѣ, я самъ къ ней пойду“. Вотъ почему члены конференціи отправились къ Вестморланду.

Позоръ на позорѣ! вздохнулъ государь, и прибавилъ громко: какъ же стоятъ дѣла?

Дѣла, ваше величество, идутъ превосходно, сказалъ дипломатъ, потирая руки.

Превосходно? переспросилъ государь съ удивленіемъ.

Разумѣется, ваше величество, члены конференціи, а въ особенности Австрія, твердо держатся четырехъ пунктовь охранительной конвенціи.

И ты находишь, что дѣла идутъ превосходно? Да вѣдь такимъ образомъ миръ никогда не состоится!

Разумѣется! А развѣ ваше величество желаетъ мира? Спросилъ Нессельроде, наивно принявъ удивленный видъ.

Государь пристально на него посмотрѣлъ.

Пока Севастополь находится въ осадѣ?

Государь молчалъ.

Пока Севастополь еще держится?

Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ предложить вашему величеству, дать мнѣ уполномочіе на принятіе четырехъ пунктовъ конвенціи.

Пока я живъ, никогда!

Пока не послѣдуетъ какой нибудь блистательной побѣды, которая дастъ намъ перевѣсъ, нечего и думать, чтобы союзныя державы отказались отъ этихъ четырехъ пунктовъ, въ особенности Австрія...

Неблагодарная Австрія, вѣдь я жь ее спасъ въ 1849 году отъ гибели! Къ чему же теперь конференціи?

Я ужь позволилъ себѣ замѣтить, вашему величеству, что ни одна изъ воюющихъ державъ не желаетъ мира, а Австрія тѣмъ болѣе, хотя она еще не принимаетъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вашему величеству хорошо извѣстенъ девизъ моего друга Меттерниха, выжидать и ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ глазахъ же народа, надо дѣлать видъ, что употребили всѣ способы, но...

Но?

Но что всѣ они рухнули передъ непреклонной волей вашего величества.

Что-жь теперь дѣлать?

Государь, я осмѣлюсь предложить вашему величеству въ свою очередь обратиться къ народу чтобы...

Опять это ненавистное слово!

Что дѣлать? замѣтилъ дипломатъ, пожимая плечами, надо послѣдовать примѣру сосѣдей... Союзники обращаются къ народу черезъ газеты...

И мнѣ такъ поступать?! Мнѣ брать примѣръ съ нихъ!

Нѣтъ, ваше величество, народъ черезчуръ мало читаетъ газеты, по своей неграмотности, но манифестъ, прочитанный во всѣхъ церквахъ съ амвона, доказывающій невозможность заключить мира, снова возбудилъ бы патріотизмъ...

Мысль хороша. Надо издать манифестъ, положимъ въ день новаго года...

Государь, это срокъ черезчуръ длинный, мало ли какія событія могутъ стать на перекоръ нашимъ планамъ! Мы и теперь имѣемъ отличный случай — четырнадцатое декабря, денъ восшествія...

День, когда я побѣдилъ картечью возставшихъ противъ меня, къ сожалѣнію это были мои собственные солдаты (послѣднія слова онъ произнесъ грустно и почти шепотомъ). Да, день хорошо избранъ. И такъ составь манифестъ, въ которомъ вырази, что...

Четыре пункта конвенціи не совмѣстны съ честью Россіи.

Что...

Принять эти пункты было бы позоромъ для Россіи, которую союзники хотятъ унизить...

Да, прервалъ государь дипломата, ты понялъ, что я хочу сказать. Значитъ манифестъ появится 14 декабря.

Дипломатъ низко поклонился, его обыкновенной хитростью было подсказывать государю свои собственныя мысли. Николай хваталъ ихъ на лету и присвоивалъ себѣ.

И такъ я напишу въ Вѣну князю Горчакову, что ваше величество твердо рѣшили продолжать...

Войну, пока у меня остался хоть одинъ человѣкъ, котораго могу послать на поле сраженія, пока я самъ чувствую въ себѣ силу сражаться и умереть!

Дипломатъ поклонился и продолжалъ:

Я напишу князю Горчакову, одному изъ главныхъ представителей русской партіи...

Въ моемъ государствѣ нѣтъ партій, прервалъ его Николай твердо и съ гордостью.

Графъ Нессельроде снова поклонился и продолжалъ:

Разумѣется, и такъ значитъ я напишу князю Горчакову, что рѣшительное желаніе вашего величества продолжать войну, пока блистательная побѣда не дастъ намъ ключъ къ миру; но тѣмъ не менѣе, пусть князь продолжаетъ затягивать переговоры, чтобы не мы ихъ прекратили, но вынудить къ этому нашихъ непріятелей.

Дипломатическія интриги, пробормоталъ гордый монархъ.

Что дѣлать, ваше величество? Наша игра скучная, но тѣмъ не менѣе умная, точно игра въ шахматы, въ которой выигрываетъ, умѣющій терпѣливо выжидать, сохранять полное хладнокровіе, и ловко обмануть своего противника.

Дипломатъ съ глубокимъ поклономъ собирался удалиться, но государь, чувствуя, что на этотъ день побѣда осталась за его министромъ, хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь его унизить.

Николай любилъ вмѣшиваться даже въ самыя интимныя дѣла своихъ приближенныхъ.

Постой, мнѣ надо съ тобой еще кое о чемъ поговорить, крикнулъ ему царь.

Графъ Нессельроде снова подошелъ къ государю.

Ты предлагаешь миръ своему монарху, мнѣ кажется, что тебѣ слѣдовало бы прежде всего устроить миръ въ твоей собственной семьѣ!

Дипломатъ вопросительно посмотрѣлъ на царя, онъ не угадывалъ на что намѣкаетъ государь. У Нессельроде были дочь и сынъ. Первая была замужемъ за отставнымъ ротмистромъ Конногвардейскаго полка барономъ Зебахомъ и была съ нимъ счастлива. Старый дипломатъ неожиданно открылъ въ своемъ зятѣ необыкновенныя дипломатическія способности. Что касается до сына, женатаго на дочери извѣстнаго московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, то онъ въ супружествѣ дѣйствительно не былъ счастливъ, но они оба были въ этомъ виноваты.

Дипломатъ молча обдумывалъ, какъ бы отразить направленный противъ него ударъ.

Да, сказалъ государь, у меня есть причины быть недовольнымъ твоимъ семействомъ.

Дипломатъ, собравшись съ духомъ отвѣтилъ: Удивляюсь, ваше величество, не прошло и часу, какъ я получилъ изъ Парижа письмо отъ дочери баронессы Зебахъ...

Выборъ этого честнаго нѣмца для твоей дочери былъ единственный твой благоразумный поступокъ въ семейныхъ дѣлахъ. Что она пишетъ?

Государь, мой зять пожалуй могъ бы...

Мы объ этомъ поговоримъ послѣ, неразъ мы находили въ немъ осторожнаго и вѣрнаго слугу.

Другой разъ!! Но твой сынъ...

Государь, что могъ свершить мой сынъ? Онъ вѣдь такой скромный, послушный...

Признайся лучше, что онъ дуракъ; иначе, какъ бы онъ могъ пережить образъ жизни своей жены?

Ваше величество, вы сами изволите знать...

Это просто невозможно! Такой скандалъ!! Опять третьяго дня у Шевалье!*) Шумъ, гамъ, оргіи! Самъ московскій генералъ-губернаторъ былъ призванъ, чтобы водворить порядокъ и прекратить позорныя сцены. Онъ воображалъ, что тамъ забавляются женщины легкаго поведенія съ какими нибудь баричами! И кого жъ онъ нашелъ? свою собственную дочь, жену сына моего канцлера.

Съ тѣхъ поръ какъ канцлеръ видѣлъ откуда направлялся ударъ, онъ сразу нашелъ и способъ обороны.

Государь, сказалъ онъ, мои волосы поседѣли не столько отъ годовъ, сколько отъ грусти. Мое единственное утѣшеніе — это дочь баронесса Зебахъ, мой сынъ Дмитрій, тоже, добрый, отличный человѣкъ, но къ сожалѣнію — онъ не одаренъ большими способностями. Но это еще не бѣда, но великое горе гложетъ мнѣ сердце: я не имѣю, какъ ваше величество, счастья быть окруженнымъ четырьмя сыновьями и многочисленными внуками! У меня только

*) Извѣстный ресторанъ въ Москвѣ, нынѣ не существующій.

одинъ сынъ и нѣтъ никакой надежды имѣть когда нибудь внука, такъ какъ графиня Закревская *), на которой онъ былъ вынужденъ жениться...

---

*) Молодая графиня Закревская, единственная дочь московскаго генералъ-губернатора, была вообще очень эксцентрична и нисколько не стѣснялась всѣмъ говорить, что выходитъ за графа Нессельроде не по любви Однажды ей задали вопросъ, отчего же она тогда за него выходитъ замужъ? На это былъ съ ея стороны весьма характеристичный отвѣтъ: „Отъ того, что у него воняютъ ноги". Вопрошавшій былъ этимъ пораженъ.

Молодая графиня, видя его изумленіе, поторопилась выяснить смыслъ своего отвѣта:

Ну да отъ того, что у него воняютъ ноги, и по этой причинѣ это единственный мужчина изъ нашего общества, котораго, мать не взяла себѣ въ любовники.

Старая графиня Закревская была извѣстна своимъ развратомъ. Объ этомъ остался недурной анекдотъ въ памяти московскихъ старожилъ.

Во время генералъ-губернаторства графа Заревскаго въ Москвѣ проживала нѣкая графиня Ростопчина, дочь бывшаго московскаго генералъ-губернатора въ двѣнадцатомъ году. Графиня Ростопчина такъ же славилась своей распущенностью нравовъ. Однажды послѣ крупнаго скандала, графъ Заревскій призвалъ ее къ себѣ и причелъ строжайшій выговоръ съ угрозой высылки изъ города административнымъ порядкомъ. Графиня, выслушивши его нравоученія, возразила: „Удивительная вещь, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, мой отецъ призывалъ въ этотъ же самый кабинетъ вашу супругу и ей говорилъ слово въ слово то, что вы говорите теперь мнѣ. Ваша супруга не исправилась? Такъ оставьте же и меня въ покоѣ.

Графиня Нессельроде, урожденная Закревская, жива и до нынѣ. Съ Нессельроде она развелась и вышла замужъ за своего бывшаго любовника, князя Друцкого-

Вынужденъ?! спросилъ государь, нахмуривъ брови.

Развѣ это не была воля вашего величества? спросилъ дипломатъ съ наивнымъ удивленіемъ; только въ этомъ предположеніи я далъ свое согласіе. Небудь этого, никогда дочь графа Закревскаго не была бы моей невѣсткой.

Я зналъ, что вы всегда были врагами и этимъ союзамъ я надѣялся прекратить вражду. Да дѣло не въ томъ. Надо положить конецъ скандальному поведѣнію твоей невѣстки. Твой сынъ долженъ къ ней вернуться.

Ваше величество, есть случаи, когда родительская власть безсильна, отвѣчалъ канцлеръ съ глубокимъ поклономъ. Вѣдь графиня Нессельроде живетъ у своего отца и, мнѣ кажется, что московскій генералъ-губернаторъ...

Ладно, ладно прервалъ его государь, недовольный, что побѣда надъ дипломатомъ снова отъ него ускользала! Ты долженъ ему написать. Я хочу, чтобы прекратились скандалы между приближенными лицами къ моему двору. Я такъ хочу, слышишь?! Теперь ступай и подумай о манифестѣ, который долженъ выйти 14 декабря!

Графъ Нессельроде съ поклономъ удалился.

Государь долго останавливался погруженный въ глубокія думы.

Саколинскаго, того самаго, про котораго однажды Николай I, ея крестный отецъ, спросилъ:

Графиня, скажите, что между вами и княземъ Друцкимъ?

„Ничего, ваше величество, возражала графиня, даже нѣтъ батистовой рубашки“.

Нѣтъ, миръ еще не долженъ быть заключенъ, сказалъ онъ задумчиво. Неужели исторія славнаго царствованія закончится позорнымъ миромъ? Никогда! Я это предоставлю въ наслѣдіе моему сыну. Хотя начало его царствованія будетъ омрачено облаками, онъ успѣетъ ихъ разсѣять и солнце снова озаритъ Россію, какъ онъ того пожелаетъ. Да мой сынъ Александръ, мой наслѣдникъ!...

Онъ все говоритъ о прогрессѣ, о либеральныхъ началахъ! Его любимая мечта — освобожденіе крестьянъ, которое, въ настоящую минуту удивило бы и поразило западъ, но она не исполнима. Всѣ губернаторы отвѣчали на секретный циркуляръ, по этому поводу, что встрѣтится сильное препятствіе со стороны дворянства и можетъ послѣдовать общее возстаніе. Пусть это такъ же будетъ предоставлено Александру. Я ему завѣщаю сомнительную благодарность крестьянъ и вѣрную ненависть дворянства! Съумѣешь ли ты, Александръ, держать твердой рукой бразды правленія, которые я, твой отецъ, сѣверный колоссъ, часто съ трудомъ могъ сдерживать!!

Зачѣмъ мой старшій сынъ Александръ, а не Константинъ? Въ этомъ живетъ моя твердая воля, между тѣмъ, какъ Александръ слушается совѣтовъ другихъ и, часто даже, позволяетъ собой руководить. Царь долженъ думать и дѣйствовать самостоятельно. Ему не нужны совѣтники, а только слуги.

Снова государь задумался и его чело омрачалось все болѣе и болѣе. Онъ думалъ о сопер-

ничествѣ Константина. Онъ хорошо зналъ его гордый нравъ, и что онъ съ завистью смотрѣлъ на корону назначенную старшему брату. Ему было извѣстно, что Константинъ устроилъ себѣ сильную партію въ народѣ и войскахъ. Многіе утверждали, что законный наслѣдникъ престола Константинъ а не Александръ, такъ какъ послѣдній родился, когда Николай не былъ даже наслѣдникомъ, а первый родился когда чело Николая украшала русская императорская корона. Все это ему было извѣстно, и ему грозилось, что сыновья другъ у друга оспариваютъ царскій вѣнецъ въ кровавомъ бою. Онъ зналъ уступчивый характеръ старшаго сына, готовый на всякія жертвы и опасался.

Николай началъ восточную войну, въ надеждѣ дать Константинопольскую корону второму сыну и тѣмъ удовлетворить его честолюбіе; но союзныя державы стали поперегъ его плановъ, разрушили ихъ и снова гордость и тщеславіе второго сына угрожали судьбѣ старшаго.

Государь былъ такъ занятъ мыслями, бродившими въ его головѣ, что не замѣтилъ, какъ молодая женщина вошла въ кабинетъ, приблизилась къ нему легкой поступью и крѣпко поцѣловала руку. Николай столь внезапно оторванный отъ своихъ размышленій, вздрогнулъ, но, узнавши вошедшую, его чело просіяло и онъ спросилъ ласковымъ голосомъ:

Это ты Маша? Ты сегодня поздненько!

Папа, я писала своему мужу; онъ конечно будетъ искренно сожалѣть, что вынужденъ проводить сегодняшній день вдали отъ отца.

Это была любимица государя, супруга наслѣдника цесаревича.

Сперва Николай противился союзу съ Дармштадтской принцессой, но скоро, несмотря на свою молодость, она съумѣла занять при русскомъ дворѣ твердое положеніе. Государь быстро оцѣнилъ ея рѣдкія умственныя способности и доброту ея сердца, которое было неисчерпаемымъ источникомъ любви и самоотверженія. Несмотря на то, что раболѣпные царедворцы посѣяли вражду между государемъ и его старшимъ сыномъ, отстранивъ, послѣдняго, почти совершенно отъ дѣлъ, Николай чувствовалъ безъотчетное влеченіе къ своей невѣсткѣ, и часто съ ней совѣтовался. Она незамѣтно вытѣснила вліяніе гордой и тщеславной великой княгини Елены Павловны.

Папа, сказала цесаревна вкрадчивымъ голосомъ: отчего у васъ такой сумрачный видъ, зачѣмъ такія мрачныя мысли? Будьте же счастливы и веселы! Вѣдь этотъ день для всѣхъ день счастья и веселья!

Маша, есть минуты, когда грустныя мысли невольно закрадываются въ голову. По временамъ, мнѣ кажется, что я въ послѣдній разъ праздную имянины вмѣстѣ съ вами. Вѣдь твоя мать...

Я только что отъ императрицы, она себя чувствуетъ гораздо лучше и желала бы васъ видѣть.

Ты была у императрицы? Развѣ тебѣ никогда не приходила мысль, что быть можетъ не пройдетъ и году, какъ ты будешь настоящая импе-

ратрица, а что теперешняя императрица сохранитъ только пустой титулъ?

Папа, вы меня пугаете! не говорите такихъ вещей! воскликнула цесаревна, бросаясь на грудь государя и стараясь скрыть слезы. Папа, милый папа, ради самого Бога, не говорите такихъ вещей.

Маша, развѣ тебѣ не хочется поскорѣе сдѣлаться императрицей! Развѣ не пріятно быть императрицей, первой между всѣми?!

Нѣтъ, папа, нѣтъ! Я хочу быть вашей дочерью и больше ничего.

Государь прижалъ ее къ сердцу.

Можетъ ты и не тщеславна, но твой мужъ во всякомъ случаѣ другого мнѣнія, онъ находитъ что его отецъ черезчуръ долго живетъ и что пора бы и самому взойти на тронъ!

Вѣдь ему ужь 37 лѣтъ! Я хорошо знаю, что когда предстоитъ блистательное наслѣдство, а въ особенности царскій вѣнецъ, наслѣдники становятся не терпѣливыми.

Папа, не добрый папа, возражала цесаревна со слезами: не стыдно ли вамъ такъ говорить, въ особенности сегодня, въ день вашего ангеля?! Вы же знаете, что Александръ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, какъ мужъ и какъ сынъ! Онъ всечастно готовъ пожертвовать за васъ жизнью. Вы знаете, что онъ любитъ васъ больше меня, больше чѣмъ своихъ дѣтей, и вы можете думать, что онъ желаетъ вашей смерти?

Ну такъ что-жь, если я даже не умру! Ты знаешь, что англичане хотятъ меня заставить отречься отъ престола, тогда...

Тогда Александръ его не приметъ. Сынъ принимаетъ только то, что отецъ даетъ ему добровольно и никогда не станетъ за одно съ его врагами; слѣдовательно не приметъ того, что украли у его отца!

Если Александръ откажется, пожалуй Константинъ его приметъ, сказалъ Николай, устремивъ испытывающій взглядъ на свою невѣстку.

Великій князь Константинъ такъ же вашъ сынъ и поступитъ какъ и Александръ, остальные братья также, отвѣчала цесаревна твердымъ и строгимъ голосомъ.

Да, Маша, ты хорошій человѣкъ, добрая дочь, сказалъ Николай, цѣлуя ее въ лобъ.

Пойдемъ къ императрицѣ. Потомъ прибавилъ шепотомъ: пока моя бѣдная Александра еще императрица!...

XI.

Савельевъ вышелъ изъ комнаты, пошелъ мимо дворницкой на улицу не обращая вниманія на освѣщенныя окна и на шумную музыку, игравшую въ эту минуту веселый кадриль. Онъ пошелъ на улицу освѣщенную плошками, въ честь тезоимянитства государя императора, и направился на Сергіевскую. Тамъ онъ остановился у двухъ-этажнаго деревяннаго дома, у котораго всѣ ставни были заперты, не пропуская ни малѣйшаго луча свѣта. Въ домѣ царствовала глубокая тишина.

Неужели уже спятъ? подумалъ онъ и посту-

чалъ въ ворота, сперва тихо, потомъ все громче и громче.

Наконецъ послышались тяжелые шаги и грубый голосъ спросилъ:

Кто тамъ стучится въ такую пору?

Господинъ Достоевскій дома? спросилъ Савельевъ.

Мы никакого Достоевскаго не знаемъ, отвѣчалъ тотъ же грубый голосъ; никакой Достоевскій тутъ не живетъ и нежилъ. Проходи своей дорогой.

Говорятъ вамъ, что Достоевскій живетъ здѣсь, еще на прошлой недѣли я былъ у него, мнѣ необходимо его видѣть...

Ты, дружище, должно быть пьянъ, ступай мимо и ищи своего Достоевскаго гдѣ хочешь, а я иду спать.

Голосъ, казалось, удалялся. Въ это время Савельевъ замѣтилъ, что одна изъ ставней слегка приотворилась и ему даже показалось, что онъ видитъ чей то глазъ, который съ любопытствомъ выглядывалъ.

Голосъ, только что говорившій съ Савельевымъ, хрипло затянулъ какую-то пѣсню, въ которой поминались слова „рабъ бодрствуетъ“.

„И днемъ и ночью“ въ свою очередь пропѣлъ потихоньку Савельевъ.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ заскрипѣла задвижка, приотворилась калитка и сильная рука привлекла его во дворъ; чей-то голосъ шепнулъ ему: входи скорѣй, и калитка тотчасъ же за нимъ заперлась.

Кто это? спросили шепотомъ.

Савельевъ! отвѣчалъ вновь прибывшій.

Ты, братъ? Входи. Я тебя не узналъ. Ужь восемь дней, какъ мы не видѣлись. Мнѣ приходится скрываться — меня разыскиваютъ.

Входи же, у меня много есть тебѣ разсказать, да вѣрно и у тебя есть что-нибудь интересное, недаромъ же братъ пришелъ ты ко мнѣ въ такую позднюю пору? Давай, братъ, руку, я тебя поведу.

Это былъ самъ Достоевскій. Онъ взялъ за руку солдата, повелъ по темной лестницѣ и они вошли въ небольшую освѣщенную комнату безъ оконъ. Тамъ за столомъ сидѣла молодая женщина съ открытой книгой, которую, повидимому, читала. Савельевъ невольно вздрогнулъ, какъ только ее увидалъ, она такъ же поблѣднѣла и бросила на него умоляющій взглядъ.

Это была та самая женщина, которую онъ встрѣтилъ у цыганки и которой она подарила кольцо съ опаломъ.

Достоевскій не замѣтилъ ни блѣдности молодой женщины ни волненія Савельева.

Иди, братъ, сюда, тутъ мы можемъ говорить безъ стѣсненія. Жена приготовитъ намъ грогу; на дворѣ холодно и мой другъ навѣрное не откажется погрѣться.

Молодая женщина закрыла книжку, встала и молча вышла.

Савельевъ проводилъ ее взоромъ.

Значитъ, эта молодая женщина жена Достоевскаго, подумалъ онъ. Зачѣмъ же она ходила къ цыганкѣ? Зачѣмъ дала ей Марфуша кольцо?

Я не пришелъ тебя даромъ безпокоить, сказалъ онъ Достоевскому. Ты знаешь, что я не люблю ни грогу ни другихъ подобныхъ напитковъ а пришелъ по важному дѣлу.

Я знаю, что ты не любишь спиртныхъ напитковъ, но надо же было удалить жену, чтобы она не слышала о нашемъ дѣлѣ. Это была бы ея смерть, если бы она знала, что я замѣшанъ въ дѣлѣ, которое грозитъ моей свободѣ, а можетъ и жизни. Она ничего не знаетъ о нашемъ обществѣ и ничего знать не должна. Она слабая женщина, ея безпокойство и любовь ко мнѣ могутъ ее натолкнуть на опасные промахи.

Да вѣдь ты мнѣ только что сказалъ, что ты прячешся, что тебя разыскиваютъ, замѣтилъ ему Савельевъ. Твоя жена знаетъ же объ этомъ?

Да! отвѣчалъ Достоевскій. Но она не знаетъ настоящей причины, она думаетъ, что ради моихъ сочиненій. Насъ, братъ, выдали, или вѣрнѣе, меня выдали. Вотъ почему я не посѣщалъ нашихъ собраній въ теченіи этихъ восьми дней; я замѣтилъ, что за мной слѣдятъ. Мрачныя лица издали осаждаютъ мой домъ и слѣдятъ за мной шагъ за шагомъ. Они не оставятъ меня въ покоѣ, пока не откроютъ моихъ сообщниковъ. Вотъ почему я и держусь вдали отъ васъ, братья. Пусть меня пытаютъ въ застѣнкѣ у Орлова, пусть меня рвутъ на части, я васъ не выдамъ, они отъ меня ничего не узнаютъ. Передай это прочимъ братьямъ, пусть они будутъ осторожны, если Орловъ пронюхаетъ о какомъ нибудь предпріятіи, у него найдется достаточно шпіоновъ, чтобы все открыть. Однако надо молчать,

идетъ жена, это превосходная и благороднѣйшая женщина, но она меня черезчуръ дюбитъ, прибавилъ онъ съ страннымъ выраженіемъ. Савельевъ посмотрѣлъ на него вопросительно, но ничего не сказалъ, такъ какъ она вошла съ грогомъ.

Они стали говорить о посторонныхъ вещахъ, но Савельевъ былъ точно на иголкахъ, постоянно оборачивался съ безпокойствомъ, о чемъ-то хотѣлъ спросить но не рѣшался.

Наконецъ Достоевскій замѣтилъ его волненіе, сразу выпилъ стаканъ, къ которому едва дотрогивался и обратился къ женѣ:

Душечка приготовь мнѣ еще стаканчикъ, мнѣ надо выйти, и я хотѣлъ бы согрѣться, сегодня на дворѣ такъ холодно.

Какъ, ты все-таки хочешь выйти? Ты же знаешь...

Да, душечка, я выйду, это необходимо. Да ты не безпокойся, сегодня такъ темно, что нѣтъ никакой опасности.

Молодая женщина медленно вышла изъ комнаты. Съ инстинктомъ, свойственнымъ женщинѣ, она угадала, что здѣсь кроется какая-то тайна и что мужъ искалъ только предлога, чтобы удалить ее изъ комнаты, она такъ же боялась, чтобы въ ея отсутствіи солдатъ не выдалъ ея тайну.

Она удалилась съ сожалѣніемъ, часто оборачиваясь къ собесѣдникамъ, и оставила дверь открытой, чтобы слышать о чемъ будутъ говорить.

Какъ только она вышла, Савельевъ спросилъ:

Гдѣ Наташа?

Я зналъ, что ты о ней спросишь, отвѣчалъ шепотомъ Достоевскій; ради этого я удалилъ жену. Наташа ушла.

Ушла?! пробормоталъ Савельевъ съ ужасомъ.

Да, отвѣчалъ со вздохомъ Достоевскій. Я не могъ ее держать у себя и охранять, какъ тебѣ обѣщалъ.

Если бы ты зналъ, какъ моя жена ревнива! На это-то я и намекалъ, когда я тебѣ говорилъ, что жена меня черезчуръ любитъ. Но я тебя поведу къ ней, она бѣдняжка довольно о тебѣ поплакала.

Какъ ты хочешь выйти? Тебя-жь разыскиваютъ! возразилъ Савельевъ.

Да, я хочу тебя отвести къ ней, отвѣтилъ Достоевскій. Я не думаю, чтобы теперь было опасно выйти — уже поздно, темно и холодно. Въ моемъ домѣ не видѣли свѣту, хотя вечеръ начинается уже въ 3 часа, поэтому я полагаю, что господа шпіоны предпочтутъ грѣться въ какомъ нибудь кабакѣ, нежели понапрасно слѣдить за мной. Это правда, что если видѣли, какъ ты сюда вошелъ!!... Да и тогда опаснѣе для меня, чѣмъ для тебя. Впрочемъ эта опасность неизбѣжна, вѣдь если видѣли, что ты вошелъ, будутъ ждать пока ты выидешь. Что касается до меня, это я рискую, что меня арестуютъ, а это случится непремѣнно, а не все ли равно днемъ раньше или днемъ позже...

Отчего же ты не бѣжишь, если знаешь, что тебя открыли?

Бѣжать? сказалъ Достоевскій грустно, улыбаясь. Легко зказать, бѣжать! Да развѣ мы съ

тобой можемъ бѣжать? Мы вѣдь голь, у насъ еле хватаетъ на кусокъ хлѣба, а чтобы бѣжать — нужны деньги.. А развѣ у насъ есть деньги? Да кромѣ того до границы далеко, а по дорогѣ расположено болѣе ста тысячъ войска. Какъ же дойти до границы? вѣдь меня десять разъ успѣютъ поймать и привести. Единственный способъ — это достичь непріятеля черезъ Финляндію или спуститься по Невѣ на лодкѣ, но это была бы измѣна. Нѣтъ, нѣтъ! Да кромѣ того у меня жена! Тише она идетъ.

Достоевскій попробовалъ говорить о посторонникъ предметахъ, но разговоръ какъ-то не вязался, онъ чувствовалъ, что жена слѣдитъ за нимъ. Онъ поспѣшно выпилъ свой грогъ и обратилси къ Савельеву:

Нѣтъ, пора, пойдемъ.

Ты, Миша, въ самомъ дѣлѣ хочешь идти? обратилась къ нему жена, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

Разумѣется, душенька, мнѣ необходимо.

Но... возражала она.

Достоевскій не далъ ей договорить, нѣжно поцаловалъ и сказалъ:

До свиданіе душечка, я скоро вернусь, приготовь поужинать, я что-то голоденъ.

Жена ничего не отвѣчала, и взоромъ проводила мужа.

Оба мужчины безъ шума отворили дверь и проскользнули на улицу. Тамъ осмотрѣвшись во всѣ стороны, они направились сперва къ Таврическому саду и, потомъ успокоились, что никто за ними не слѣдитъ, вернулись на Сѣр-

гіевскую. Проходя мимо своего дома, Достоевскій на него даже не взглянулъ, боясь быть кѣмъ нибудь замѣченнымъ. Но если бы онъ только посмотрѣлъ, то увидѣлъ бы, что ворота не были заперты и что женская фигура при ихъ приближеніи быстро тамъ скрылась.

Когда они удалились отъ дома шаговъ на пятьдесять, женская фигура скользнула за ними и слѣдила въ нѣкоторомъ разстояніи, стараясь какъ можно ближе держаться къ домамъ, чтобы не быть замѣченной.

Они шли разговаривая, но такъ тихо, что слѣдившая ничего не могла разслышать. Она охотно бы приблизилась, но страхъ быть узнанной, пересилилъ ея любопытство.

Они избѣгали большихъ свѣтлыхъ улицъ и шли, по возможности узкими и темными переулками, а женская фигура неутомимо ихъ преслѣдовала точно тѣнь.

Наконецъ они остановились на Обуховскомъ проспектѣ передъ большимъ домомъ казарменнаго вида. Послѣ нѣкотораго раздумья, оба вошли въ находящійся тамъ трактиръ.

Преслѣдовавшая ихъ женская фигура остановилась въ недоумѣніи. Что ей дѣлать? Слѣдовать за ними въ трактиръ невозможно, а оставаться на улицѣ, освѣщенной фонарями и плошками, такъ же нельзя, не подвергаясь опасности быть узнанной. Она перешла на другую сторону улицы и стала съ волненіемъ расхаживать взадъ и впередъ, не спуская глазъ съ входной двери.

Предоставимъ незнакомкѣ прогуливаться по

тротуару, а сами послѣдуемъ за обоими заговорщиками въ трактиръ.

Они вошли не обративъ на себя ни чьего вниманія.

Надо чего нибудь выпить, сказалъ Достоевскій.

Савельевъ пожалъ плечами.

Это необходимо ради приличія, чтобы намъ можно было выйти черезъ заднюю дверь.

Ладно, отвѣчалъ Савельевъ съ нетерпѣніемъ, но поторопимся.

Двѣ рюмки тминной, приказалъ Достоевскій, бросая гривенникъ на столъ. Половой налилъ имъ двѣ рюмки.

Опорожнивши по рюмкѣ, они вышли черезъ заднюю дверь во дворъ.

Трактирщикъ привыкъ, что его гости туда отправляются, по этому не обратилъ на нихъ никакого вниманія. За водку они заплатили, а осталное до него не касалось.

Они прошли черезъ темный дворъ и достигли другого маленькаго грязнаго дворика, черезъ который и вошли въ подъѣздъ.

Достоевскій, повидимому хорошо знакомый съ мѣстомъ, взялъ Савельева за руку и повелъ по темной лѣстницѣ.

На третьемъ этажѣ слабый лучь свѣта пробивался сквозь дверное окошечко.

Достоевскій тихо постучался и за дверью тотчасъ послышался голосъ: Кто тамъ?

Савельевъ вздрогнулъ и нервно сжалъ руку Достоевскаго — онъ узналъ голосъ Наташи.

Дверь отворилась и передъ нимъ очутилась Наташа, но она его въ потемкахъ не узнала.

Какъ она измѣнилась за послѣднія двѣ недѣли, въ которыя Савельевъ ее не видѣлъ. Ея круглое полное лицо осунулось, болѣзненная желтизна замѣнила свѣжій румянецъ; вокругъ ея лазурно-голубыхъ глазъ появились синяки; веселая улыбка, отличавшая ее даже въ минуты грусти, замѣнилась грустнымъ и безнадежнымъ выраженіемъ. Она стояла передъ своимъ другомъ точно вылитая изъ мрамора статуя отчаянія.

Кто тамъ, Наташа? послышался слабый голосъ изъ сосѣдней комнаты, и послѣдовалъ безконечный кашель, доказывающій какихъ усилій стоили эти нѣсколько словъ.

Это я, князь, вашъ другъ, отвѣчалъ Достоевскій.

Проси пожаловать, Наташа, снова послышался голосъ, я ужь его давно поджидаю.

Достоевскій повлекъ своего пріятеля въ переднюю.

Въ эту минуту Наташа подняла глаза, мертвенная блѣдность покрыла ея похудѣвшее лицо, она узнала товарища Достоевскаго.

Наташа, сказалъ онъ, взявъ ее за руку, а вамъ привелъ друга. Развѣ вы его не узнаете?

Едва въ состояніи сдержать свое волненіе Наташа со слезами бросилась на шею Савельеву.

Не говоря ни слова о любви, они невольно другъ другу въ ней признались и заключили вѣчный и неразрывный союзъ. Любящія сердца не нуждаются въ многословіи, они другъ друга понимаютъ. Часто какой нибудь нѣмой взглядъ бываетъ краснорѣчивѣе длинной рѣчи оратора.

Достоевскій ихъ оставилъ и вошелъ въ комнату, изъ которой слышенъ былъ кашелъ.

Человѣкъ почтеннаго возраста лежалъ на кровати. Черты его лица нѣкогда красивыя, и еще сохранившія отпечатокъ благородства, пожелтѣли и сдѣлались прозрачными; глаза сверкали радостнымъ блескомъ, его исхудалыя руки съ нетерпѣніемъ дергали одѣяло, то съ одной, то съ другой стороны.

Достоевскій посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что смерть ужь простерла надъ нимъ свою руку.

Больной сдѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы протянуть руку своему гостю.

Спасибо, что пришли, сказалъ старикъ слабымъ голосомъ, я боялся, что васъ больше не увижу, а передъ смертью мнѣ надо съ вами потолковать.

Князь, гоните прочь эти мрачныя мысли, вы выздоровите и, Богъ дастъ еще долго проживете, сказалъ Достоевскій, вполнѣ сознавая, что говоритъ неправду.

Нѣтъ, я ужь чувствую приближеніе смерти, она меня ждетъ съ нетерпѣніемъ, отвѣчалъ больной; мои мгновенія сочтены. Да, я скоро умру. Но гдѣ же Наташа? Я ее не вижу. Наташа! Наташа! позвалъ больной, едва слышнымъ голосомъ.

Наташа! оставайтесь, вѣдь я-же здѣсь, крикнулъ Достоевскій черезъ дверь. Оставьте ее, я ей привелъ друга, по которомъ она такъ плакала и тосковала, продолжалъ онъ, обратясь къ больному.

Больной былъ князь Курдюбековъ. Онъ про-

изходилъ изъ одного древнѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ на Кавказѣ. Подобно своимъ родственникамъ, Чавзавадзе, Шарвашидзе и Багратіонъ, онъ поступилъ въ военную службу и сдѣлался однимъ изъ блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ. Тутъ его плѣнила сестря Макарова и онъ на ней женился. Со дня свадьбы закатались его свѣтлые дни: достойная сестра стараго Макарова вышла за князя не по любви, а ради титула и въ особенности его огромному состоянію. Князь любилъ свою жену со всѣмъ пыломъ и рѣвностью восточныхъ народовъ, но жена далеко не отвѣчала ему тѣмъ же. Она, очертя голову, предавалась удовольствіямъ и весь городъ говорилъ о ея безчисленныхъ пикантныхъ похожденіяхъ.

Однажды обманутый супругъ засталъ свою жену въ объятіяхъ одного изъ ея любовниковъ и замахнулся на него кинжаломъ. Виновная супруга этимъ не смутилась, а напротивъ очень ловко воспользовалась. При помощи графа Панина, съ которымъ была въ интимныхъ отношеніяхъ, объявила своего мужа съумасшедшимъ и упекла его въ домъ умалишенныхъ. Князь долгіе годы просидѣлъ въ этомъ ужасномъ заключеніи посреди съумасшедшихъ, а между тѣмъ сынъ, прижитый его женой отъ одного изъ ея любовниковъ, и по закону считающійся его законнымъ сыномъ, съ ранняго возраста прославился своими скверными продѣлками.

Лѣтъ десять тому назадъ Достоевскій, въ качествѣ писателя, посѣтилъ съумасшедшій домъ, живописно расположенный на тринадцатой вер-

стѣ по Петергофскому шоссе, познакомился тамъ съ несчастнымъ княземъ и узналъ отъ него лично про его печальную исторію. Достоевскій неусыпно работалъ, пока наконецъ ему не удалось освободить князя, что впрочемъ и не было очень трудно, такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени княгиня успѣла помереть, а сынъ былъ два раза ссылаемъ на Кавказъ за нарушеніе дисциплины.

Освобожденный князь снова завладѣлъ своимъ состояніемъ, впрочемъ сильно потрясеннымъ безразсудствами покойной княгини и ея сына. Не большія сохранившіеся средства были для князя неисчирпаемымъ источникомъ добрыхъ дѣлъ. Его вкусы и привычки были весьма скромны. Почти тринадцатилѣтнее сидѣніе въ съумасшедшемъ домѣ страшно на него повліяло, сдѣлало его угрюмымъ и сумрачнымъ. Его лицо только тогда просвѣтлялось, когда ему удавалось сдѣлать какое нибудь доброе дѣло. Большинство считало князя скупымъ, потому что онъ довольствовался самой простой пищей, платье носилъ старое и поношенное, сапоги въ заплатахъ, но бѣдняки и нуждающіеся называли его своимъ ангеломъ хранителемъ — счастье и довольство возвращалось въ дома, которые посѣщалъ князь.

Двѣ недѣли тому назадъ Достоевскій зашелъ къ Курдюбекову и засталъ старика въ постели безъ всякаго присмотра, тогда онъ привелъ ему Наташу, которую не могъ далѣе держать у себя, благодаря ревности жены. Съ перваго же дня князь полюбилъ Наташу. Онъ подробно распро-

силъ бѣдную дѣвушку о причинѣ ея слезъ, объ ея прошломъ, кто она и откуда. Узнавъ, что она отвергнутая дочь Макарова, его доверя, онъ еще больше къ ней привязался. Когда она плакала, князь старался ее утѣшить, но напрасно, она вздыхала по Савельевѣ, котораго любила въ тайнѣ, и боялась, что онъ не раздѣляетъ ея чувства.

Зачѣмъ, Наташа, наши дорожки скрестились? сказалъ солдатъ: я не въ состояніи сдѣлать твоего счастья!

Я такъ счастлива ужь тѣмъ однимъ, что тебя вижу! возражала Наташа.

Вѣдь ты же слышала, кто я таковъ! продолжалъ Савельевъ.

Не все ли мнѣ равно, кто ты такой? Я тебя люблю, отвѣчала Наташа съ цѣломудренной наивностью и истинной любовью.

Подумай, вѣдь каждую минуту меня могутъ снова сослать въ Сибирь.

Ну такъ что-жь, что въ Сибирь? Развѣ тамъ не жпвутъ какъ здѣсь? Я пойду за тобой, для меня вездѣ хорошо, только бы съ тобой.

Милая, Наташа, голубка ты моя, сказалъ Савельевъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Ну, братъ, пора намъ идти, послышался голосъ Достоевскаго изъ сосѣдней комнаты.

Уже? воскликнули оба влюбленные.

Да, отвѣчалъ Достоевскій, кладя какую-то бумагу въ карманъ, намъ еще надо сходить къ князю Одоевскому, такъ какъ эта бумага у меня не будетъ въ безопасности, онъ долженъ принять ее на сохраненіе.

Еще минутку, просила Наташа.

Еще минутку повторилъ Савельевъ.

Растроганный Достоевскій схватилъ руки влюбленныхъ и сильно ихъ пожалъ.

Бѣдные дѣти, свиданіе было коротко! Мнѣ грустно, что я долженъ васъ снова разлучить. Пожалуй было бы лучше, если бы Савельевъ остался при старикѣ, ему осталось не долго жить, но къ сожалѣнію это невозможно! Бумага которая у меня въ карманѣ, мнѣ только что передана княземъ и я долженъ ее отдать въ вѣрныя руки. Судьба многихъ бѣдныхъ и несчастныхъ отъ нея зависитъ. Я самъ идти не могу, меня могутъ арестовать и тогда эта бумага навѣки погибнетъ. Савельевъ менѣе меня подвергается опасности быть арестованнымъ и, поэтому можетъ мнѣ придется дать ее ему для передачи князю. Дѣти мои — это разлука не продолжительна. Завтра утромъ вы снова увидитесь.

Завтра утромъ, Наташа, я вернусь, сказалъ Савельевъ, прижимая молодую дѣвушку къ сердцу.

Завтра утромъ! вздохнула Наташа съ надеждой и какимъ-то сомнѣніемъ.

Во всякомъ случаѣ, вы другъ мой, завтра утромъ придете, послышался слабый голосъ Курдюбекова.

Разумѣется, Богъ дастъ приду, отвѣтилъ Достоевскій.

Они спустились по лестницѣ, прошли черезъ оба двора и вышли на улицу черезъ трактиръ. Савельевъ поминутно оглядывался въ надеждѣ увидѣть еще разъ Наташу.

Фигура слѣдившая за нимъ, отъ квартиры Достоевскаго, продолжала стоять на тротуарѣ Обуховскаго проспекта не спуская глазъ съ подъѣзда дома, по другой сторонѣ улицы.

XII.

Наташа вернулась въ комнату больного старика и нагнулась надъ его кроватью. Грустное выраженіе ея лицо замѣнилось улыбкой счастія.

Вотъ это хорошо, Наташа, сказалъ князь; я радуюсь, что мнѣ передъ смертью удалось видѣть отраженіе радости и блаженства на твоемъ лицѣ, и онъ пожалъ ее руку своей худой и кочанѣющей рукой. Мнѣ хотѣлось бы чтобъ ночь поскорѣй минула, прибавилъ онъ. Наташа вполнѣ раздѣляла это желаніе.

Видишь, Наташа, продолжалъ онъ, я чувствую что-то необъясимое: смерть ужь подбокомъ ждетъ меня, еще нѣсколько дней и она схватитъ меня своими костлявыми руками...

Князь, не говорите такъ! Вы, князь, меня пугаете!

Не называй меня княземъ, а называй меня дядей, вѣдь ты племянница моей покойной жены. При словѣ „жена“ онъ судорожно закашлялъ, будто оно его душило. Успокоившись онъ продолжалъ: Да, моей жены! Какъ не тяжело мнѣ произносить это слово, но тѣмъ не менѣе она была моей женой предъ Богомъ и людьми. Я ей прощаю все зло, которое она мнѣ нанесла. Ее ужь судилъ всевышній, предъ которымъ

скоро и я предстану. Называй же меня дядей. Отрадно имѣть при своемъ смертномъ одрѣ кого нибудь изъ родныхъ.

Дядя, вы будете жить! вы выздоровѣете!

Нѣтъ, Наташа, я умру! Я чувствую, что мои силы могли бы еще на нѣсколько дней преодолѣть смерть, но я умру сегодня же, я не доживу до утра! Какое-то необъяснимое предчувствіе мнѣ это подсказываетъ.

Наташа невольно вздрогнула, нагнулась къ старику и начала его ободрять.

Что это такое? Я слышу шаги: спросилъ больной, закрывшій на нѣсколько минутъ глаза.

Наташа подняла голову и остолбенѣла отъ страху, она увидѣла передъ собой трехъ человѣкъ подозрительнаго вида, которые неслышно для нея вошли въ комнату черезъ дверь, которую она забыла запереть.

Кто тутъ? спросилъ больной. Онъ не могъ видѣть вошедшихъ, такъ какъ Наташа заслоняла его.

Развѣ, батюшка, ты меня не узнаешь? послышался грубый и насмѣшливый голосъ. Надѣюсь, что сыну разрѣшается посѣщать больного отца?

Мой сынъ?... у меня нѣтъ сына! вскрикнулъ больной испуганнымъ голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Дражайшій родитель все еще не въ своемъ умѣ! а было достаточно времени, чтобы излечиться! Я всегда говорилъ, что онъ неизлечимо съумасшедшій!

Мы пришли сюда не болтать, а пришли по дѣлу, раздался другой голосъ. Ты, моя голубка, убирайся!

Эти слова относились къ Наташи и грубая рука отдернула ее отъ постѣли.

Я люблю смотрѣть въ лицо тѣхъ, съ кѣмъ разговариваю.

Этотъ голосъ принадлежалъ Петровичу, съ которымъ читатель познакомился въ ренскомъ погребѣ на Сѣнной.

Что вамъ отъ меня нужно? простоналъ старикъ. Вы пришли меня обокрасть?

Что за охота употреблять такія выраженія? Такъ и видно, что ты недавно изъ желтаго дома, сказалъ старый разбойникъ. Мы слышали, что ты щедръ и пришли въ надеждѣ попользоваться.

Наташа, дай этимъ людямъ все, что у меня тутъ есть, простоналъ старикъ, открой всѣ ящкики, ключи у тебя! отдай имъ все, чтобы они скорѣй уходили.

Наташа не отвѣчала — она лишилась чувствъ.

Мы сами съумѣемъ найти твои милостивыя подарки, но къ дѣлу.

Да, къ дѣлу, повторилъ молодой князь Курдюбековъ. Ты пожалуй вздумаешь лишить наслѣдства твоего сына, объ этомъ надо подумать.

Что тебѣ еще нужно, извѣргъ?!

Что мнѣ нужно? Чтобы ты подписалъ это завѣщаніе, для этого я и пригласилъ съ собой этихъ двухъ благородныхъ свидѣтелей.

Завѣщаніе?! въ твою пользу?! воскликнулъ старый князь.

А кое что такъ же и въ мою пользу! послышался голосъ вновь прибывшаго, нѣкоторые пустяки для милаго племянника.

При звукѣ этого голоса, Наташа очнулась изъ своего глубокаго обморока пристально и съ ужасомъ взглянула на говорившаго.

Ага! моя бѣглая крѣпостная тоже тутъ? Воскликнулъ Макаровъ, такъ какъ это былъ онъ. При этихъ словахъ, онъ нанесъ ей такой ударъ, что несчастная свалилась на полъ и кровь хлынула у нея изо рта и изъ носу.

Первые три посѣтителя, въ полной увѣренности, что Макаровъ еще арестованъ, сами составили завѣщаніе и хотѣли стараго князя заставить подписать его.

Мошенники съ удивленіемъ обернулись.

Старый разбойникъ Петровичъ схватилъ Макарова за руку и сжалъ ее съ такой силой, что изъ подъ ногтей бризнула кровь.

Вотъ какъ, ты пришелъ насъ выслѣживать? Ладно; однако совѣтую тебѣ оставить дѣвченку въ покоѣ, а не то плохо будетъ! Нешто я тебѣ не говорилъ, что она назначается для меня, а не для тебя?

А нѣтъ развѣ у меня правъ надъ своей крѣпостной...

Ты вѣдь знаешь, что у тебя больше нѣтъ крѣпостныхъ. Твои имѣнія были конфискованы и ты самъ выгналъ ее изъ своей бывшей усадьбы. Развѣ, достойный товарищъ, ты это позабылъ? Но, пока довольно, у насъ есть дѣло.

Въ это время молодой князь Курдюбековъ сунулъ старику перо въ руку, чтобы онъ подписалъ завѣщаніе.

Никогда! прохрипѣлъ старый князь съ энергіей умирающаго.

Это мы еще посмотримъ, подпишешь или нѣтъ? сказалъ Шервудъ, третій изъ разбойниковъ, и кулакомъ ударилъ старика по лицу.

Сжальтесь надъ старикомъ! Вы-жъ видите, что ему остается прожить только нѣсколько часовъ, умоляла Наташа, бросившись къ князю.

Молчать, дѣвченка! крикнулъ молодой Курдюбековъ, и заволосы оттащилъ дѣвушку. Потомъ схвативъ руку старика свой сильной дланью, сталъ ей водить противъ ее воли, какъ дѣлаютъ съ маленькими дѣтьми, когда ихъ учатъ писать.

Готово! воскликнулъ онъ съ торжествомъ.

Старикъ будетъ болтать, замѣтилъ осторожный Шервудъ.

Мы объ этомъ позаботимся, сказалъ Петровичъ, и вытащилъ подушку изъ подъ головы больного и положилъ ему на лицо.

Наташа вскочила вся въ крови, высунулась изъ окна и начала кричать: караулъ! разбой! грабятъ!

Вдругъ ее кто-то схватилъ за косы и такъ сильно отдернулъ отъ окна, что она упала и лишилась чувствъ. Это было дѣло рукъ Петровича.

Надо заткнуть ротъ этой проклятой крикуньѣ! сказалъ онъ.

Ты Шервудъ нажимай подушку на лицо старика, пока мы будемъ обыскивать комнату. А до тѣхъ поръ онъ навѣрно околѣетъ.

Но, замѣтилъ Шервудъ!...

Что! нешто ты боишься, что мы тебя обдуемъ на твою часть? Не безпокойся, мы разбойники,

а не мошенники. Поэтому я не очень-то довѣряю этому канальи Курдюбекову, прибавилъ онъ.

Шервудъ крѣпко держалъ подушку на лицѣ старика и душилъ его постепенно. Не смотря на это занятіе, онъ внимательно слѣдилъ за дѣйствіями двухъ его товарищей, занятыхъ обшариваніемъ камодовъ и шкаповъ.

Мало или почти ничего, пробормоталъ Курдюбековъ, напрасно стараясь найти какія нибудь цѣнныя бумаги.

Старый негодяй насъ надулъ! раздался, какъ эхо, голосъ Петровича.

Макаровъ отошелъ въ сторону, не теряя изъ виду своихъ товарищей. Улучшивъ минуту, когда они углублились въ свои розыски, онъ взвалилъ себѣ на плечи безжизненное тѣло Наташи и скрылся съ нимъ.

Петровичъ! крикнулъ Шервудъ.

Что тебѣ? спросилъ Петровичъ.

Онъ удралъ, отвѣчалъ Шервудъ, и ее забралъ!

Петровичъ обернулся. Дѣйствительно Макаровъ и Наташа исчезли. Какъ разъяренный левъ бросился онъ на лѣстницу и быстро сбѣжалъ, но напрасно, Наташа съ своимъ похитителемъ скрылись. Онъ высмотрѣлъ своимъ кошачьимъ глазомъ всѣ закоулки двора, прислушивался къ малѣйшему шороху — не было ни малѣйшаго слѣда бѣглецовъ. Должно быть онъ остался на лѣстницѣ, сообразилъ разбойникъ, и, снявши сапоги, сталъ осторожно подыматься. Дойдя до площадки третьяго этажа, онъ остановился передъ открытой дверью квартиры Кур-

дюбекова, гдѣ его товарищи были еще за работой, одинъ опорожнивалъ ящики, а другой продолжалъ держать подушку на лицѣ умершаго старика князя. Онъ слегса свистнулъ, не покидая своего наблюдательнаго поста.

Шервудъ оглянулся и Петровичъ позвалъ его къ себѣ рукой, но сдѣлалъ знакъ идти осторожно. Шервудъ къ нему подошелъ.

Онъ ужь околѣлъ! ну его! Онъ долженъ быть живучѣе двухъ кошекъ, если не издохъ! Оставайся здѣсь и не пропускай Макарова, а я пока полезу на чердакъ. Онъ, должно быть, тамъ спрятался. Не выпускай такъ же и другого, я боюсь, что онъ насъ обберетъ.

Шервудъ остался наблюдать на площадкѣ, а Петровичъ, потихоньку, полѣзъ на чердакъ, но запертая дверь преградила ему путь. Эти препятствія не возбудили въ немъ подозрѣнія, но за дверью онъ услышалъ тяжелое дыханіе. Онъ сунулъ руку въ карманъ и вынулъ отмычку, съ которой никогда не разставался.

Дверь отпиравшаяся въ наружу, вдругъ отворилась съ такой силой, что отбросила разбойника въ сторону.

На чердакѣ царствовалъ глубокій мракъ. Кто-то, точно съ мѣшкомъ на плечахъ, скользнулъ мимо него, Петровичъ его схватилъ сильной рукой.

Еге! такъ не пляшутъ на Украйнѣ, воскликнулъ разбойникъ и вырвалъ изъ рукъ Макарова безчувственную дѣвушку.

Оставь ее, Петровичъ, сказалъ Макаровъ, скрежеща зубами.

Петровичъ оттолкнулъ его какъ ребенка.

Я тебѣ ужь разъ сказалъ, что она принадлежитъ мнѣ! крукнулъ онъ.

А я тебѣ говорю, что она принадлежитъ мнѣ, ты долженъ мнѣ ее отдать!

Ой, берегись! воскрикнулъ Петровичъ, снова отталкивая Макарова.

Ножъ блиснулъ въ рукѣ послѣдняго и ударъ хотя былъ мѣтко направленъ, но ножъ сломался объ широкій черкесскій поясъ, надѣтый на Петровичѣ.

Вмѣсто отвѣта, разбойникъ ударилъ Макарова кулакомъ по головѣ, такъ что тотъ свалился кубаремъ съ лѣстницы. Вотъ тебѣ, буркнулъ разбойникъ и пошелъ къ Шервуду.

Конечно? спросилъ его Петровичъ.

Всѣ ящики опорожены!

Пойдемте любезнѣйшій князь къ Трофимычу сводить наши счеты, сказалъ послѣдній, но прежде всего поручите мнѣ завѣщаніе и этотъ бумажникъ, который вы прячете въ карманѣ. Вы знаете, между друзьями должно быть обоюдное довѣріе.

Однако, началъ было возражать князь...

Но разбойникъ не далъ ему договорить и не смотря на свою ношу запустилъ руку въ его карманъ и вытащилъ оттуда бумажникъ и завѣщаніе.

Князь не смѣлъ сопротивляться, такъ какъ Петровичъ былъ извѣстенъ какъ силачъ.

Они вышли въ сопровожденіи Макарова, который скрежеталъ зубами и грозилъ за спиной Петровича кулакомъ, говоря:

А все-таки ты ее не получишь! а все-таки она тебѣ не достанется!

Старый разбойникъ разслышалъ эти угрозы и обратился къ Шервуду и Курдюбекову:

Возьмите съ собой Макарова къ Трофимычу, ему тоже надо удѣлить частицу, я сейчасъ за вами пойду.

А бумажникъ! а завѣщаніе! вскрикнулъ Курдюбековъ.

Завѣщаніе мнѣ не можетъ ни къ чему служить, поэтому я оставляю его у себя только въ видѣ залога. Что же касается до бумажника, я ужь вамъ разъ сказалъ, что я разбойникъ, а не какой нибудь мошенникъ. Прежде всего я только спрячу въ вѣрное мѣсто голубку и тоже приду.

Они вышли изъ двора, Петровичъ подозвалъ извощика и поѣхалъ.

Макаровъ охотно бы за нимъ послѣдовалъ, но товарищи его не пустили, да кромѣ того онъ побаивался стараго разбойника.

Женщина, дожидавшая на улицѣ вздрогнула при видѣ выходящихъ разбойниковъ. Было поздно; плошки потухли, ужь стали тушить фонари и улица, еще недавно оживленная, окончательно опустѣла и погрузилась въ глубокій мракъ, только кое-гдѣ по трактирамъ виднѣлся свѣтъ.

Лихая троица перешла черезъ улицу и направилась къ ренскому погребу на углу Сѣнной.

Шервудъ и Курдюбековъ опасались, что отъ нихъ ускользнетъ добыча, а Макаровъ бѣсился, что снова найденная Наташа, отъ него опять

улетучилась. Напрасно отдалъ онъ Галашеву все наканунѣ выигранное золото, чтобы скорѣе освободиться! Напрасно съ Товаровымъ слѣдилъ онъ за Петровичемъ, зная, что онъ имъ не откроетъ мѣсто жительства Наташи!

Вдругъ закутанная женщина, ждавшая на тротуарѣ, подошла къ нимъ и спросила умоляющимъ голосомъ:

Ради самого Бога, скажите, тамъ ли онъ еще?

Кто? спросилъ Курдюбековъ съ нетерпѣніемъ.

Мой мужъ! Скажите, сжальтесь надъ бѣдной женщиной! Скажите, кто эта женщина, къ которой онъ ходитъ? Вѣрно та самая, которую онъ однажды привелъ къ намъ, говоря, что это несчастное созданіе, которое онъ долженъ охранять? Несчастная?! Это его любовница! воскликнула дама, заливаясь слезами.

Это была жена Достоевскаго. Подстрѣкаемая рѣвностью, она слѣдила за своимъ мужемъ и напрасно прождала на улицѣ.

Бросимъ эту съумасшедшую женщину, сказалъ Макаровъ грубымъ голосомъ.

Голубушка, мы не слѣдимъ за любовными похожденіями твоего муженька, у насъ свои дѣла.

И всѣ трое спустились въ ренскій погребъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ваше сіятельство, государь императоръ! доложилъ графинѣ Вобринской*) лакей въ ливрѣе и бѣлыхъ перчаткахъ.

Графиня сидѣла растянувшись на кушеткѣ и читала послѣдній романъ Поль-де-Кока. Не торопясь положила она книжку на столикъ, встала съ кушетки, расправила тяжелыя складки своего сѣраго муароваго плятья, пошла на встрѣчу входившему государю и сдѣлала ему глубокій реверансъ, напоминающій минуетъ при дворѣ Людовика XIV. Николай поцѣловалъ ея руку, едва касаясь до ее губами, потомъ подалъ ей руку и церемонно отвелъ на ея обыкновенное мѣсто.

Когда-то графиня была очень хороша собой. Слава о ея бывшей красотѣ гремѣла не при одномъ петербургскомъ дворѣ, она пользовалась европейской извѣстностью. Ея молодость была бурная. Она даже соперничала въ прошломъ

*) Графиня Бобринская урожденная графиня Самойлова.

царствованіи съ красавицей Нарышкиной, мужъ которой былъ назначенъ Александромъ I, въ минуту благодушія, оберъ-егеръ-мейстеромъ. „Я ему сдѣлалъ большущіе рога, сказалъ царь, значитъ, онъ будетъ жить въ дружбѣ съ оленями.“

Покойному Александру являлись иногда такія фантазіи; однажды, напримѣръ, онъ назначилъ Бакунина комендантомъ дворца говоря: „я хочу наконецъ, чтобы соблюдалась экономія въ моемъ домѣ, меня здѣсь оббираютъ точно на большой дорогѣ! Бакунинъ для меня подходящій человѣкъ. Онъ такъ глупъ, что не съумѣетъ даже воровать, хотя для этого большого ума не требуется.“

Послѣ безчисленныхъ, болѣе или менѣе скабрезныхъ, любовныхъ похожденій, графиня состарилась и ударилась въ благочестіе и благотворительность. Она старалась занять въ Петербургѣ положеніе, какое занимала въ Парижѣ княгиня Ливенъ. Но обстоятелства въ этихъ столицахъ совершенно различны, по этому ей пришлось соединить роль политической дамы съ ролью главной шпіонки. Послѣдняя роль вполнѣ согласивалась съ ея характеромъ интригантки и по этому она ей предалась съ полнымъ рвеніемъ и достигла до отвратительнаго искусства.

Благочестіе и благотворительность были только орудіями ея шпіонства. Лучшимъ другомъ и наперстникомъ графини былъ ловкій исповѣдникъ Николая протопресвитеръ Бажановъ. Этотъ православный іезуитъ, хотя и принадлежалъ къ партіи, которая постоянно возбуждала госу-

даря противъ цесаревича и поддерживала въ немъ недовѣріе къ сыну, съумѣлъ вполнѣ сохранить свое вліяніе и при Александрѣ II. Вся эта партія всецѣло предалась графинѣ. Самъ графъ, благодаря разнымъ рискованнымъ предпріятіямъ, былъ постоянно въ долгахъ и не разъ, только благодаря своему высокому положенію, онъ избѣгалъ долговое отдѣленіе. Постоянно нуждаясь въ матеріальной поддержкѣ правительства, онъ сдѣлался слѣпымъ рабомъ всесильнаго фаворита — графа Клейнъ-Михеля*).

Государь посадилъ графиню. Что новенькаго? спросилъ онъ послѣ пустого разговора.

Государь, отвѣчала графиня, вынимая изъ кармана, вотъ письмо отъ лорда Сидней Герберта. Государь пробѣжалъ письмо, писанное по англійски и его лицо нахмурилось.

Неужели правда, что вамъ пишетъ двоюродный братъ Воронцова?

Вашему величеству извѣстно, что его положеніе сдѣлалось невыносимымъ благодаря этому родству, которое впрочемъ, могло бы быть для насъ очень полезно. Англійскій министръ, племянникъ русскаго фельдмаршала.

Да, это родство было бы намъ дѣйствительно очень полезно, если бы князь не былъ черезчуръ старъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ политикѣ.

Но Аберденъ? Неужели ему въ самомъ дѣлѣ приходится удалиться?

---

*) Въ настоящее врема въ Кіевѣ графу Бобринскому поставленъ памятникъ какъ дѣятелю.

Государь, мой другъ, княгиня Ливенъ мнѣ пишетъ тоже самое. Въ Англіи, партія стоящая за войну имѣетъ перевѣсъ. Лордъ Джонъ Руссель въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ.

Глаза государя, замѣтали искры.

Этотъ мерзавецъ Герценъ, осмѣливается корчить изъ себя какую-то особу? онъ осмѣливается надо мной глумиться!...

Головинъ такъ же поѣхалъ въ Англію и примкнулъ къ анти-русской партіи.

Государь презрительно пожалъ плечами.

Головинъ краснобой, щелкоперъ и предатель изъ тщеславія, а Герценъ предатель по убѣжденію.

Говорятъ, что его высочество, наслѣдникъ цесаревичъ... графиня медлила, точно боялась договорить.

Такъ что же говоря про Александра? рѣзко спросилъ государь.

Ваше величество, говорятъ, я, я...

Говорите же графиня, что говорятъ о моемъ сынѣ?

Говорятъ, что Герценъ въ постоянной перепискѣ съ его высочествомъ.

Какъ, мой сынъ? сказалъ государь и грозно посмотрѣлъ на графиню. Это не правда! Это невозможно.

Интригантка выдержала взглядъ.

Я сама, ваше величество, долго не хотѣла этому вѣрить. Къ сожалѣнію теперь... она снова остановилась.

Продолжайте! крикнулъ царь.

Къ сожалѣнію я теперь убѣдилась.

Невозможно! повторяю вамъ, невозможно! Это отвратительная клевета. Берегитесь графиня! Хоть у вашего мужа и у меня общая бабка*). Это не даетъ вамъ права обвинять моего сына, что онъ за одно съ моими врагами.

Ваше величество забываетъ, что я не говорила, что его высочество пишетъ къ Герцену, я только сказала, что Герценъ пишетъ его высочеству и я повторяю свои слова.

Она встала, отперла не большое бюро, достала изъ потаеннаго ящика письмо и передала его государю.

Ваше величество, извольте замѣтить, что письмо не сапечатано. Къ счастью, это письмо было передано вѣрному мнѣ лицу для передачи по адресу, такимъ образомъ это письмо попало ко мнѣ. Я хотѣла тотчасъ ѣхать во дворецъ, къ вашему величеству, но ваше величество меня предупредили.

Государь лихорадочно развернулъ письмо и сталъ тихо читать возвышая голосъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ родѣ слѣдующаго:

Ваше высочество, вы призваны исцѣлить раны нанесенные вашимъ отцемъ... Никакъ не рабствомъ, а только свободой выростетъ Россія въ силѣ и могуществѣ... Война, которая въ настоящее время орошаетъ кровью русскія границы, хорошій урокъ, хотя заплаченный и дорогой цѣной. Она доказала, какъ слабъ народъ, которому не знакомы свободныя движенія... Люди

*) Первый изъ графовъ Бобринскихъ, сынъ Екатерины отъ Потемкина.

— это не маріонетки, которые двигаются только по мановенію монарха. Не въ страхѣ заключается власть царя, а въ любви... Когда ваше высочество вступитъ на всероссійскій престолъ... Государь далѣе не читалъ, онъ порвалъ письмо на мелкіе клочки и швырнулъ въ пылающій каминъ.

Нѣтъ, Александръ, ты еще не императоръ! Я пока еще императоръ! Герценъ тебѣ пишетъ, точно ты ужь на ступеняхъ трона. Онъ забываетъ, что я могу раздавить тебя ногой, могу велѣть разстрѣлять на крѣпостномъ валу!

А все-таки Александръ мнѣ сынъ, сказалъ государь послѣ нѣкотораго раздумья. Онъ мой сынъ. Но вѣдь и Алексѣй былъ сынъ Петра, а все-таки онъ его раздавилъ какъ гадину, когда тотъ осмѣлился возмутиться противъ него!!

Государь всталъ и нервно зашагалъ по кабинету, произнося отрывочныя фразы.

Неужели Александръ возсталъ бы противъ меня, онъ вѣдь такой тихій? Мнѣнія бываютъ не рѣдка ошибочны. Можетъ онъ и не въ сношеніяхъ съ моими врагами; вѣрнѣе, что они хотятъ изъ него сдѣлать свое орудіе! Я не могу повѣрить, чтобы мой сынъ былъ за одно съ крамольниками, съ измѣнниками! Онъ не знаетъ, что я получилъ это письмо; но я за нимъ буду внимательно наблюдать, и если окажется правда, то что мнѣ говорилъ Клейнмихель и многіе другіе, я ему докажу, что умъ Великаго Петра живетъ во мнѣ.

Наконецъ, онъ остановился передъ графиней Бобринской и сказалъ:

Графиня, пусть никто — слышите ли? никто, кто бы то ни было, не знаетъ про это письмо! За сохраненіе тайны вы, графиня отвѣчаете!

Государь...

Хорошо, повторяю вамъ, никто не долженъ знать про это письмо. Кто вамъ его передалъ?

Государь, помните ли въ ноябрѣ мѣсяцѣ незадолго до ледохода загадочно исчезъ приставъ Выборгской части.

Такъ что же?

Онъ вернулся!

Какъ? Откуда?

Его похитили англичане и взяли съ собой.

Англичане его похитили?! Что за сказки? Гдѣ же они могли его захватить?

Тутъ въ Петербургѣ. Или они обошли ваши посты, или какіе нибудь измѣнники показали имъ дорогу. По видимому, они ничего не имѣли противъ пристава и его нѣсколькихъ городовыхъ, а искали гораздо болѣе важную особу. Они его приняли, должно быть, за сановника, благодаря шитому воротнику, и по этому увезли съ собой. Судя по его разсказамъ, они хотѣли отъ него вывѣдать тайны вашей политики. Ха! ха! ха! воображаю какую приставъ при этомъ корчилъ рожу.

Лицо государя приняло мрачный и грозный видъ.

Вотъ какъ! враги проскользаютъ въ мою столицу и похищаютъ у меня людей! Значитъ даже въ столицѣ я не въ безопасности?! Но какъ это я до сихъ поръ ничего не узналъ о возвращеніи пристава?

Англичане, видя, что это не тотъ сановникъ, за котораго они его принимали, спустили его въ Балтійскомъ портѣ и поручили ему письмо для цесаревича, а солдатъ отправили въ Англію какъ военно-плѣнныхъ.

Но это мнѣ не объясняетъ, отчего мнѣ не было доложено о возвращеніи пристава, и отчего онъ именно вамъ отдалъ письмо для передачи по адресу?

Приставъ пришелъ ко мнѣ, такъ какъ меня знаетъ и не разъ оказывалъ услуги. Онъ пришелъ ко мнѣ, такъ какъ опасался, не безъ основанія, что его куда нибудь сплавятъ, чтобы ваше величество ничего не узнали о его похищеніи. Письмо онъ мнѣ отдалъ для передачи по адресу отъ того, что его высочества теперь нѣтъ въ Петербургѣ. Не прошло и часу, какъ онъ отъ меня вышелъ.

Государь взялъ фуражку и въ задумчивости направился къ двери, ужь онъ взялся за ручку, будто какъ опомнившись обернулся и сказалъ:

Благодарю васъ графиня за письмо и за извѣстія. Пусть это останется въ тайнѣ. Досвиданія.

Государь вышелъ.

Графиня нѣсколько минутъ оставалась въ задумчивости.

Ироническое выраженіе пробѣжало по ея губамъ и она промолвила: Эге!

Ваше императорское высочество изволили меня назвать старой интриганткой! А нука, что вы теперь скажете?! Судьба мнѣ оказала добрую услугу! прибавила она потирая руки.

Что тебѣ, Зефирина? обратилась она къ вошедшей француженкѣ, горничной.

Ваше сіятельство, графъ проситъ разрѣшенія пожаловать къ вашему сіятельству!

Проси пожаловать.

Что ему отъ меня надо? подумала графиня.

Вошелъ графъ, церемонно приблизился къ женѣ и поцѣловалъ ея руку.

Что вамъ нужно, Алекси? Должно быть что нибудь очень важное? Вы вѣдь знаете, что по утрамъ мнѣ некогда съ вами болтать.

Графиня, я только что получилъ письмо изъ Москвы. Вашъ братъ*) . . Графиня, вашъ братъ скоропостижно скончался. Его камердинеръ подалъ ему чашку чаю, когда же онъ вернулся, графъ лежалъ мертвымъ на своемъ креслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ? значитъ намъ не придется болѣе выплачивать ему по сто тысячъ въ годъ. Чего же вы мнѣ этого раньше не сказали? Государь бы этому обрадовался, онъ терпѣть не могъ моего брата.

Это были единственныя слова сожалѣнія высказанныя графиней при вѣсти о смерти брата.

Въ передней послышался чей-то мягко-басистый голосъ:

Ея сіятельство принимаютъ?

Алекси, я занята, обратилась графиня къ мужу.

Онъ понялъ ея желаніе и удалился, поцѣловалъ руку графини такъ же церемонно, какъ при своемъ приходѣ.

Протопресвитеръ Бажановъ вошелъ въ бу-

---

*) Графъ Самойловъ.

дуаръ, поставилъ свой клобукъ на столъ, а тѣмъ временемъ графиня подошла къ нему подъ благословѣніе. Поздоровавшись, графиня усѣлась на диванѣ, а рядомъ съ ней помѣстился священникъ.

Его каріе глаза выражали умъ и хитрость. Онъ былъ большого роста и атлетическаго сложенія, съ круглымъ полнымъ лицомъ, обросшемъ длинными сѣдыми волосами. Онъ самъ никогда не вмѣмивался въ государственныя дѣла, но тѣмъ не менѣе имѣлъ большое вліяніе на политику государя. До внѣшней политики онъ вовсе не касался, предоставя ее другимъ, но за то съ большимъ рвеніемъ занимался внутренними дѣлами, а въ особенности дѣлами духовными. Онъ хорошо зналъ, что Николай ненавидѣлъ разныя секты раскольниковъ, изъ за того, что они не признавали его главой церкви, поэтому-то ревностно съ ними боролся. Что касается до соперниковъ, Бажановъ искусно умѣлъ ихъ остранять отъ государя. Инокентій, способный и либеральный человѣкъ, сдѣлавшій большое впечатлѣніе на государя своей проповѣдью, былъ отправленъ въ Херсонъ. Филаретъ, маленькій старичекъ, аскетическаго вида, мечтавшій въ тайнѣ о патріаршемъ званіи, получилъ запрещеніе выѣзжать изъ Москвы, гдѣ былъ митрополитомъ, подъ предлогомъ, что возставалъ противъ браковъ между близкими родственниками и въ особенности противъ брака великой княгини Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ. Другой Филаретъ, митрополитъ кіевскій, былъ такъ же

подъ разными предлогами устраненъ отъ Св. Синода и задержанъ въ Кіевѣ, такъ что Бажановъ, хотя простой протопресвитеръ вмѣстѣ съ слабохарактернымъ Антоніемъ, митрополитомъ петербургскимъ, сосредоточили въ себѣ всю духовную власть и сдѣлали изъ религіи не утѣшительницу, о всепокорное орудіе для монарха.

И такъ Бажановъ помѣстился рядомъ съ графиней, которая сочла за нужное прослезиться, и терла платкомъ почти сухіе глаза.

Священникъ обратился къ ней:

Графиня, что съ вами случилось?

Увы! мой братъ, мой бѣдный братъ!... вздохнула графиня.

Что съ нимъ случилось? Можетъ за какія нибудь продѣлки его отправили на Кавказъ? сказалъ Бажановъ.

Нѣтъ батюшка, онъ умеръ.

Что дѣлать? отвѣчалъ пресвитеръ, всѣ мы смертны! Богъ далъ, Богъ и взялъ!

Да, но такъ внезапно, такъ неожиданно! Безъ напутствія святой церкви! простонала графиня.

Положимъ, насколько я знаю вашего брата, рѣзко возразилъ протопресвитеръ, онъ къ утѣшеніямъ церкви и не обратился бы. Онъ умеръ и мы станемъ молиться за упокой его души. Вы, вѣдь, отъ него получаете достаточное наслѣдство, чтобы по немъ молиться.

Увы! батюшка, вы знаете, что на церковь я готова отдать все до послѣдняго гроша! Я выстрою церковь въ память его.

Надѣюсь, что на этотъ разъ вы говорите

серьезно, такъ какъ церкви, которыя вы строите, не доходятъ даже до фундамента, не любезно замѣтилъ священникъ. Но объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, я пріѣхалъ по гораздо болѣе важному дѣлу.

По важному дѣлу? спросила графиня.

Да. Я зналъ что государь имѣлъ сына отъ актрисы Ассеньковой, вы можетъ ее помните, она умерла въ началѣ 1840 годовъ?

Вотъ какъ! съ любопытствомъ сказала графиня. Я ее отлично помню. Я знала, что государь ее часто посѣщалъ, но я не знала, что у нея былъ сынъ отъ государя.

Да, она имѣла отъ него сына, я это навѣрно знаю.

Можетъ онъ вамъ въ этомъ признался на исповѣди? забывшись спросила графиня.

Дѣло не въ томъ, какъ я это узналъ, отвѣчалъ пресвитеръ покраснѣвъ до ушей. И такъ, онъ имѣлъ сына и мальчикъ исчезъ непонятнымъ образомъ. Мать актрисы похитила его изъ мести.

Графиня едва переводила духъ, чтобы не прервать протопресвитера.

Нечаянно государь нашелъ мать актрисы и узналъ отъ нея, что ребенокъ до сихъ поръ живъ. Но къ сожалѣнію старуха умерла, не сказавъ какъ мальчика звать, ни гдѣ онъ. Я знаю, что государь желаетъ отыскать своего сына...

Онъ самъ это сказалъ вамъ? прервала его старая графиня.

Протопресвитеръ снова прокраснѣлъ, но сдѣ-

лалъ видъ, что не слышалъ вопроса и продолжалъ.

Да, онъ желаетъ отыскать сына, и я это знаю. Онъ былъ бы очень благодаренъ тому, кто навелъ бы на слѣдъ его. Можетъ быть вернувши ему сына, мы бы сокрушили Нелидову въ его расположеніи.

Графиня сдѣлалась еще внимательнѣе, такъ какъ ненавидѣла фаворитку, которая нисколько не скрывала своего презрѣнія къ старой интриганткѣ.

Да, сказала она, но какъ же?...

Я о васъ подумалъ, графиня. Вы вѣдь знаете, я самъ не могу производить розыски, вы должны мнѣ помочь. Подумайте о благодарности государя!

Хорошо. Какова внѣшность сына?

Этого-то я и не знаю.

Гдѣ и кѣмъ онъ былъ воспитанъ?

Я и этого не знаю.

Гдѣ онъ теперь?

Говорятъ, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, но бѣжалъ.

Но, батюшка, тысячи бѣгутъ изъ Сибири! замѣтила графиня; а сколько ему лѣтъ?

Ему должно быть года двадцать три, двадцать четыре. Неправда ли, графиня, вы его розыщите?

Признайтесъ, что ваше порученіе не очень-то легкое.

Это вѣрно, по этому-то я къ вамъ и обратился.

Это замѣчаніе польстило графинѣ и она стала провѣрять слышанное отъ протопресвитера.

Значитъ ему около двадцати трехъ-четырехъ лѣтъ?

Да.

И только по этой примѣтѣ, я должна его найдти?

Да.

Она задумалась и наконецъ сказала:

Признаюсь откровенно, что это мало, но лучше мало чѣмъ ничего. Я увижу, что можно будетъ сдѣлать.

Вы его найдете, графиня, сказалъ пресвитеръ, я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, по этому и обратился къ вамъ.

Бажановъ остался еще нѣсколько времени у графини, но ихъ разговоръ не имѣлъ ничего особенно интереснаго. Всякій разъ, какъ графиня заговаривала про цесаревича, хитрый пресвитеръ ловко переводилъ разговоръ на другую тему. Хотя онъ въ тайнѣ и работалъ за великаго князя Константина, который изъ тщеславія любилъ заигрывать съ духовенствомъ, но онъ былъ остороженъ, боясь за свою будущность, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ государь на исповѣди открылъ ему свою тайну.

Наконецъ Бажановъ удалился и графиня позвонила три раза. Это значило, что она зоветъ свою горничную.

Вошла Заферина.

Что прикажете, ваше сіятельство?

Позови мнѣ Соломониду! отвѣчала графиня.

Явилась Соломонида, нянюшка молодыхъ графинь, а некогда возлюбленная самого графа.

Ужь много лѣтъ какъ Соломонида стала наперстницей графини и начальницей надъ ея шпіонами.

Онѣ долго между собой совѣщались, но не смотря на всю свою ловкость отыскивать исчезавшихъ людей, Саломонида не рѣшилась взять этотъ трудъ на себя одну, и было рѣшено, что ей будетъ помогать Лейнингъ.

Лейнингъ, крещенный жидъ, лѣтъ за шестдесять, былъ факторомъ у графа и графини. Не смотря на свой возрастъ и неуклюжее тѣлосложенія, онъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ преображаться. Онъ даже умѣлъ, смотря по надобности, дѣлаться большого или малого роста. Имъ можно было любоваться, какъ артистомъ, но какъ человѣкъ онъ вполнѣ заслуживалъ презрѣнія.

И такъ Лейнингъ былъ посвященъ въ тайну.

Жидъ задумался, долго думалъ; наконецъ онъ, повидимому, составилъ себѣ планъ дѣйствій, такъ какъ его хитрые кошачьи глаза засверкали, онъ самъ какъ будто выросъ и сказалъ:

Я его разъищу.

II.

Едва пробило восемь часовъ утра. Густой мракъ тяготѣлъ надъ Петербургомъ. Столица еще не упѣла протереть себѣ глазъ отъ сна. Въ улицахъ почти не было видно прохожихъ. Зимой въ Петербургѣ дѣла поздно начинаются.

Молодой солдатъ съ рукой наперевязкѣ быстро шелъ по улицамъ, почти пустымъ, задѣвая рѣдкихъ прихожихъ, будто никого не замѣчая.

Ей, служба куда такъ спѣшишь? спросилъ его будочникъ, на углу Садовой протятивая ему табакерку.

Солдатъ не обратилъ на него вниманія и продолжалъ свой путь.

Будочникъ, зѣвая, глянулъ ему въ слѣдъ и махнулъ рукой, точно хотѣлъ сказать: а ну тебя къ чорту, мнѣ наплѣвать!

Хозяинъ трактира, въ который ночью входили Достоевскій и Савельевъ, только что началъ отворять свои ставни, когда подошелъ солдатъ съ подвязанной рукой и проскользнулъ въ трактиръ.

Не торопись такъ, служба, крикнулъ ему хозяинъ, должно быть горитъ у тебя сегодня въ глоткѣ. Ничего, всегда надо клинъ клиномъ выбивать! Когда выпьешь съ вечера, утромъ надо похмѣляться, это правильно! Чѣмъ тебѣ послужить?

Рюмку тминной, сказалъ солдатъ, и быстро выпилъ поданную ему рюмку. Потомъ выпилъ вторую и наконецъ третью медленными глотками, точно хотѣлъ почерпнуть въ ней мужество.

Трактирщикъ наливалъ безъ малѣйшаго удивленія, онъ привыкъ видѣть въ своихъ посѣтителяхъ вѣчную жажду и отсутствіе способности ее утолить.

Солдатъ бросилъ на прилавокъ полтинникъ и съ нетерпѣніемъ дождался пока трактирщикъ не далъ ему сдачи.

Онъ прошелъ во дворъ черезъ заднюю дверь. Это былъ Савельевъ. Онъ горѣлъ нетерѣніемъ снова увидѣть Наташу и хотѣлъ въ водкѣ по-

черпнуть мужество, чтобы высказать Наташѣ все, что у него накипѣло на душѣ.

Путь по которому онъ только разъ проходилъ, казался ему столь знакомымъ, что онъ нашелъ бы дорогу закрывши глаза.

Съ какимъ восторгомъ онъ взбѣжалъ на третій этажъ, гдѣ была квартира Курдюбекова. Дверь была только притворена. Онъ постучалъ, но никто не отвѣтилъ. Савельевъ стучалъ еще и еще, но по прежнему царила гробовая тишина; отворилъ дверь, въ передней никого небыло; началъ кашлять, но никто не отозвался: кто тамъ? Савельевъ началъ звать Наташу, сперва тихо, а потомъ все громче и громче, никто не откликался на его зовъ. Тогда онъ вошелъ въ сосѣднюю комнату. Ему сразу бросился въ глаза страшный безпорядокъ, стулья и столы опрокинуты, шкафы растворены, ящики изъ комодовъ выдвинуты... На кроватѣ лежалъ князь Курдюбековъ съ лицемъ покрытымъ подушкой, которой его придушили.

Наташа, Наташа, кричалъ солдатъ надрывающимся голосомъ, что тутъ случилось?

Наташа не отвѣчала и только покойникъ съ котораго онъ снялъ подушку, смотрѣлъ на него неподвижными тусклыми глазами.

Въ ужасѣ Савельевъ выбѣжалъ изъ комнаты, стремглавъ вернулся въ трактиръ и разсказалъ хозяину, что онъ видѣлъ, и спросилъ о Наташѣ.

Откуда мнѣ знать твою Наташу? возразилъ трактирщикъ равнодушно, а что въ домѣ происходитъ, это до меня не касается. А ты,

братъ, проходи лучше своей дорогой, потому что, если ты кому объ этомъ разскажешь и полиція тебя зацапаетъ, плохо тебѣ придется. Ты вѣдь послѣдній былъ въ комнатѣ, мнѣ же придется это подтвердить, ты же самъ въ этомъ мнѣ признался. А кто же докажетъ полиціи, что не ты убійца? И такъ убирайся по добру — по здорову, для твоего же блага тебѣ совѣтую. Я ничего не знаю, да и знать не хочу объ этомъ дѣлѣ. При этихъ послѣднихъ словахъ трактирщикъ почти что выталкалъ его за дверь.

Савельевъ пошелъ по улицѣ точно пьяный, пошатываясь изъ стороны въ сторону. Горе и отчаяніе на время помрочили его разсудокъ. Безсознательно побрелъ онъ къ Невскому проспекту. Дойдя до Аничкина моста, онъ остановился облакотясь объ рѣшетку и провелъ рукой по лбу, точно желая собрать свои мысли.

Куда идти? Что дѣлать?

Идти ли ему домой, чтобы оплакивать свое горе? Нѣтъ, нѣтъ! къ Достоевскому, точно будто подсказалъ тайный голосъ. И Савельевъ направился быстрыми шагами вдоль по Невскому проспекту по направленію къ Знаменской. Прохожіе, какъ ему казалось, мелькали мимо него какъ тѣни. Онъ еще ускорилъ шагъ и почти бѣгомъ добрался до Сергіевской и остановился около дому, гдѣ квартировалъ Достоевскій. Ворота были отперты. Онъ взошелъ на лѣстницу и постучалъ. Никто не отозвался. Если бы мысли Савельева не были всецѣло заняты

мучившимъ его горемъ, онъ услышалъ бы рыданія въ квартирѣ.

Солдатъ снова постучалъ, но такъ же безуспѣшно. Дверь оказалась не запертой, онъ ее отворилъ.

Жена Достоевскаго, стоявшая около окна, при шумѣ его шаговъ, обернулась и вся въ слезахъ пошла къ нему на встрѣчу.

Куда вы дѣвали моего мужа? воскликнула она, судорожно сжимая его руку.

Савельевъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Вашего мужа? Развѣ его нѣтъ дома?

Вы еще спрашиваете? Скажите, гдѣ онъ! Ради самого создателя, ради святой и великой Троицы, скажите гдѣ онъ? На колѣняхъ васъ умоляю, сжальтесь на до мной! При этихъ словахъ, молодая женщина упала на колѣни.

Встаньте, Бога ради отвѣчалъ солдатъ, подымая ее. Объясните мнѣ эту загадку! Развѣ вашего мужа нѣтъ дома?

Гдѣ же онъ?

Гдѣ онъ? Откуда-жъ мнѣ это знать?

Я его не видала съ тѣхъ поръ, какъ вы вмѣстѣ пошли къ его возлюбленной!

Солдатъ нахмурилъ брови.

Къ его возлюбленной? сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ. Что вы говорите?

Да, къ своей возлюбленной?! вскликнула она съ отчаяніемъ. Я сама видѣла, какъ вы вмѣстѣ туда вошли.

Вы? Насъ?

Да, я! Я слѣдила за вами и видѣла собственными глазами какъ вы вошли въ домъ на Обу-

ховскомъ проспектѣ, тамъ живетъ его любовница. Я это знаю!

Сударыня, сказалъ Савельевъ громкимъ, но дрожащимъ голосомъ, не выражайтесь такимъ образомъ. Да, мы тамъ были, но тамъ не живетъ любовница Достоевскаго. Тамъ жилъ ангелъ чистоты и невинности, котораго не можетъ оскорбить это слово, произнесенное въ минуту слѣпой ревности. Тамъ жила моя невѣста. Дѣвушка, которую Достоевскій пріютилъ у себя въ домѣ, чтобы ее оберегать отъ всякихъ опасностей, и которую, выгнала ваша безумная ревность, была моя невѣста! Но теперь скажите, гдѣ Достоевскій? Я хочу это знать, это мнѣ необходимо!

Обливаясь слезами, молодая женщина безмолвно его слушала, но казалось, что ничего не понимала.

Савельевъ схватилъ ее за руку и сжалъ со всей силы.

Отвѣчайте же, сударыня! Ради вашего же мужа! Мнѣ необходимо знать, гдѣ онъ!

Молодая женщина мало по малу пришла въ себя.

Значитъ она не была его любовницей? вздохнула она.

Нѣтъ, Наташа никогда не была его любовницей. Она моя невѣста предъ Богомъ и людьми, сказалъ Савельевъ.

Не смотря на горе, искра радости зардѣлась на ея лицѣ.

Она не была его любовницей! повторила она. Слава тебѣ великій Боже! Она не была его любовницей, значитъ онъ меня еще любитъ!

Я васъ, сударыня, еще разъ спрашиваю, гдѣ вашъ мужъ? повторилъ солдатъ съ нетерпѣніемъ.

Гдѣ?... Да гдѣ же мой мужъ? Гдѣ вы его покинули? Вѣдь вы же съ нимъ шли? Я за вами слѣдила и ждала около дома въ который вы вошли. Я долго ждала, не смотря на холодъ и страхъ!... почти до самаго разсвѣта. Вернувшись сюда, я застала дверь, не запертою. Въ комнатахъ было темно и пусто. Съ тѣхъ поръ я стою у окна и жду возвращенія мужа. Я не отводила глазъ съ улицы, но Миша не возвращался. Нѣтъ, онъ не возвращался! Скажите гдѣ онъ? Гдѣ онъ можетъ быть теперь? Вы не можете не знать этого!

Неужели его арестовали? мелькнуло въ головѣ Савельева. Вѣроятно это случилось передъ утромъ. Онъ вѣдь сопровождалъ своего друга къ молодому князю Одоевскому, чтобы передать завѣщаніе Курдюбекова, проводилъ его до угла Сергіевской и слѣдилъ за нимъ, пока тотъ не вошелъ въ свой домъ.

Я пойду за нимъ! сказалъ онъ громко.

Да, идите за нимъ, скажите ему, что жена ждетъ его съ мучительнымъ нетерпѣніемъ! Будьте великодушны! Сжальтесь надъ бѣдной женщиной!! сказала она съ отчаяніемъ пожимая его руку.

Солдатъ сказалъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ и удалился. Если бы, выйдя на улицу, онъ оглянулся, то увидѣлъ бы жандарма входящаго, въ только что имъ покинутый домъ.

III.

Невскія волны, омывающія Петропавловскую крѣпость, точно напѣвали узникамъ грозную пѣсню объ изгнаніи и смерти.

Петропавловская крѣпость не назначена для охраны столицы отъ непріятеля; въ ней не помѣщается храбый гарнизонъ; тамъ не раздаются веселыя пѣсни солдатъ, — тамъ слышны только стоны и зловѣщее бряцаніе цѣпей. Изъ этой ужасной тюрьмы только двѣ дороги, одна въ Сибирь, другая на позорную смерть.

Вдоль узкихъ коридоровъ тянется длинный рядъ келій; многія изъ нихъ ниже уровня Невы.

Эти келіи запираются тяжелой желѣзной дверью съ маленькимъ окошечкомъ, черезъ которое часовой наблюдаетъ за узникомъ и передаетъ ему хлѣбъ и отвратительные щи. Эти двери отпираются только, когда заключенный долженъ предстать передъ судилищемъ или когда ему суждено покинуть свой казематъ для эшафота, на который его везутъ въ повозкѣ, похожей на клѣтку или для отправки въ Сибирь.

Заключеннымъ строжайше запрещено подходить къ окошечку, когда слышатся шаги въ коридорѣ, дабы онъ не могъ увидѣть другого узника и обмѣняться съ нимъ какими нибудь знаками.

Достоевскій, въ цѣпяхъ, между двухъ солдатъ, слѣдовалъ за тюремщикомъ, вооруженнымъ большимъ ключемъ.

Вотъ номеръ 8, сказалъ тюремщикъ: Арестантъ номеръ 8 войдите! прибавилъ онъ.

Какъ только арестантъ переступаетъ порогъ Петропавловской крѣпости, или границу Сибири, онъ теряетъ свое имя и обращается въ номеръ.

Lasciate ogni speranza! пробормоталъ Достоевскій, когда за нимъ затворилась тяжелая дверь и заскрипѣли задвижки и замокъ.

Онъ оглядѣлъ свой казематъ, тамъ была низкая скамейка, сѣнникъ и больше ничего. Достоевскій вздрогнулъ замѣтивъ на сѣнникѣ большія еще не засохшія кровяныя пятна.

Тюремщикъ! тюремщикъ! крикнулъ онъ въ ужасѣ.

Тюремщикъ небрежно взглянулъ черезъ двѣрное окошечко и спросилъ:

Что тамъ, крикунъ?

На тюфякѣ кровь! былъ отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Очень можетъ быть, я ее еще не видѣлъ, отвѣчалъ тюремщикъ, зѣвая, и почасывая себѣ затылокъ. Это вѣрно кровь того молодаго поляка, его выдрали передъ тѣмъ, какъ за нимъ пришли жандармы. Онъ, каналья, ни въ чемъ не хотѣлъ признаваться. На это пошло, два большущихъ пука розогъ! И тюремщикъ отодвинулъ свое лицо отъ окошечка.

Да тюфякъ еще мокръ! крикнулъ ему Достоевскій.

Ничего, успѣетъ высохнуть, пока отсюда выберешься.

Достоевскій сѣлъ на скамью и сталъ обдумывать свое положеніе. Въ прошлую ночь, вернувшись домой, къ своему великому удивленію, онъ жену тамъ не засталъ. Когда же сталъ

звать и зажегъ свѣчу, чтобы ее искать, то увидѣлъ жандарма, спокойно сидѣвшаго на диванѣ и наблюдавшаго за его дѣйствіями.

Достоевскій вздрогнулъ, но жандармъ всталъ и сказалъ:

Наконецъ-то вы вернулись? Долгонько заставили себя ждать. Хорошо, что вы хоть одѣты. Вамъ надо со мной отправиться.

Куда? спросилъ Достоевскій.

Къ князю Орлову, спокойно отвѣчалъ жандармъ.

Гдѣ же моя жена? спросилъ Достоевскій. Гдѣ моя жена? повторилъ онъ.

Странный вопросъ! Откуда мнѣ знать, гдѣ ваша жена? отвѣчалъ жандармъ.

Я не могу уйти изъ дому не отыскавъ жены, сказалъ Достоевскій, чувствуя жгучую боль. Отсутствіе жены было для него необъяснимой загадкой.

Ради Бога, подождите еще немного, можетъ жена вернется!

Ждать?! Ну что-жъ коли ваша жена вернется, то будетъ здѣсь, а не вернется — такъ не будетъ, вотъ и все! Вернется она или нѣтъ, это дѣла не измѣнитъ, вѣдь все равно, вы не скоро съ ней снова увидитесь. Да, наконецъ, вы этимъ избѣгните весьма мучительную сцену, какъ для себя, такъ и для меня. Присутствовать при такого рода прощаніяхъ очень тяжело и скучно.

Жандармъ, который ежедневно видитъ горе и отчаяніе въ концѣ концовъ дѣлается не чувствительнымъ къ человѣческой скорби.

Мнѣ некогда ждать, пойдемъ! рѣзко закончилъ онъ неутѣшительную для мужа рѣчь.

Достоевскій послѣдовалъ за нимъ въ полнѣйшемъ отчаяніи.

Прійдя къ Орлову, его передали дежурному адъютанту, который заявилъ, что придется дождаться утра въ пріемной, а самъ удалился въ дежурную комнату.

Достоевскій бросился на диванъ, но сонъ не принесъ ему утѣшенія и забвенія. Онъ прямо смотрѣлъ на будущее не заботясь объ ожидающей его судьбѣ. Вступая въ тайное общество, въ которомъ онъ стоялъ членомъ, онъ своимъ проницательнымъ умомъ сразу сообразилъ, что тотъ, кто осмѣливается возстать противъ народной тираніи, обрекаетъ себя на вѣрную погибель.

Его мучила неизвѣстность, въ которой онъ находился относительно необъяснимаго исчезновенія жены. Одно его утѣшало, слабый лучь надежды блеснулъ ему среди мрака ночи, онъ за него и уцѣпился, точно утопающій, который хватается за соломенку: можетъ завтра грозный судья надъ нимъ сжалится и скажетъ ему, гдѣ его жена.

Настало утро. Пріемная наполнилась народомъ. Тутъ были разные шпіоны, пришедшіе съ утреннимъ рапортомъ. И по очереди перебывали въ кабинетѣ его сіятельства, откуда они выходили, кто съ веселымъ видомъ, кто повѣся носъ, смотря по тому, какъ былъ принятъ его докладъ.

Проходили минуты, часы, казавшіеся цѣлой

вѣчностью для Достоевскаго. Наконецъ настало половина двѣнадцатаго и его имя было вызвано дежурнымъ адъютантомъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ князя.

Князь Орловъ былъ грозой всей Россіи, но, подобно своему предшественнику, графу Бенкендорфу, умѣлъ исполнять свою непріятную, и часто даже ужасную обязанность съ личной гуманности. Въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ походилъ на кошку, которая заигрываетъ бархатной лапкой, чтобы потомъ съ большимъ удобствомъ запустить когти въ тѣло своей добычи.

Князь перелистывалъ дѣло...

Господинъ Достоевскій, писатель? спросилъ онъ вошедшаго.

Достоевскій молча поклонился.

Орловъ продолжалъ просматривать дѣло, прерывая отъ времени до времени чтеніе, произнося многозначительно, гмъ! гмъ! и внимательно смотрѣлъ на писателя.

Иногда онъ перелистывалъ на оборотъ, пробѣгалъ ужь разъ прочитанное и останавливался въ задумчивости, покручивая усъ и качая головой.

Достоевскій затаивъ дыханіе, съ трепетомъ слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ грознаго начальника третьяго отдѣленія. Въ эту минуту онъ могъ бы воскликнуть вмѣстѣ съ Гамлетомъ: быть или не быть?

Теперь рѣшалась его судьба, вся его будущность!

Наконецъ, князь закрылъ дѣло, нѣсколько минутъ задумчиво смотрѣлъ на писателя, до-

сталъ изъ кармана золотую табакерку съ царскимъ портретомъ, понюхалъ табаку и тихо сказалъ, точно разсуждая съ самимъ собой:

Что дѣлать? Это не годится! Господинъ Достоевскій, вы значитъ состоите членомъ тайнаго общества?

Обвиняемый молчалъ.

Князь продолжалъ, не обращая вниманіе на его молчаніе.

Безумные юноши!! какъ можете вы надѣяться, что такое дѣло останется скрытымъ?..

И такъ, какова была цѣль этого общества?

Достоевскій отвѣчалъ:

Я не понимаю, о чемъ ваше сіятельство изволите меня спрашивать.

Князь снова понюхалъ табаку:

А, вы не знаете? Вы это черезчуръ хорошо знаете! Да вы, писатели, вы всѣ идеалисты! Но зачѣмъ же отпираться? Подумайте, осуществимы ли ваши мечты?

Повторяю, ваше сіятельство, я не знаю, о чемъ вы изволите говорить.

Ахъ вы молодой человѣкъ, не смотря на то, что вамъ тридцать лѣтъ, таковы, кажется, ваши года? Да? Несмотря, на вашъ тридцатилѣтній возрастъ, я могу васъ такъ называть, — я больше чѣмъ вдвое старше васъ. Молодой человѣкъ, только откровенностью вы можете помочь себѣ. Я долженъ васъ предупредить, что ваше дѣло очень плохо. Раскройте цѣли и намѣренія вашего тайнаго общества и назовите его членовъ, я вамъ совѣтую это сдѣлать для вашего же блага.

Ваше сіятельство, не принадлежа ни къ какому тайному обществу, мнѣ невозможно назвать его членовъ.

Вотъ какъ? Очень жалко! сказалъ князь и позвонилъ.

Вошелъ дежурный адъютантъ.

Господинъ Достоевскій, потрудитесь послѣдовать за адъютантомъ.

Достоевскій вышелъ.

Они пришли въ комнату нижняго этажа, изъ которой только что вышла молодая, очень красивая женщина, по видимому полька. Она была вся въ слезахъ, ея глаза выражали непримиримую ненависть и въ тоже время стыдъ.

Адъютантъ шепнулъ нѣсколько словъ жандармскому унтеръ-офицеру, стоявшему у дверей.

Описывать ли послѣдовавшую позорную сцену? Писателя высѣкли, высѣкли какъ мальчику!!

Въ одной изъ комнатъ канцеляріи шефа жандармовъ устроенъ подвижной паркетъ. По данному знаку, извѣстная часть пола опускается и жертва опускается до самой груди. Въ нижнемъ помѣщеніи всегда есть на готовѣ жандармы съ розгами. Если наказываемый былъ мужчина, то его раздѣвали до пояса; съ женщинами обращались проще; у нихъ подымали платья и наказаніе производилось до тѣхъ поръ, пока не подавался новый сигналъ для его прекращенія. Такимъ образомъ жандармы не видятъ своей жертвы и никогда не узнаютъ имя того, кого они сѣкли!

Наконецъ постыдная экзекуція кончилась, и Достоевскій былъ снова приведенъ къ Орлову.

Что-жъ, молодой человѣкъ, вы одумались? спросилъ князь.

Глаза Достоевскаго сверкали бѣшенствомъ; онъ сжалъ кулаки.

Князь, сказалъ онъ скрежеща зубами, императрица Екатерина II отмѣнила пытку, неужели славному царствованію императора Николая суждено ее снова ввести?

Князь, молча пожалъ плечами.

Неужели вы думаете, что если бы даже я и зналъ о существованіи тайнаго общества, меня можно заставить говорить посредствомъ постыднаго наказанія?

Однако, сказалъ князь, бывали примѣры. Вы были бы ни первый ни послѣдній. И такъ вы не хотите признаться, какія цѣли преслѣдовало общество, и кто такіе были его члены? спросилъ онъ еще разъ.

Повторяю вамъ, князь, что я ничего не знаю ни объ одномъ и о другомъ.

Очень жаль, молодой человѣкъ, я долженъ васъ отправить въ крѣпость, таковъ приказъ государя.

Въ крѣпость?!

Да, до тѣхъ поръ, пока судъ не произнесетъ приговора надъ вами и надъ вашими сообщниками.

Повторяю еще разъ, у меня нѣтъ сообщниковъ.

Я самъ могу назвать вамъ ихъ имена, вотъ они, сказалъ князь, указывая на какой-то списокъ, и не далѣе, какъ сегодня я буду знать всѣ имена, которыхъ тутъ нѣтъ.

Достоевскій молчалъ.

И такъ пусть будетъ по вашему, сказалъ князь и позвонилъ.

Вошелъ жандармскій офицеръ. Орловъ передалъ ему бумагу, на которой написалъ нѣсколько словъ.

Въ цѣпяхъ? спросилъ жандармскій офицеръ.

Князь пожалъ плечами и сказалъ съ видомъ сожалѣнія:

Да!

Потомъ, точно желая извиниться передъ Достоевскимъ, прибавилъ:

Я долженъ такъ поступить, такъ какъ вы не хотите ни въ чемъ признаться. Таковъ приказъ государя, и я долженъ ему повиноваться. До свиданія.

Достоевскій простоялъ нѣсколько мгновеній въ недоумѣній, — любовь и гордость боролись въ его сердцѣ. Наконецъ онъ рѣшился сказать Орлову:

Князь, какъ ни оскорбительно, какъ ни обидно, послѣ всего того, что испыталъ я, обращаться къ вамъ съ просьбой...

Князь пожалъ плечами, точно хотѣлъ сказать: самъ ты въ этомъ виноватъ, и я себѣ умываю руки.

Да, какъ ни унизительно для меня, я все-таки долженъ обратиться къ вамъ съ просьбой. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете. Несмотря на ваши ужасныя обязанности, вы все же человѣкъ.

Что вамъ угодно? Говорите! Я готовъ для

васъ сдѣлать все, что въ моей власти и сдѣлаю, но совѣтывалъ бы вамъ сознаться...

Князь, сегодня ночью, когда меня арестовали, я только что вернулся...

Быть можетъ изъ вашего общества? сказалъ Орловъ вкрадчивымъ голосомъ.

Я возвращался отъ больнаго, умирающаго пріятеля, отвѣчалъ Достоевскій. Войдя въ свою квартиру, я нашелъ ее отпертой и пустой. Моя жена вышла, не знаю куда и зачѣмъ. Это хорошая женщина, которая любитъ меня всей душей, она даже меня черезчуръ любитъ! Князь, скажите, арестована ли она, какъ и я?

Князь перелисталъ дѣло.

Я объ этомъ не дѣлалъ распоряженія и насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Князь, сказалъ Достоевскій, хватая за руку Орлова, я не прошу о пощадѣ, для себя, но если мундиръ не убилъ въ васъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ умоляю объ одной милости, вѣдь вѣроятно мнѣ долго придется быть разлученнымъ съ міромъ...

Полагаю, замѣтилъ Орловъ.

Князь, нельзя ли мнѣ будетъ узнать, не смотря на одиночество тюрьмы, гдѣ моя жена? Нельзя ли мнѣ будетъ съ ней повидаться?

Что касается до вашей послѣдней просьбы, то я не могу на нее согласиться, отвѣчалъ Орловъ. Относительно же желанія узнать, гдѣ ваша жена, я вамъ обѣщаю, и даю честное слово, что сегодня же извѣщу васъ.

Теперь отвѣди барина куда я тебя приказалъ. Извините меня, пожалуйста, господинъ Достоев-

скій, что я не могу васъ избавить отъ цѣпей, но вы сами въ этомъ виноваты, такъ какъ не дѣлаете никакихъ признаній.

Когда ты барина сдашь коменданту, скомандовалъ Орловъ, ступай на его квартиру узнать о барынѣ и скажешь ему, но барынѣ не смѣй говорить, гдѣ ея мужъ...

Какъ такъ?! прервалъ его Достоевскій умоляющимъ голосомъ.

Молодой человѣкъ, это не годится! Если бы вы сдѣлали признанія, эти мѣры были бы излишними, но такимъ образомъ...

Ты явишься ко мнѣ съ рапортомъ, продолжалъ онъ обращаясь къ жандармскому унтеръ-офицеру. Объ остальномъ распоряжусь самъ.

Молодой человѣкъ, сегодня же будете имѣть извѣстіе о вашей женѣ. И такъ прощайте, надѣюсь, что вы одумаетесь, и сдѣлаете полное признаніе.

Достоевскій поклонился и вышелъ въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера.

Орловъ вернулъ жандарма и сказалъ ему:

Запечатать всѣ бумаги, какія найдутся и принести ихъ ко мнѣ.

Это, ваше сіятельство, ужь сдѣлано, замѣтилъ жандармъ. Бумаги въ канцеляріи вашего сіятельства.

Хорошо, сказалъ Орловъ. Молодой человѣкъ, можете быть спокойны насчетъ судьбы вашей супруги. Постойте минутку, — а ты позови жандарма, который принесъ бумаги.

Ваше сіятельство, онъ отправился...

Орловъ нахмурилъ брови и тѣмъ далъ понять жандарму, что онъ чуть не проболтался.

Хорошо, исполни мои распоряженія. Досвиданія, господинъ Достоевскій. Будемъ надѣяться, что когда вы снова сюда явитесь, или предстанете передъ судомъ, вы примите другое рѣшеніе и сдѣлаете полное признаніе.

Достоевскій молча вышелъ, а князь смотря ему вслѣдъ прошепталъ сквозь зубы:

Кажется, порядочный упряменъ; не бѣда и не такихъ еще укрощали.

Въ дежурной комнатѣ Достоевскаго заковали въ цѣпи и во избѣжаніе огласки, чего болѣе всего боится тайная полиція, повезли въ закрытой каретѣ въ крѣпость.

Вотъ онъ очутился въ тѣсной камерѣ, отдѣленной надолго отъ прочаго міра, можетъ даже на вѣки! Его мысли переносились то на жену, съ которой онъ провелъ столько счастливыхъ дней, на другихъ несчастныхъ! Жена его такъ безумна любила! эта любовь дѣлала его счастье и несчастье. Она была страшно ревнива и нерѣдко мучила его своей слѣпой ревностью.

Вдругъ онъ услышалъ три равномѣрныхъ удара въ стѣнку изъ сосѣдней комнатки. Потомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ударовъ, то съ большими, то съ меньшими промежутками.

Очевидно это былъ секретный способъ переговариваться, но Достоевскій незнавшій этихъ сигналовъ, не могъ ни понять, ни отвѣчать на нихъ. Солнце склонялось къ горизонту, освѣщая казематъ своими послѣдними огненно-красными лучами. Тюремщикъ точно забывшій о

своемъ новомъ нахлѣбникѣ, который со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ, отворилъ дверное окошечко и подалъ ему миску холодныхъ щей, фунтъ хлѣба и кружку воды.

Проникнувшій лучъ солнца скоро исчезъ и все снова погрузилось во мракъ.

IV.

Кто разъ бывалъ въ Петербургѣ, тотъ не можетъ не знать Большой Милліонной, которая тянется отъ Зимняго Дворца минуя много другихъ дворцовъ до Марсова поля. Противъ Преображенскихъ казармъ, расположенныхъ рядомъ съ Зимнемъ Дворцомъ находился большой роскошный четырехъ этажный домъ подъ зеленой крышей. На четвертомъ этажѣ жила вдова генерала Юрковскаго. Ея исторія не безъинтересна.

Генералъ Юрковскій *), находясь въ Польшѣ въ гарнизонѣ, увидѣлъ одну красавицу, плѣнился ея чудными глазами, и женился, совсѣмъ позабывъ, что въ его имѣніи въ Россіи, осталась его законная жена съ полудюженой дочерей. Русская супруга не пожелала раздѣлить своего мужа съ полькой и ему пришлось растаться со второй женой.

Если бы Юрковскій не былъ маіоромъ, да еще гусарскимъ, то его навѣрно постигло бы неза-

---

*) Бывшій тогда еще только маіоромъ, эскадроннымъ командиромъ Елисаветградской гусарскаго полка.

видная участь, или охотиться за соболями въ Сибири, или пришлось бы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ размышлять въ какомъ нибудь монастырѣ о неудобствѣ двоеженства. Но такъ какъ онъ былъ гусарскимъ маіоромъ, то на его поступокъ посмотрѣли, какъ на лихую гусарскую выходку. Его первая жена продолжала жить въ Саратовскомъ имѣніи а онъ оказался избавленнымъ отъ второй жены, которая успѣла таки ему принадоѣсть.

Вдова генеральша, номеръ второй, вела въ Петербургѣ загадочную жизнь, что часто бываетъ въ столицахъ. Недостатокъ своего бюджета она съ избыткомъ пополняла изъ источника, который въ Россіи течетъ очень обильно: она занималась шпіонствомъ.

Кто тамъ? спросила генеральша, вошедшую горничную.

Ваше превосходительство! это... она шепнула нѣсколько словъ на ухо генеральшѣ.

Пожалуйте! любезно пригласила она гостью, а про себя думала, „чортъ бы тебя побралъ!“

Эта была графиня Бобринская пріѣхавшая провѣдать своей подругой генеральшу Юрковскую.

Графиня была встрѣчена учтивыми реверансами и отвѣчала тѣмъ же. Она хорошо знала, что часто поклонъ дороже денегъ.

Ваше превосходительство, начала графиня, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, значитъ, нѣтъ никакихъ извѣстій изъ Англіи!!!

Генеральша поморщилась и отвѣчала, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

Ага, значитъ вы ждете извѣстій изъ Англіи?

Развѣ, голубчикъ, Анонціата, вы этого не знаете?

Да, да, я совсѣмъ и забыла! Но вѣдь приставъ Выборгской части возвратился.

Я знаю, что онъ вернулся, что-жъ изъ этого?

Ну, Андерсонъ...

Андерсонъ, кожевникъ, да, такъ что же?

Онъ за одно со своими соотечественниками и служитъ имъ...

Но въ тоже время онъ служитъ и намъ. Это ловкій малый! Онъ хочетъ нажить деньги и наживаетъ!

Такъ чтожъ изъ этого?...

Графиня, я открыла тайну!!

Ага? тайну? повторила графиня точно эхо.

Да, у государя есть сынъ.

Графиня вздрогнула.

У государя сынъ?!! Насколько мнѣ извѣстно, у него четыре сына.

Да я, графиня, говорю не объ этихъ сыновьяхъ...

О комъ же вы говорите? прервала ее графиня, вполнѣ сознавая свои дипломатическія способности. Вѣдь вы мнѣ только что сказали, что у государя есть сынъ?

Да...

А я отвѣчала вамъ, что у него ихъ четыре...

Да отъ жены, но...

Ктожъ, голубушка станетъ упрекать мужчину за такіе грѣшки? И такъ у государя сынъ?

А знаете ли отъ кого?

Разумѣется не знаю! Иначе, я бы у васъ этого не спрашивала.

Отъ Ассеньковой! воскликнула генеральша съ торжествомъ.

Отъ Ассеньковой? повторила медленно графиня, Ассенькова?! Кто это?

Актриса! отвѣчала генеральша съ нетерпѣніемъ.

Ассенькова?! снова повторила графиня, будто что-то припоминая. Ассенькова?! Какая-жъ это такая? Насколько я знаю, въ театрѣ нѣтъ такой актрисы.

Теперь-то нѣтъ, но была лѣтъ двадцать тому назадъ...

И вы помните объ этомъ, что было двадцать лѣтъ тому назадъ?

Генеральша покраснѣла и не нашлась что отвѣтить.

А сынъ, продолжала графиня, не обращая вниманія на молчаніе генеральши, гдѣ-жъ онъ?

Гдѣ онъ?! отвѣчала генеральша.

Ну да, гдѣ же сынъ?

Гдѣ! Ужъ сказать ли вамъ графиня?

Ну да, отчего же и нѣтъ?!

Графиня!!... Сколько вы заплатите за эту тайну?

Прежде всего мнѣ надо знать, не выдумка ли, вашъ секретъ. Покажите мнѣ сперва сына...

Невозможно?! Вотъ какъ?! отвѣчала графиня. Въ такомъ случаѣ, прощайте, у меня время дорого и я не могу терять его даромъ.

Графиня, воскликнула генеральша, вскакивая отъ ужаса, я еще не имѣю доказательствъ, надо подождать...

Гмъ! У васъ еще нѣтъ доказательствъ?!! Значитъ прощайте, голубушка генеральша, до свиданія!

Но графиня, настаивала генеральша, сколько вы мнѣ дадите, если я отыщу сына?

Сколько?... Эта тайна такая маловажная, что право...

Маловажная?! Нѣтъ!!!

Ну, Богъ съ вами, я дамъ вамъ двѣ тысячи рублей.

Невозможно, графиня, я сама...

Ну положимъ... три тысячи, такъ какъ вы сами...

Невозможно, я обѣщала Шер...., сорвалось съ языка генеральши.

Ага?! Шервудъ участвуетъ! Прощайте!

Генеральша, испуганная, что выдала, нечаянно свою тайну воскликнула.

Нѣтъ, нѣтъ, это не Шервудъ, это...

Хорошо. Для васъ я пожалуй набавлю еще двѣ тысячи, сказала графиня, и прибавила въ полъ голоса, какъ бы соображая, пять тысячъ.

Торгъ между женщинами еще долго бы продолжался, если бы графиня не сказала рѣшительно:

Невозможно! сказала генеральша.

Ну значитъ пять тысячъ, голубушка генеральша, это мое послѣднее слово. Тѣмъ болѣе, что тайна вовсе не важная и Шервудъ исполнитъ это дѣло, за столько же сотенъ...

Шервудъ?! вскричала генеральша въ испугѣ. Я-жъ вамъ сказала, что Шервудъ...

Вѣрю, голубушка генеральша, вѣрю. Ну значитъ, пять тысячъ рублей. Я вамъ потому предлагаю такую сумму, что вы не разъ бывали мнѣ полезны. И такъ согласны вы? Да или нѣтъ?

Какъ же генеральшѣ не согласиться? По неосторожности она навеля графиню на слѣдъ и хорошо знала, что опытная интригантка съумѣетъ имъ воспользоваться. Слѣдовательно, она была вынуждена принять предложенное условіе.

Торгъ между обоими барынями былъ заключенъ. Графиня уѣхала отъ своей подругой, генеральши Юрковской, въ восторгѣ, что достигла цѣли. Вѣдь собственно говоря, она съ тѣмъ и пріѣхала къ генеральшѣ, чтобы воспользоваться ей какъ шпіонкой, а послѣдняя сама пошла ей на встрѣчу. Слѣдъ ужъ найденъ и графиня опытная въ дѣлѣ розысковъ, знала, что пущенныя ею, по слѣду гончія, подымутъ таки дичь.

Она тотчасъ отправилась къ протопресвитеру Бажанову, чтобы извѣстить его о своемъ успѣхѣ.

Нѣсколько одинокихъ башкиръ бродило по улицамъ Петербурга, глазѣя на дворцы, расположенные по право и на лѣво. Они принадлежали къ казачьему полку, который предназначался для отправки на берега Балтійскаго моря, для охраны ихъ отъ англичанъ.

Башкиры маленькаго роста, коренастаго сложенія, лица ихъ смуглы и съ сильно выдающимся скулами. Изъ подъ черныхъ, тонко очерченныхъ рѣсницъ, сверкаютъ хитрые зоркіе рысьи глаза. Ихъ лошади на короткихъ крѣпкихъ но-

гахъ, съ короткой шеей, не большой головой, съ большимъ горбомъ на носу — все въ нихъ выдаетъ азіатскую породу. У нихъ нѣтъ ни музыки, ни трубачей, а все-таки они собираются съ разныхъ кóнцовъ столицы, на площадь передъ вокзаломъ Московской желѣзной дороги, точно по таинственному сигналу. У нихъ офицеры одѣты, такъ же, какъ и рядовые: на нихъ длинные бухарскіе халаты, обшиты позументами и надѣты эполеты. Ихъ большіе хитрые глаза придаютъ имъ ухарскій видъ и точно говорятъ: а вѣдь въ нашихъ стéпяхъ-то лучше! А что вамъ стоитъ вашъ Петербургъ, точно желающій насъ подавить своими каменными громадами?...

Полкъ направился къ Петерговской заставѣ, гдѣ выстроились на площади, передъ тріумфальной аркой по взводно.

Вдругъ маленькіе санки, запряженные кровнымъ вороннымъ рысакомъ, привѣтствуемы громкимъ дружнымъ ура, промчались мимо рядовъ. Въ санкахъ сидѣлъ офицеръ высокаго роста, закутанный въ старую шинель. Проѣзжая черезъ Болото, мимо домика гдѣ нѣкогда жила Марфуша, онъ невольно оглянулся на полуразвалившуюся избушку. Она стояла, точно удивляясь, что къ ней перестали подъѣзжать, какъ бывало прежде, роскошные экипажи. Это былъ государь. Его стройный высокій станъ согнулся, рѣдкіе волосы посѣдѣли, чему впрочемъ, не мало способствовали послѣднія событія, но глаза нисколько не теряли своего огня.

Внезапно другіе сани промчались мимо него какъ стрѣла. Повидимому кучеръ не могъ сдер-

жать бѣшанной лошади. Государь грозно сверкнулъ глазами; онъ не могъ допустить, чтобы кто нибудь имѣлъ лошадей лучше его, но его гнѣвъ тотчасъ перешелъ въ ужасъ: санки задѣли за столбъ, опрокинулись и изъ нихъ вывалилась молодая женщина.

Стой! крикнулъ государь своему кучеру. Кучеръ, опытной рукой сразу осадилъ рысака.

Николай выскочилъ изъ саней, и пошелъ на помощь упавшей дамы.

Она успѣла встать и пошатываясь направилась къ своимъ санямъ.

Вы не ушиблись?... спросилъ Николай; но, уста его оцѣпенѣли отъ удивленія, царь узналъ въ дамѣ Нелидову, и мрачно нахмурилъ брови.

Вы... здѣсь? сказалъ онъ голосомъ, предвѣщавшимъ грозу.

Дама подняла глаза и упала безъ чувствъ.

Комедія! пробормоталъ онъ сквозь зубы. Но нельзя-жъ было оставить молодую женщину на снѣгу безъ всякой помощи. Онъ какъ ребенка поднялъ ее и усадилъ въ сани.

Болванъ! обратился онъ къ кучеру, чего ты зѣваешь?! Пошелъ полнымъ ходомъ домой! Говорятъ тебѣ домой! слышишь?

Николай снова сѣлъ въ свои сани и продолжалъ осмотръ войскъ, предоставая фаворитку своей судьбѣ.

Снова его лошадь стрѣлой помчалась мимо другихъ саней, которые быстро удалялись. Вдругъ его лошадь сдѣлала скачекъ, сани получили сильное сотрясеніе. Государь обернулся, на

снѣгу лежалъ окравленный солдатъ, котораго только-что сбилъ съ ногъ.

Вторично послышалось: стой? и санки остановились. Государь обернулся: на дорогѣ лежалъ солдатъ съ револьверомъ въ лѣвой рукѣ, правая была на перевязи, а на лицѣ у него былъ широкій шрамъ.

Что это такое? подумалъ государь и осмотрѣвшись кругомъ, увидѣлъ рядомъ съ собой какого-то господина, выросшаго точно изъ подъ земли.

Ты кто такой? Рѣзко спросилъ государь полицейскаго.

Ваше величество, я здѣшній полицейскій, отвѣчалъ онъ, отдавая честь по военному, не смотря на свое штадтское платье.

Ты что здѣсь дѣлаешь?

Ваше величество, я получилъ приказъ слѣдовать издали за вашимъ величествомъ, чтобы...

Излишнія предосторожности, прервалъ его государь. Перенести этого солдата ко мнѣ, слышишь? Ко мнѣ, а не въ часть. Пусть Енохинъ*) его осмотритъ, нѣтъ ли у него какихъ поврежденій.

Государь продолжалъ свой путь бормоча сквозь зубы: сегодня несчастный день.

Троечныя сани съ ополченскими офицерами, сильно подпившими, промчались мимо него. Офицеры узнали царя и закричали:

Ура!

Лицо Николая просіяло, онъ воображалъ, что

---

*) Одинъ изъ лейбмедиковъ.

въ крикахъ своихъ солдатъ, онъ слышитъ отголосокъ всего народа.

На площади передъ тріумфальными воротами были выстроены башкирскій и ополченскій полки. Не смотря на двадцати двухъ градусный морозъ, солдаты, благодаря водкѣ, а офицеры шампанскому, стояли бодро и дружно крикнули „ура", какъ умѣютъ кричать только въ Россіи.

Здорово ребята! привѣтствовалъ ихъ государь.

Здравія желаемъ ваше императорское величество! отвѣчали тысячи голосовъ

Башкиры и ополченцы проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ по направленію къ тріумфальнымъ воротамъ какъ раздалось громкое „стой!" Войска стали какъ вкопаныя.

Ребята, обратился къ нимъ государь, вы идете на святое дѣло, быть можетъ многіе изъ васъ положатъ жизнь за вѣру и меня...

Всѣ мы готовы умереть за православнаго царя! отвѣчали, заранѣе выученные солдаты.

Спасибо ребята, продолжалъ государь. Да, если вамъ придется умирать, то вспомните, что вы умираете за нашу матушку Россію и за вашего православнаго царя.

За вашего тирана! раздался голосъ изъ толпы окружавшей солдатъ.

Всѣ точно окаменѣли.

Николай взглянулъ въ сторону, откуда послышался голосъ, и замѣтилъ нѣсколькихъ мужиковъ, по не знанію обычаевъ, стоявшихъ въ шапкахъ.

Шапки долой! Саревѣлъ онъ зычнымъ голосомъ.

Въ одно мгновеніе всѣ головы обнажились.

Кто говорилъ? продолжалъ онъ голосомъ, напоминающимъ рыканье льва, готоваго броситься на свою жертву.

Толпа осталась безмолвной, но изъ нея вышла молодая женщина, и бросилась на снѣгъ, у ногъ государя, говоря:

Это я!!

Ты?! спросилъ Николай голосомъ, который заставлялъ кровь застывать въ жилахъ.

Я!! повторила молодая женщина подымаясь и судорожно сжала колѣни государя въ своихъ объятіяхъ. Тотчасъ подскачило нѣсколько полицейскихъ, чтобы ее оттащить отъ царя.

Назадъ! загремѣлъ государь обращаясь къ полицейскимъ, потомъ оттолкнулъ женщину и сказалъ ей мрачнымъ голосомъ:

Ты? А кто ты такая??

Я жена Достоевскаго! Гдѣ мой мужъ? Если ты дѣйствительно государь, а не тиранъ всероссійскій, скажи, гдѣ мой мужъ?

Государь смотрѣлъ на нее, стараясь что-то припомнить.

Твой мужъ?! Кто твой мужъ?!

Достоевскій, я ужь разъ сказала, государь, Достоевскій!

Государь подумалъ.

А, вспомнилъ! Достоевскій идеалистъ! Взять ее, обратился онъ къ полицейскимъ.

Цѣлая толпа городовыхъ подскочила и грубо схватила молодую женщину.

Сжальтесь! кричала она. Сжальтесь надъ моимъ мужемъ и надо мной!...

Лицо государя осталось невозмутимо, и на немъ не изобразилось ни малѣйшаго волненія. Полицейскіе увлекали молодую женщину.

Пощадите хоть его! кричала несчастная, ломая себѣ руки.

Государь ужь хотѣлъ отвернуться, какъ вдругъ его взглядъ упалъ на опаловое кольцо, надѣтое у ней на пальцѣ. Государь пристально на него взглянулъ и его мраморное лицо поблѣднѣло. Нѣсколько минутъ, онъ не доумѣвалъ, что ему дѣлать, наконецъ сказалъ:

Отвести ее на гауптвахту Зимняго дворца и ожидать моихъ приказаній!

Онъ снова задушевно обратился къ солдатамъ, благословилъ ихъ и даже не разъ слеза навертывалась у него на глазахъ. Онъ походилъ на отца прощающагося съ дѣтьми.

Долго слѣдилъ онъ взоромъ за удаляющимися, по Петергофскому шоссе полками. Когда послѣдніе солдаты изчезли изъ виду, онъ вернулся къ своимъ санкамъ и скомандовалъ кучеру обычное: „Пошелъ въ дворецъ“.

Государь дрожалъ точно въ лихорадкѣ, было двадцать два градуса морозу, а у него поверхъ мундира была накинута только старая шинель его брата.

V.

На Ямской, гдѣ по большей части живутъ извощики, между грязными деревянными домишками, возвышается большой каменный домъ. Нѣкогда онъ гордо смотрѣлъ на своихъ сосѣ-

дей. Его выстроилъ богатый раскольникъ, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ своими единовѣрцами, вдали отъ взоровъ полиціи, совершать свое богослуженіе, столь ненавистное и преслѣдуемое въ тѣ времена. Большой пожаръ, бывшій въ этой части города, не пощадилъ и его. Огненные языки, облизали его щекатуренныя стѣны и онъ теперь напоминалъ пятнистую тибетскую кошку. Внутренность дома была совершенно уничтожена. Суевѣрный домовладѣлецъ почелъ бы за величайшій грѣхъ противиться „волѣ Божіей", какъ онъ называлъ пожаръ. Онъ довольствовался тѣмъ, что стоялъ передъ домомъ съ иконой „неопалимой купины" считая, что это единственное средство предотвратить бѣду, а пожарныя трубы и т. п. только дьявольскія выдумки. Послѣ пожара домъ не былъ исправленъ такъ какъ его владѣлецъ вмѣстѣ съ многими другими скопцами, къ сектѣ которыхъ онъ принадлежалъ, былъ сосланъ ва Кавказъ. Въ настоящее время домъ стоялъ опустѣлымъ съ выбитыми окнами и походилъ на какой-то мрачный призракъ.

Одно только отдѣленіе было обитаемо, и то былъ погребъ, въ которомъ прежній владѣлецъ отправлялъ требы своей секты. Крѣпкіе своды устояли противъ пламени, но все внутреннее убранство: образа въ дорогихъ окладахъ, съ драгоцѣнными камнями, богатый рѣзной алтарь, золотая и серебрянная церковная утварь, облаченія и т. п. все было разграблено полиціей и остались одни голыя стѣны. Долгіе годы таинственный погребъ пустовалъ. Не очень давно кто-то снова придѣлалъ замокъ, къ тяжелой ду-

бовой двери, и каждый вечеръ видѣли мрачную фигуру подходившую къ двери; скрипѣлъ ржавый замокъ, дверь отворялась, неизвѣстный за ней исчезалъ и слышался звукъ запираемый толстой заржавленной задвижки.

Въ этомъ таинственномъ погребѣ, кромѣ входной двери, небыло никакихъ отверстій, такъ что наружный свѣтъ туда никогда не проникалъ. Въ прежнія времена и день и ночь теплились неугасимыя лампады передъ образами, а теперь царствовалъ непроницаемый мракъ. Погребъ только тогда освѣщался мерцающимъ свѣтомъ сальной свѣчи, когда его новый хозяинъ былъ дома. При этомъ слабомъ свѣтѣ можно было бы замѣтить женскую фигуру, прижавшуюся въ отдаленномъ углу и подчасъ, въ отчаяніи ломающую себѣ руки.

Это была бѣдная Наташа, которую старый разбойникъ Петровичъ держалъ здѣсь въ заперти, съ тѣхъ поръ, какъ свершилось убійство стараго Курдюбекова.

Онъ, сперва пробовалъ добиться ея любви лаской, обѣщалъ ей жемчугъ, драгоцѣнные камни, бархатныя платья, но это не помогало, Наташа его отталкивала съ отвращеніемъ. Видя, что это небереть, Петровичъ хотѣлъ силой ее заставить сдатся, но отчаяніе придавало бѣдной дѣвушкѣ бодрость сопротивляться разбойнику. Онъ ее билъ до крови, таскалъ за косы, грозилъ ей смертью, по цѣлымъ днямъ морилъ голодомъ, но ничего не помогало, она его отталкивала по прежнему.

Сегодня старый негодяй, утомленный ея сопро-

тивленіемъ, рѣшился или побѣдить или убить ее, такъ какъ онъ поклялся, что она никому не будетъ принадлежать кромѣ его. Цѣлый день онъ пропьянствовалъ въ знакомомъ читалю ренскомъ погребѣ. Часа въ четыре, когда ужь стало смеркаться, Трофимычъ снабдилъ его нѣсколькими бутылками вина и водки, а въ ближайшемъ трактирѣ, Петровичъ досталъ кое-чего съѣстнаго, сѣлъ на извощика и поѣхалъ, не говоря куда.

Макаровъ такъ же былъ въ погребѣ. Онъ много выпилъ и былъ совершенно пьянъ, такъ что тутъ же заснулъ, по крайней мѣрѣ, слышенъ былъ его равномѣрный храпъ. Когда Петровичъ вышелъ, онъ проснулся, заплатилъ Трофимычу за угощеніе сдѣлалъ знакъ Товарову, и оба вышли.

Петровичъ отперъ дверь погреба и вошелъ. Наташа, при скрипѣ ржавыхъ петель вздрогнула, но не произнесла ни слова, а только плотнѣе прижалась въ углу, закрывая руками облитое слезами лицо. Однажды она пробовала бѣжать въ то время, когда разбойникъ отпиралъ дверь, но онъ ее замѣтилъ и оттолкнулъ съ такой силой, что она часа три пролежала безъ чуствъ на голыхъ камняхъ, и онъ даже испугался, думая не умерла ли она. Его скотская любовь проснулась и онъ смачивалъ ей виски водкой, пока она не пришла въ себя.

Сегодня какой-то зловѣщій огонь блисталъ въ глазахъ Петровича. Онъ зажегъ свѣчу, поставилъ на грязный столъ бутылки у яства и крикнулъ:

Ей, дѣвченка, ступай хрястать*). Ты навѣрно теперь проголодалась? Вѣдь два дня, какъ есть ничего не жрала! Видно, голубка, со мной плохія шутки!

Наташа не двигалась и продолжала хранить молчаніе.

Нешто ты не слышешь? Сюда, проклятая дѣвка! Сегодня мы позабавимся! У меня все есть, что можетъ утѣшить человѣка: хорошенькая дѣвочка и хорошее вино!

Ну, живѣй!

Наташа по прежнему не двигалась.

Разбойникъ схватилъ ее въ охапку, притащилъ къ стулу, и силой посадилъ ее къ себѣ на колѣни и хотѣлъ поцѣловать; но Наташа вырвалась изъ его объятій и толкнула Петровича съ такой силой, что онъ упалъ вмѣстѣ со стуломъ.

Негодяй всталъ, глаза его налились кровью, пошатываясь, подошелъ онъ къ молодой дѣвушкѣ: Вотъ какъ?! Ладно!! Я люблю сопротивленіе, бормоталъ онъ, это лучше, чѣмъ когда дѣвка, сразу, отдается! Но, довольно шутокъ, а не то...

Наташа на него грозно взглянула, говоря:

Прочь, извергъ!! прочь, убійца моего благодѣтеля!! Никогда...

Ха, ха, ха! засмѣялся Петровичъ. Если бы ты это сказала въ другое время, я-бъ тебѣ задалъ! Но сегодня, я расположенъ къ тебѣ любовно! слышишь ли? Поди-жъ сюда! Не вѣрными шагами онъ подошелъ къ Наташѣ, вино и водка,

*) На воровскомъ языкѣ ѣсть.

выпитыя въ погребѣ, его разобрали и, къ счастію для нея, негодяй не твердо держался на ногахъ.

Дѣвушка бросилась въ другой уголъ, но разбойникъ не упускалъ своей жертвы, его животныя страсти разъигрывались все больше и больше, сопротивленіе его только разжигало. Онъ схватилъ Наташу и снова притащилъ къ столу. Онъ хотѣлъ ее заставить выпить водки, но она оттолкнула стаканъ, водка вся разлилась на столъ и на полъ.

Ха, ха! Ты не хочешь выпить, голубка? засмѣялся онъ. А все-таки придется, вѣдь когда я въ духѣ, оба должны пить. При этихъ словахъ, онъ ей откинулъ голову назадъ и вылилъ ей въ ротъ стаканъ водки. Хоть Наташа и стиснула губы, но все-таки водка проникла ей въ ротъ и она судорожно закашлялась.

Ну что, вкусно? сказалъ Петровичъ: а теперь я выпью изъ стакана, къ которому прикасались твои алыя губки. Онъ наполнилъ стаканъ, и залпомъ его опрокинулъ. Вотъ-такъ славно, а все-жъ не въ примѣръ вкуснѣе, когда хорошенькія губки прикасались къ стакану! А теперь посмотримъ, хорошо ли цѣловать эти алыя губки?

Онъ прижалъ свои толстыя чувственныя губы, къ губамъ молодой дѣвущки, напрасно защищавшей ихъ своими руками.

Ага! Вотъ такъ славно! Еще разокъ, подшутилъ разбойникъ.

Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поцѣловать ее вторично, она вырвалась изъ его рукъ и дала

ему такую полновѣсную пощечину, что онъ отшатнулся назадъ. Нельзя было предполагать такой силы у молодой дѣвушки. Въ это время, столъ опрокинулся, свѣчка погасла и воцарился полнѣйшій мракъ.

А, значитъ, ты хочешь забавлятсься въ темнотѣ, дѣвчонка, пробормоталъ разбойникъ опьянѣвшій отъ водки и животной страсти, и сталъ подкрадываться къ Наташѣ. Это по моему!

Дѣвушка старалась пробраться къ двери, но разбойникъ ее преслѣдывалъ.

Что?! Ты удрать хочешь голубка? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: злоба его отрѣзвила. Нѣтъ, голубка, ты должно быть не знаешь Петровича! И онъ выхватилъ изъ-за голенища длинный острый ножъ. Онъ не могъ разглядѣть дѣвушку, но та инстинктивно предчувствовала ударъ ножа, и ощупью, вдоль стѣны, пробиралась къ двери, ея руки искали задвижку. Она ужь чувствовала надъ собой горячее дыханіе негодяя. Несчастная добралась до двери, ея нѣжныя руки ощупали задвижку, въ это время разбойникъ схватилъ ее грубой рукой и повлекъ къ себѣ.

Караулъ! помогите! закричала она.

Тутъ никто тебя не услышитъ, усмѣхнулся Петровичъ.

Помогите! помогите! повторяла дѣвушка дергая за задвижку.

Вотъ тебѣ и помощь! закричалъ разбойникъ, въ бѣшенствѣ и ножъ его съ размаху опутился.

Въ это самое мгновеніе задвижка отперлась,

дверь отворилась и ножъ глубоко вонзился въ грудь человѣка, изъ раны брызнула кровь и на минуту ошеломила стараго негодяя; его лѣвая рука выпустила Наташу, и она выскользнула изъ его объятій.

VI.

Онъ живетъ здѣсь, прешепталъ про себя Шервудъ, заворачивая уголъ Девятой роты, да здѣсь, я это знаю, достовѣрно.

У воротъ сѣраго дома сидѣлъ бородатый дворникъ, казанскій татаринъ, и лѣниво оглядывалъ улицу.

Князь, не живетъ ли здѣсь солдатъ? спросилъ Шервудъ, снимая шапку.

А ну его къ черту! грубо отвѣтилъ татаринъ. Откуда мнѣ знать, живутъ ли здѣсь солдаты! Да тутъ живетъ, по крайней мѣрѣ, до полусотни, а не то что одинъ.

Однорукій, прибавилъ Шервудъ.

А мнѣ-то почемъ знать, имѣютъ ли здѣшніе жильцы одну, двѣ или три руки? отвѣчалъ дворникъ. Въ нашемъ домѣ живетъ много всякой дряни.

Шервудъ сразу понялъ, что татаринъ былъ не изъ любезныхъ, но его собственные интересы требовали собрать болѣе точные свѣденія. Вѣдь генеральша обѣщала ему сто рублей, а такой суммы онъ давно не имѣлъ въ рукахъ. Разумѣется, старый шпіонъ не зналъ, что въ свою очередь, за это открытіе, генеральша получала

пять тысячъ, иначе, конечно, его требованія не были бы такъ умѣрены.

Со вздохомъ досталъ онъ изъ кармана серебрянный рубль, долго, въ задумчивости, вертѣлъ его въ рукахъ и съ еще болѣе глубокимъ вздохомъ сказалъ:

Князь, не выпить ли намъ по рюмочкѣ водки?

Водки-то я не пью, а вотъ рюмочку бальзаму, пожалуй можно.

Татары водку не иьютъ, согласно запрету Магомета, но если ее назвать бальзамомъ, то они не отказываются отъ выпивки, вѣдь въ коранѣ про бальзамъ ничего не говорится.

Ну такъ выпьемъ бальзаму, отвѣчалъ съ грустью Шервудъ, онъ не любилъ платить за другихъ, а самъ всегда норовилъ какъ бы пройтись на чужой счетъ.

Новые друзья, отправились подъ ручку въ сосѣдній трактиръ. Только что они отошли на нѣсколько шаговъ, какъ къ воротамъ приблизился и позвонилъ, человѣкъ почтеннаго возраста, съ сѣдыми волосами и сильно нафабриными усами. На немъ была потертая шуба изъ дорогого мѣху. Разумѣется, на его звонъ, дворникъ не отозвался, такъ какъ предпочелъ пойти съ Шервудомъ въ трактиръ, выпить бальзаму за будущую дружбу. Незнакомецъ снова позвонилъ, но такъ же безуспѣшно. Онъ пожалъ плечами и сказалъ:

Приходится ждать, чтобы не обратить на себя вниманіе сосѣдей. И не смотря на восемнадцати градусный морозъ, сталъ терпѣливо разхаживать передъ домомъ.

Вдругъ мимо него продребезжала наемная карета и остановилась у воротъ. Незнакомецъ въ шубѣ укрылся за уголъ, зорко настороживъ глаза, чтобы увидѣть, кто выйдетъ изъ кареты.

Но его любопытство не было удовлетворено — изъ кареты никто не выходилъ, а съ козелъ слѣзъ кучеръ и позвонилъ.

Понятно, что онъ получилъ тотъ же отвѣтъ, какъ и незнакомецъ въ шубѣ.

Кто бы это могъ быть? подумалъ онъ. Неужели еще кто нибудь получилъ тоже порученіе, что и я? Надо это узнать.

Шервудъ подошелъ къ воротамъ, дѣлая видъ, что проходитъ мимо и въ это время заглянулъ въ карету, тамъ сидѣла сморщенная старуха. Лицо было ему знакомо.

Соломида! воскликнулъ онъ, приближаясь къ каретѣ.

Лейминг! раздалось изъ кареты.

Благородныя сердца узнали другъ друга, это были главные шпіоны графини.

Какими судьбами, Соломида, вы попали сюда? спросилъ Лейминг и красныя пятна выступили у него на щекахъ, это былъ признакъ величайшаго гнѣва, какой только можно было замѣтить на его лицѣ, привыкшемъ вѣчно носить маску.

Должно быть, тѣми же судьбами, какъ и вы, отвѣчала Соломида.

Но графиня?... возражалъ выкрестъ.

Ну такъ что-жъ, графиня предпочла послать на розыски четыре глаза вмѣсто двухъ.

Но графиня мнѣ обѣщала...

Дать вамъ пятьсотъ рублей?... Прервала его

Соломида, я это знаю, но я рѣшила, что въ дѣлѣ, гдѣ она заработаетъ въ десять, а можетъ и двадцать разъ болѣе, она съ успѣхомъ можетъ мнѣ дать такую же сумму.

Старый Лейминтъ больше ничего не возражалъ. Онъ ужь много лѣтъ былъ знакомъ съ графиней. Она постоянно разсылала нѣсколько шпіоновъ по одному и тому же дѣлу, во первыхъ, чтобы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія, а во вторыхъ, чтобы мочь въ послѣдствіи торговаться за вознагражденіе, говоря, что она ужь это знаетъ черезъ другихъ. Но, онъ также зналъ, что въ настоящемъ дѣлѣ предстоитъ большой заработокъ. Лейминтъ сталъ соображать, какъ ему избавиться отъ этого соперничества, какъ вдругъ увидѣлъ своего стараго пріятеля Шервуда — Вѣрнаго, подруку съ дворникомъ Абдулкой, переходящими улицу, пошатываясь.

А?! Онъ тоже участвуетъ! Неужели онъ тоже подосланъ графиней, мелькнуло у него въ головѣ?

Какъ только Шервудъ его замѣтилъ, тотчасъ подошелъ къ нему. Шервудъ и Абдулка оба были пьяны — весь рубль былъ пропитъ.

Старый шпіонъ бросился на шею Лейминга и съ рыданіями прижалъ его къ груди.

Братъ, другъ сердечный, наконецъ-то мы съ тобой встрѣтились?! Да, Абдулка, да, если бы ты зналъ моего друга Лейминга, вотъ такъ человѣкъ!...

Въ это время онъ шепнулъ на ухо Лейминга:

Не можешь ли, другъ сердечный, одолжить

мнѣ рубликъ? Мнѣ необходимо имѣть рубль, не то зарѣжусь. Родной мой, дай рубликъ!

Лейминг замѣтилъ, насколько его сердечный другъ былъ пьянъ, тѣмъ болѣе, его присутствіе здѣсь было ему непріятно, по этому онъ досталъ изъ кармана четвертакъ и отдалъ ему говоря: вотъ все, что у меня съ собой, если тебѣ пригодится!...

Это все, что съ тобой? Подшутилъ Шервудъ. Это все, что у тебя есть, другъ сердечный? Старый шутникъ! и онъ снова разцѣловалъ Лейминга, прижимая къ сердцу.

Пьянство дѣйствуетъ различно. Одни подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ только и ищутъ предлога ссориться, другіе же, наоборотъ, готовы весь міръ разцѣловать. Не всегда справедлива пословица „in vinum-veritas“?

Лейминг былъ точно на иголкахъ.

Чего бы онъ не далъ, чтобы удалить Соломиду и Шервуда.

Хорошо! хорошо! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Мнѣ нѣкогда, надо идти! у меня есть дѣло!

Дѣло? Что ты на поискахъ за безрукимъ солдатомъ? сказалъ пьяный Шервудъ.

Лейминг и Соломида насторожили уши.

Сыномъ... продолжалъ Шервудъ, но Лейминг сжалъ руку болтливаго шпіона съ такой силой, что рука старика хрустнула.

Молчать! шепнулъ онъ ему на ухо, угрожающимъ голосомъ.

Ахъ! да, да! пробормоталъ пьяница. Да, я совсѣмъ и забылъ, что это... это... государствен-

ная тайна. Шервудъ, будь остороженъ! А если я вамъ скажу гдѣ онъ, что вы мнѣ дадите?

Лейминг҃ъ снова сжалъ ему руку.

Молчать! говорятъ тебѣ, молчать!

Да, гдѣ онъ, этотъ интересный юноша?! Гдѣ?! А вы, пронырливые шельмы, вѣдь этого не знаете? Неправда ли? А Шервудъ, пьяница, знаетъ! Видите ли, Шервудъ, хитрецъ, только незаставляйте меня цѣловать Соломиду, бррръ! Она такъ стара, что самъ чертъ не захотѣлъ бы поцѣловать ни ее ни даже ее хозяйку. Бррръ! повторилъ онъ. И такъ вы хотите знать гдѣ онъ? Здѣсь, другъ мой, послѣдній потомокъ казанской царевны, вамъ это подтвердитъ. Не такъ ли, другъ сердечный, Абдулъ-Бенъ-Баумъ.

Лейминг҃ъ прервалъ болтуна, сунулъ въ руку дворника пятирублевку, говоря:

Пойдемъ, мнѣ надо тебѣ сказать пару словъ.

Но отъ Шервуда не такъ легко было отдѣлаться.

А гдѣ же я останусь, другъ Лейминг҃ъ? Гдѣжъ я останусь?

Лейминг҃ъ съ нетерпѣніемъ топнулъ ногой и увлекъ дворника во внутръ двора.

Теперь отведи меня къ безрукому солдату, я знаю, что онъ живетъ въ этомъ домѣ.

Абдулка устрѣмилъ на его свои хитрые глаза. Опьяненіе ужь у него прошло, ловкій татаринъ, сразу смекнулъ, что тутъ пахнетъ заработкомъ.

Шервудъ ужъ у него освѣдомился насчетъ солдата, и подъ вліяніемъ Бахуса, кое-что выболталъ передъ дворникомъ, представлявшимся болѣе пьянимъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Какой безрукій солдатъ? пробормоталъ онъ, будто бальзамъ еще запутывалъ его языкъ. Какой безрукій солдатъ?! Я не знаю никакого безрукаго солдата.

Леймингъ сунулъ ему вторую пятирублевку.

Можетъ это освѣжитъ твою память.

Татаринъ почесалъ затылокъ подъ тебетейкой, покрывавшей его бритую голову.

Вдругъ, онъ ударилъ себя въ лобъ и сказалъ, запинаясь:

Вы, пожалуй, спрашиваете о солдатѣ, который живетъ у чиновницы Крахмалиной?

Леймингъ отвѣчалъ на удачу.

Да, о немъ, проведи меня къ нему.

Дворникъ пошелъ впередъ, а Леймингъ послѣдовалъ за нимъ.

Они поднялись на четвертый этажъ. Осторожный выкрестъ постоянно оглявывался, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли за нимъ Шервудъ.

Они позвонили у Крахмалиной. Старуха, кашляя отворила имъ дверь. Но не успѣли они войти, какъ Шервудъ и Соломида проскользнули за ними.

Значитъ здѣсь? спросила Соломида шепотомъ.

Да, они вошли сюда, отвѣчалъ шпіонъ.

Соломида попробовала отворить дверь, она оказалась отпертой, старуха видно позабыла ее запереть. Они вошли какъ разъ въ ту минуту, когда чиновница Крахмалина говорила Леймингу, указывая на одну изъ четырехъ кроватей, стоявшихъ въ комнатѣ:

Да, онъ жилъ вотъ здѣсь! Молодой человѣкъ, большого роста съ шрамомъ на лицѣ. Вотъ

его ящикъ. Но уже два дня, какъ онъ не возвращался.

У него есть ящикъ! воскликнулъ съ радостью Лейминг: Гдѣ онъ? Мы его откроемъ.

Старуха хотѣла протестовать, но пятирублевка, сунутая ей въ руку Лейминомъ ее успокоила.

Абдулка, принеси отвертку, чтобы намъ сломать замокъ, приказала благородная чиновница. Я, впрочемъ, убѣждена, что найдется не много. Савельевъ голъ какъ соколъ.

Савельевъ, пробормотали Шервудъ и Соломида, спрятавшіеся въ корридоръ и наблюдавшіе сквозь дверную щель.

Абдулка, послѣ тщательнаго осмотра замка, сказалъ: зачѣмъ отвертку, хорошій гвоздь сослужитъ ту же службу. Вотъ! Въ одну минуту замокъ былъ отпертъ, крышка отворилась и глаза Лейминга засверкали отъ радости при видѣ тамъ шкатулки.

Она была не заперта. Лейминг сталъ съ жадностью пробѣгать находившіеся тамъ письма, откладывая въ сторону самые важныя, а дворникъ и квартирная хозяйка равнодушно смотрѣли на него. Онъ сложилъ бумаги и ужъ собрался ихъ сунуть въ карманъ, какъ вдругъ чья-то рука его остановила и насмѣшливый голосъ сказалъ надъ самымъ его ухомъ:

Стой, подѣлись братъ!

Выкрестъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Шервудъ и Соломида, не слышно вошедши въ комнату, стояли передъ нимъ.

VII.

Кто тебѣ подарилъ это кольцо? спросилъ государь молодую женщину, находившуюся вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же кабинетѣ въ которомъ мы его видѣли въ началѣ разсказа. Царь медленно расхаживалъ, скрестивъ руки за спиной.

Кто тебѣ подарилъ кольцо? повторилъ онъ.

Молодая женщина продолжала молчать. Горе и опасеніе за судьбу мужа отшибло у ней память. Она приложила руки ко лбу, точно стараясь что-то припомнить.

Государь остановился передъ ней и устрѣмилъ на нее пристальный взоръ, но его мысли, повидимому вовсе не были заняты женщиной, стоящей на колѣняхъ, онѣ летали далеко, далеко.

Женщина была такъ разстроена, что едва могла пробормотать: помилуйте его.

Онъ будетъ помилованъ, но прежде скажи, кто далъ тебѣ это кольцо?

Эти утѣшительныя слова освѣжили память молодой женщины и она наконецъ отвѣтила: какая-то цыганка.

Цыганка? переспросилъ онъ, глухимъ и задумчивымъ голосомъ. Цыганка?! Какъ ее звали?

Молодая женщина молчала и всѣмъ тѣломъ трепетала отъ страха.

Какъ ее звали? Можетъ Марфуша?

Да. Марфуша! Марфуша!! воскликнула она.

Ты знала Марфуша?!

Я ее видѣла только одинъ разъ! Клянусь Богомъ живымъ, только одинъ разъ!

Зачѣмъ, подарила она тебѣ кольцо?

Зачѣмъ?! подумала молодая женщина, соображая. Зачѣмъ? повторила она себѣ еще разъ.

Государь хранилъ молчаніе, и своимъ орлиннымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ прочесть тайну сердца той, которую онъ допрашивалъ.

Зачѣмъ? Повторила жена Достоевскаго въ третій разъ. Да, теперь вспомнила! и она отняла руки отъ лба. Она дала мнѣ это кольцо, заклиная жизнью и моимъ спасеніемъ, никогда его не снимать, сказала мнѣ...

Она остановилась точно соображая.

Ну?! Чтожъ она сказала? спросилъ государь.

Она сказала... Да, она сказала...

Что же?! Еще разъ спрашиваю, что она тебѣ сказала? повторилъ Николай съ леденящимъ спокойствіемъ, которое всякаго привело бы въ трепетъ.

Она... Она сказала, что кольцо не можетъ спасти моего мужа, но отомститъ за меня!

А если бы оно могло спасти твоего мужа, отдала-бъ ты его мнѣ?

Я государь? Не надсмѣхайтесь надъ бѣдной любящей женщиной! Неужели я могу спасти моего мужа? Неужели мнѣ могутъ вернуть его?

Согласна ли ты продать мнѣ это кольцо? Скажи да, и твой мужъ будетъ спасенъ.

Достоевская на колѣняхъ доползла до государя и стала цѣловать его ноги.

Вѣдь вы меня не обманываете? Нѣтъ, нѣтъ, это было бы черезчуръ жестоко!... Вѣдь вы спасете моего мужа?

Я тебя еще разъ спрашиваю, хочешь ли про-

дать мнѣ кольцо? Отдавая кольцо, цыганка болѣе ничего тебѣ не говорила?

Мнѣ? Нѣтъ! Я не знаю этой ужасной женщины! Я ее никогда передъ этимъ не видѣла! Что она мнѣ еще сказала?

Да, да! она говорила, что я не буду въ состояніи спасти своего мужа, но, что я за него отомщу! А теперь онъ будетъ мнѣ возвращенъ? Неужели цыганка солгала?!

Гадалки часто врутъ, они всегда врутъ. Что ты хочешь за кольцо?

Молодая женщина сорвала его съ пальца и положила у ногъ государя.

Неужели я стану торговаться за кольцо, когда дѣло идетъ о свободѣ моего мужа? Не даромъ же я слышала, что вы, ваше величество, царь милостивый и справедливый!

Николай поднялъ кольцо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, подавилъ скрытую пружину и камень отскочилъ, открывая скрытый медальончикъ.

Да такъ, сказалъ монархъ, и все въ цѣлости.

Такъ что же ты хочешь за кольцо? спросилъ онъ вторично.

Молодая женщина, молча ломала себѣ руки.

Ладно, сказалъ царь, твой мужъ свободенъ? Но онъ не можетъ оставаться въ Петербургѣ, вамъ нельзя здѣсь оставаться! Потомъ онъ подошелъ къ письменному столу, написалъ нѣсколько строчекъ, всталъ и позвонилъ два раза.

Вошелъ дежурный адъютантъ.

Отвѣдите эту даму въ крѣпость! Пусть освободятъ ея мужа, арестанта № 8.

Бѣдная женщина не вѣрила своему счастію, она судорожно цѣловала ноги государя и рыдая отъ радости сказала:

Неужели это правда? Неужели это не сонъ?

Ступай, чтобы сонъ обратился въ дѣйствительность, сказалъ государь, съ страннымъ волненіемъ.

Иди, чтобы скорѣе освободить твоего мужа. При этихъ словахъ онъ самъ ее поднялъ и обратился къ адъютанту:

Помоги ей, ты видишь она слаба.

Адъютантъ подъ руку увелъ молодую женщину изъ кабинета государя.

Николай проводилъ ее задумчивымъ взоромъ и, когда дверь за ней затворилась, промолвилъ:

По крайней мѣрѣ, мнѣ удалось еще хоть ее осчастливѣть! Зачѣмъ не могу я всѣхъ такъ же осчастливѣть?! Но мои часы сочтены! Да, они сочтены?!.. Еще сегодня Нессельроде мнѣ сказалъ, что если до завтрашняго дня я не приму окончательнаго рѣшенія, Естергази будетъ отозванъ къ своему двору. Неужели принять четыре предложенные пункта?! Никогда! никогда! Мое рѣшеніе принято!

Государь принялся снова разсматривать кольцо.

Неужели это воля судьбы! прошепталъ онъ задумчиво. Неужели она подтверждаетъ ужъ разъ принятое рѣшеніе?! Онъ разстягнулъ мундиръ и зацѣпилъ кольцо на золотой крѣстъ, висѣвшій у него на груди.

Надо положить конецъ борьбѣ, продолжалъ онъ, а не то она окончательно сломитъ мои си-

лы. Роковой выборъ покориться ли, или продолжать настаивать на своемъ, терзаетъ мою душу при каждомъ новомъ извѣстіи, полученномъ изъ Крыма или Малой-Азіи. Сонъ бѣжитъ отъ меня и, я вѣчно чувствую, будто меня преслѣдуетъ грозный призракъ пораженія.

Николай осмотрѣлъ, прочно ли надѣто кольцо на цѣпочку и застегнулъ мундиръ.

Это кольцо было подарено княжнѣ Ловичъ, супругѣ великаго князя Константина Павловича, когда эта гордая и властолюбивая полька почти стояла на ступеняхъ царскаго престола, одной черкешенкой, вывезенной генераломъ Грабе съ Кавказа.

Возьми это кольцо! сказала она княжнѣ, съ которой была дружна, подъ этимъ камнемъ есть ядъ, который умѣютъ приготовлять только у насъ на Кавказѣ. Можетъ, ядъ когда нибудь тебѣ пригодится. Если враги твоего мужа восторжествуютъ, или пожалуй, въ минуту увлеченія, онъ тебя оттолкнетъ, какъ и многихъ другихъ женщинъ. Ты горда и не захочешь пережить такого позора.

Съ тѣхъ поръ княгиня не разставалась съ кольцомъ.

Послѣ смерти Александра I, когда войска, частью по не знанію, частью по подговорамъ, присягнули и провозгласили императоромъ великаго князя Константина, старшаго брата покойнаго монарха и слѣдовательно, законнаго наслѣдника, онъ началъ колебаться, принять ли ему корону или нѣтъ. Княгиня Ловичъ всячески

старалась внушить своему мужу честолюбіе и гордость.

Только трусъ способенъ отказаться отъ борьбы, даже не пытаясь одержать побѣду, воскликнула она, покажись войскамъ собравшимся передъ Лозенками, вѣдь они съ громкими криками взываютъ къ тебѣ! Покажись только имъ и корона твоя! Если тебя провозгласятъ императоромъ въ Варшавѣ, въ Петербургѣ, твой братъ не рѣшится возложить на свою голову царскій вѣнецъ, принадлежащій тебѣ. Будь мужчиной и ты будешь императоромъ!

Константинъ поколебался и ужъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ двери, ведущей на балконъ, чтобы показаться войскамъ, какъ вдругъ вошелъ его младшій братъ Михаилъ, только что прибывшій изъ Петербурга. Ему удалось убѣдить Константина отказаться отъ престола въ пользу второго брата, т. е. Николая.

Въ ту минуту, какъ Константинъ подписалъ актъ отреченія, княгиня страшно вскрикнула, это былъ крикъ львицы, за которой запиралась дверь желѣзной клѣтки, она прижала опалъ къ своимъ губамъ, но Константинъ замѣтилъ ее движеніе и во время вырвалъ у нее изъ рукъ кольцо. Съ тѣхъ поръ кольцо оставалось у него. Когда же поляки вытеснили его изъ Лозенокъ, онъ отсыпалъ себѣ половину, того, что содержалось въ кольцѣ и отослалъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми секретными документами, брату своему въ Петербургъ. Кольцо черкешенки долго украшало палецъ государя, пока Марія Ассенькова, которой онъ, какъ-то показалъ содер-

жимое кольца, его не отобрала отъ Николая, говоря:

Монарху не подобаетъ имѣть при себѣ ядъ. Въ минуту слабости онъ можетъ его принять, совсѣмъ позабывъ о благѣ своего народа. Ядъ принадлежность женщины, слабаго беззащитнаго существа, а никакъ не мужчины, который имѣетъ силу и свободу дѣйствій!

Марьѣ Ассеньковой не пришлось воспользоваться ядомъ, горе и отчаяніе вполнѣ замѣнили его.

Вотъ какимъ образомъ, благодаря слѣпому случаю, Николай сдѣлался снова владѣльцемъ кольца.

Да свершится воля провидѣнія! сказалъ онъ, когда молодая женщина удалилась.

Въ эту минуту вошелъ протопресвитеръ Бажановъ.

Осторожный священникъ оглядѣлся, точно боялся быть подслушаннымъ, подошелъ къ государю и сказалъ:

Ваше величество, на исповѣди вы изволили признаться...

Такъ что же?! Развѣ здѣсь церковь?

Ваше величество, мы одни, а вездѣ, гдѣ есть священникъ, можетъ происходить исповѣдь. Ваше величество, изволили говорить о сынѣ...

Лицо государя снова приняло обычный спокойный видъ, онъ думалъ, что исповѣдникъ будетъ говорить о другой тайнѣ, которую онъ ему такъ же довѣрилъ на исповѣди, по этому онъ сказалъ болѣе ласковымъ голосомъ:

Такъ что же: что о немъ узнали? Нашли его?

Его слѣды найдены, но онъ самъ еще не разысканъ.

При этихъ словахъ священникъ передалъ государю пачку писемъ, которую, какъ мы видѣли, Лейнингъ похитилъ изъ шкатулки у Савельева.

Государь развернулъ пачку и сталъ пробѣгать письма. При имени Марьи Ассеньковой лицо царя выразило нѣкоторое волненіе. Онъ продолжалъ чтеніе, но имя Савельева привлекло его вниманіе.

Кто это Савельевъ?

Ваше величество, сынъ, котораго похитила акушерка, подъ этимъ именемъ былъ отданъ въ гатчинскій воспитательный домъ.

Такъ тогда отправиться въ гатчинскій воспитательный домъ и тамъ справиться, что сталось съ ребенкомъ, и гдѣ онъ теперь...

Ваше величество, я тотчасъ же посылалъ въ Гатчину, но...

Что же?...

Тамъ знаютъ только, что Савельевъ сдѣлался солдатомъ и что въ послѣдствіи...

Священникъ замялся.

Чтожъ далѣе?

Онъ принималъ участіе въ заговорѣ Петрашевскаго и былъ сосланъ въ Сибирь.

Брови государя сморщились.

Какъ, мой сынъ принималъ участіе въ заговорѣ противъ меня! воскликнулъ онъ мрачнымъ голосомъ.

Подумайте, ваше величество, вѣдь онъ не

знал и до сихъ поръ не знаетъ, что онъ сынъ вашего величества...

Это правда! Но гдѣ же онъ? Откуда добылъ ты эти бумаги?

Священникъ отвѣчалъ, что поручилъ розыски графинѣ Бобринской, и что она привезла ему эти бумаги, какъ первый результатъ ея хлопотъ. Но графиня вполнѣ была убѣждена, что скоро разыщетъ и владѣльца этихъ писемъ, такъ какъ судя по бумагамъ онъ долженъ былъ быть въ Петербургѣ.

Государь зашагалъ по кабинету и наконецъ остановился передъ Бажановымъ.

Ты вѣрный слуга и я съумѣю тебя отблагодарить. Отъищи моего сына, но поскорѣе...

Ваше величество, вы покаялись мнѣ на исповѣди еще въ другой тайнѣ, въ ужасной тайнѣ, которая...

Лицо Николая приняло угрожающій видъ.

Ни слова объ этомъ!!

Ваше величество, продолжалъ священникъ, умоляющимъ голосомъ, ваше величество, подумайте, какую вы берете на себя отвѣтственность. Подумайте, какому наказанію подвергается тотъ, кто накладываетъ на себя руки!

Ни слова, говорю! На исповѣди, говори сколько хочешь, тамъ ты хозяинъ, ты тогда говоришь отъ имени Бога, а здѣсь — я государь.

Бажановъ замолчалъ.

Николай снова зашагалъ и остановился передъ священникомъ:

Да, ты вѣрный мой слуга и моему дому. Но кто тебѣ говоритъ, что плоды воображенія обра-

тятся въ дѣйствительность, что мысль обратится въ дѣло? Теперь ступай! Ты мнѣ принесъ радостную вѣсть, но увеличъ еще мою радость и приведи въ мои объятія сына Марьи Ассеньковой.

Графиня Бобринская...

Что, ей снова нужны деньги? Да, я знаю, что всякая вѣсть, которую она мнѣ приноситъ, обходится не дешево. Что ей надо?

Ваше величество, ея мужъ нуждается для одного промышленнаго предпріятія...

Деньги, деньги и деньги! Гдѣ-жъ мнѣ взять необходимое для окружающихъ меня?! Война дорого стоитъ! Ладно, я самъ поговорю съ графиней. Ея счастіе, что Канкринъ умеръ! Онъ всегда былъ противъ промышленныхъ предпріятій моихъ вельможъ. А теперь ступай мой вѣрный слуга.

Священникъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, но государь удержалъ его словами:

Благослови меня отче!

Бажановъ благословилъ монарха, который въ свою очередь съ благоговѣніемъ поцѣловалъ его руку.

Нѣсколько минутъ священникъ пристально смотрѣлъ на Николая, какъ бы желая разгадать его мысли. Ему показалось, что государь обратился къ нему съ какимъ-то странно взволнованнымъ голосомъ! Потомъ онъ медленно удалился изъ кабинета.

VIII.

Фаворитка, пригорюнившись, сидѣла въ своемъ будуарѣ. Ея взоры были устремлены на набережную Фонтанки, точно она кого нибудь поджидала. Какъ только слышался скрипъ саней по мерзлому снѣгу или равномѣрный топотъ рысака, она вскакивала и прикладывала лицо къ оледенѣвшимъ стекламъ, но напрасно; сани проносились мимо. Взоръ ея поминутно устремлялся на каменные часы, произведеніе знаменитаго барона Клодта, того самого, который впослѣдствіи вылѣпилъ дивный памятникъ Николаю передъ Исакіевскимъ соборомъ. Часы изображали государя въ казачьемъ мундирѣ верхомъ на ретивомъ конѣ. Стрѣлки часовъ по прежнему равномѣрно подвигались, но часъ, въ который царь имѣлъ обыкновеніе ее посѣщать, уже давно миновалъ, а его все еще не было.

— Ужь нѣсколько дней какъ Нелидова замѣтила, что государь сильно озабоченъ, взволнованъ и разсѣянъ. Между тѣмъ послѣдніе два дня онъ былъ съ ней любезнѣе, морщины на лбу нѣсколько разгладились, онъ снова сталъ доверчивымъ и ласковымъ, какъ въ былыя времена; оставался дольше, чѣмъ бывало, съ тѣхъ поръ, какъ началась Крымская кампанія. Когда же онъ удалялся, то казалось, что ему еще хотѣлось остаться съ ней, но что важныя дѣла заставляли уйти. Вчера онъ былъ въ особенности нѣженъ и добръ съ ней. Пять разъ онъ вставалъ и бралъ свою каску чтобы уйти, но всякій разъ снова возвращался къ ней. Когда

же наконецъ онъ уѣхалъ, его прощаніе было такъ трогательно, что Нелидова проплакала почти цѣлый часъ послѣ его отъѣзда.

Гдѣ онъ сегодня? Чего-жъ онъ не ѣдетъ къ ней, подѣлиться своимъ горемъ и искать утѣшенія?

Она вспомнила, что было засѣданіе государственнаго совѣта. Можетъ оно продолжалось долѣе обыкновеннаго? Можетъ проходили еще какія нибудь войска и государь поѣхалъ ихъ провожать? Онъ пріѣдетъ! Да онъ навѣрно пріѣдетъ позднѣе! Онъ вѣрно скоро будетъ!

Начинало смеркаться. Зимніе дни въ Петербургѣ коротки, но фаворитка по прежнему не спускала глазъ съ блестящаго снѣга.

Вдругъ снѣгъ захрустѣлъ. Она вскочила: дѣйствительно передъ подъѣздомъ остановились одиночные санки и изъ нихъ вышелъ офицеръ высокаго роста.

Сумерки не дали ей возможности разглядѣть лицо прибывшаго. Но сердце ей подсказало — что это онъ.

Нелидова подошла къ двери будуара. Въ залѣ раздавались поспѣшные шаги.

Это онъ, повторила она и замерла въ ожиданіи. Дверь отворилась и вошелъ офицеръ высокаго роста.

Ваше величество!... Воскликнула Нелидова, идя къ нему на встрѣчу. Но ея сердце ошиблось, какъ часто бываетъ въ жизни. Передъ ней стоялъ ея родственникъ графъ Клейнмихель, котораго всѣ ненавидѣли и боялись.

Это вы? обратилась къ нему фаворитка дро-

жащимъ голосомъ и отступила на нѣсколько шаговъ. Неожиданный приходъ министра ее встревожилъ. Фаворитъ съ мрачнымъ видомъ вошелъ въ комнату и остановился передъ молодой женщиной.

Въ изнеможеніи она пошатываясь подошла къ креслу и, чтобы не упасть, облокотилась объ его спинку...

Что случилось съ государемъ? скажите, что съ нимъ случилось? Онъ не умеръ? О, нѣтъ, нѣтъ, это не возможно!

Олимпіада Аркадіевна, надо мужаться, надъ нами разразился страшный ударъ.

Не мучьте же меня долѣе! Говорите, скорѣе, что случилось съ государемъ?

Государь болѣнъ, очень болѣнъ, онъ можетъ умереть...

Невозможно! воскликнула фаворитка, еще вчера онъ былъ здѣсь и былъ совершенно здоровъ.

Да, отвѣчалъ онъ, но болѣзнь ужь давно точила его сердце, точно ядовитый червь. Вчера, когда въ Семеновской казармѣ, гдѣ расположились сибирскіе козаки, мы его умоляли поберечь себя, онъ отвѣчалъ:

„У меня есть дѣла по важнѣе, чѣмъ забота о моемъ здоровіи!“ А сегодня я его засталъ въ постели. Правда, что Мантъ не находитъ ничего опаснаго въ его положеніи, но Карель и Енохинъ, въ особенности же Карель, многозначительно покачиваютъ головой. Карель сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Что опасность велика, подтверждается общимъ поведеніемъ отно-

сительно меня. Тѣ, которые прежде ползали во прахѣ у моихъ ногъ, для которыхъ моя улыбка была величайшей наградой, отворачиваются отъ меня, болѣе не хотятъ меня знать. Даже Бажановъ повернулся ко мнѣ спиной, дѣлая видъ, что меня не видитъ и заговорилъ съ Ростовцевымъ! А вѣдь Ростовцевъ мой заклятый врагъ! Я жъ хотѣлъ его сокрушить! Оскорбляя меня, они воображаютъ, что послужатся будущему государю! Но Николай живъ еще, онъ можетъ поправиться, тогда, подлѣцы, они всѣ почувствуютъ, что графъ Клейнмихель, подобно своему монарху, никогда ничего не забываетъ и не прощаетъ!

Нелидова не разслышала послѣднихъ словъ, она была погружена въ глубокія думы.

Олимпіада Аркадьевна, смерть государя губитъ насъ обоихъ. Намъ надо дѣйствовать!

Но что же мнѣ дѣлать? Не говорите, Бога ради, о смерти государя! Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ не долженъ умереть!!

Я такъ же надѣюсь, что на горе нашимъ врагамъ, онъ поправится. Однако его смерть не должна застать насъ въ расплохъ и оставить безъ покровительства.

Фаворитка съ удивленіемъ смотрѣла на фаворита не понимая его и даже не стараясь его понять.

Но онъ рѣшилъ воспользоваться ею какъ орудіемъ для своего спасенія, какъ онъ ужь раньше пользовался, чтобы окончательно упрочить свое положеніе.

Любитъ ли васъ государь? спросилъ онъ.

Слово любовь проникло въ ея сердце точно лучъ надежды.

Любитъ ли онъ меня?! отвѣчала она сквозь слезы: любитъ ли онъ меня?!

Разумѣется... я думаю... надѣюсь, что онъ меня любитъ!

Если такъ, то вамъ надо съ нимъ повидаться!

Съ нимъ повидаться! воскликнула съ радостью фаворитка, и на минуту горе было забыто. Да мнѣ надо съ нимъ видѣться... Я съ нимъ увижусь... Скорѣй, скорѣй мою карету!.. Она хотѣла позвонить, но графъ удержалъ ея руку.

Приходя, я велѣлъ запречь вашу карету, она вѣрно сейчасъ будетъ готова. Кто изъ фрейлинъ сегодня дежуритъ при больной императрицѣ?

Анна Абомелекъ...

Я это знаю, прервалъ ее Клейнмихель; княжна Абомелекъ заявила, что она нездорова и проситъ васъ замѣнить ее на эту ночь; вотъ ея письмо и онъ передалъ фавориткѣ раздушенную записку. Кто жъ еще? Вѣдь кажется всегда двѣ дежурныя фрейлины, неправда ли?

Маланія Слѣпцова!

Брови фаворитки насупились.

Маланія Слѣпцова, сказалъ онъ, это нѣсколько разстраеваетъ мои планы, такъ какъ она принадлежитъ къ партіи Ростовцева. Да ужь ничего не подѣлаешь! И такъ вы должны ѣхать въ Зимній дворецъ...

Сейчасъ, сейчасъ! воскликнула фаворитка и протянула руку къ звонку, но графъ снова остановилъ ее.

Олимпіада Аркадьевна прошу васъ выслушать меня. Прежде всего вамъ надо переодѣться, вы же знаете, что императрица очень строга насчетъ этикета.

Это вѣрно, пробормотала фаворитка.

И такъ вы замѣните княжну Абомелекъ и подъ какимъ нибудь предлогомъ пойдете напримѣръ, освѣдомиться о здоровіи государя, вы проникните къ больному. Если вы искустно приметесь за дѣло, то вамъ не будетъ трудно принять на себя маленькое порученіе.

Я его непремѣнно увижу! воскликнула съ радостью Нелидова.

Да, вы его увидите, вы должны его увидѣть необходимо, чтобы вы его уговорили принять меня наединѣ.

Казалось, что фаворитка его не поняла такъ какъ съ радостью сказала:

Я его увижу! нѣтъ, онъ не умретъ!

Да, вы его увидите, но не забывайте, что мнѣ такъ же нужно съ нимъ повидаться. Вѣдь дѣло идетъ о нашихъ обоюдныхъ интересахъ! Надѣюсь, что вы добьетесь этого у государя, онъ же васъ любитъ и ни въ чемъ вамъ не откажетъ!

Да, да, онъ меня любитъ! сказала фаворитка, забывая свое горе. Онъ не умретъ! Богъ не допуститъ его смерти.

Я такъ же надѣюсь, повторилъ Клейнмихель. Значитъ я могу на васъ надѣяться Олимпіада Аркадьевна. Но повторяю вамъ, помните, что мнѣ необходимо видѣться съ государемъ! Отъ этого зависитъ судьба насъ обѣихъ. Одѣвайтесь же, ваша карета ждетъ у подъѣзда.

IX.

Лейбъ-медикъ Мандтъ стоялъ подлѣ раненаго солдата и осматривалъ его покачивая головой.

Гмъ! гмъ! прошепталъ онъ, рана не опасна! Его лошадь просто ударила копытомъ! Но откуда же бредъ?! Это непонятно!

Дежурный офицеръ подошелъ къ нему.

Государь проситъ ваше превосходительство пожаловать!

Сейчасъ! и докторъ понюхалъ щепотку табаку.

Капитанъ, какъ фамилія этого солдата?

Савельевъ!

Аа? Савельевъ? Простое имя! Знаете ли вы какія нибудь подробности объ этомъ Савельевѣ?

Нѣтъ, мнѣ ничего не извѣстно кромѣ того, что государь велѣлъ его перенести сюда и поручить вашему попеченію.

Докторъ снова понюхалъ табаку, потомъ обратился къ офицеру: капитанъ, подойдите-ка ближе! Посмотрите внимательно на солдата... Кстати, какъ ваша фамилія?

Фелкерзамъ, отвѣтилъ офицеръ.

Да, Фелкерзамъ, имя мнѣ знакомо.

Посмотрите же со вниманіемъ на Савельева, на кого, по вашему, онъ похожъ?

На кого онъ похожъ? повторилъ онъ внимательно вглядываясь. Онъ кого-то напоминаетъ...

Да говорите прямо вашу мысль капитанъ.

Мнѣ кажется, что у него большое сходство съ....

Офицеръ замялся.

Да говорите же прямо, съ кѣмъ?

Да у него огромное сходство съ .... съ его величествомъ. Не будь этого шрама черезъ все лицо, его прямо можно было бы принять за государя.

Докторъ пристально посмотрѣлъ на офицера.

Вы ошибаетесь, сказалъ, нюхая съ чувствомъ щепотку табаку, вы ошибаетесь, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Не надо судить такъ поверхностно.

Капитанъ на него посмотрѣтъ съ удивленіемъ.

Ни малѣйшаго сходства, повторилъ Мандтъ, но въ тоже время подумалъ: онъ тоже нашелъ это сходство! Потомъ прибавилъ громко:

И такъ, какъ его зовутъ? Если его величество спроситъ объ имени солдата, какъ сказать?..

Савельевъ!

Отлично! И ворочая въ рукѣ золотую табакерку съ царскимъ портретомъ осыпанную брильянтами, Мандтъ сказалъ: рана не опасна, нѣсколькс холодныхъ компрессовъ и она вполнѣ заживетъ. Что же касается до горячки, это другое дѣло. Больного необходимо перенести въ гошпиталь. Досвиданія, капитанъ, я иду къ его величеству. При этихъ словахъ лейбъ-медикъ вышелъ изъ гауптвахты, а раненый снова началъ бредить, говоря глухимъ голосомъ:

Отецъ! Неужели я буду твоимъ убійцемъ?! Что сталось съ Наташей?

X.

Пока докторъ медленно подымался по ступенямъ Зимняго дворца, барабнъ на гауптвахтѣ глухо билъ вечернюю зарю.

Дойдя до перваго этажа, Мандтъ сперва отправился къ больной императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Докторъ, неправда ли, мой мужъ останется живъ? крикнула ему императрица. Неправда ли, онъ, такой крѣпкій и здоровый мужчина не сойдетъ въ могилу ранѣе меня, вѣдь вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ я все болѣю?

Лейбъ-медикъ приблизился къ постели императрицы, около которой сидѣла Нелидова, устремивъ вопросительный взоръ на доктора.

Ваше величество, сказалъ онъ, это припадокъ подагры къ которому присоединилась простуда. Его величество не достаточно бережетъ себя. Кромѣ того легкое поврежденіе легкаго, но это не опасно, паралича нѣтъ.

Глаза фаворитки радостно засверкали, а императрица съ чувствомъ пожала руки доктора.

Вѣдь вы, докторъ, его спасете? Признаюсь, я не имѣю особаго довѣрія къ русскимъ врачамъ Карелю и Енохину. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Арндтъ, вы единственная надежда и утѣшеніе нашего семейства, сказала императрица.

Фаворитка хранила молчаніе, но она не спускала умоляющаго взгляда съ доктора.

Ваше величество, не извольте безпокоиться, завтра или послѣ завтра, никакъ не позже, его величество самъ придетъ васъ навѣстить. Но на

слѣдующую весну вамъ необходимо поѣхать въ Палермо, непремѣнно въ Палермо!

Докторъ, я имѣю къ вамъ полное довѣріе, проговорила императрица вслѣдъ удалявшемуся лейбъ-медику, ворочившему по своему обыкновенію въ рукахъ золотую табакерку. Докторъ, я вамъ вполнѣ вѣрю.

Пусть ваше величество не изволитъ безпокоиться. Болѣзнь государя незначительная. Легкая простуда, что со всякимъ можетъ случиться, она такъ же быстро пройдетъ, какъ и пришла, былъ утѣшительный отвѣтъ Мандта.

Онъ наконецъ вышелъ. Императрица слѣдила за нимъ взглядомъ.

Ваше величество, не пойти ли освѣдомиться о здоровіи государя? спросила Нелидова.

Подожди, дитя мое, пока Мандтъ уйдетъ. Онъ искуснѣе русскихъ докторовъ, вѣдь онъ нѣмецъ.

Но ваше величество, не прикажете ли пойти позднѣе?

Разумѣется, разумѣется, дитя мое! отвѣтила императрица.

Слѣпцова, другая дежурная фрейлина, съ усмѣшкой посмотрѣла на фаворитку.

Лейбъ-медикъ медленно поднялся по ступенькамъ, ведшимъ въ покои больного. По мнѣнію Мандта докторъ никогда не долженъ спѣшить, это подорвало бы его авторитетъ. Онъ вошелъ въ комнату государя, только что задремавшаго на постели.

Карель и Енохинъ были у его изголовья и съ задумчивостью разсматривали мрачное лицо монарха.

Мандтъ топалъ ногами, входя. Оба доктора сдѣлали ему знакъ идти потише.

Онъ подошелъ своимъ коллегамъ и спросилъ: Ну что?

Плохо!! очень плохо! произнесъ Карель. Ни одно изъ прописанныхъ лекарствъ не дѣйствуетъ.

Ага! сказалъ Мандтъ; такъ надо попробовать другія средства. Наша наука имѣетъ достаточный запасъ...

Да, но я опасаюсь...

Вотъ-те разъ! опасаться? Государь не берегся и простудился. Скрытый ревматизмъ...

Это тоже можетъ сдѣлаться опаснымъ...

Ужъ это не мыслимо, когда мы здѣсь, былъ самоувѣренный отвѣтъ нѣмецкаго доктора.

Мы вѣдь не боги, а только доктора, возразилъ Карель... Я опасаюсь, что болѣзнь имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни...

Карель остановился.

Ну, что же, милѣйшій коллега, скажите ваше мнѣніе. „Tres faciunt collegium“. Насъ здѣсь трое, значитъ мы вполнѣ можемъ подѣлиться мнѣніями. И такъ, вы сказали...

Я и мой коллега, мы опасаемся, мы почти увѣрены, что...

Договаривайте же милѣйшій коллега.

Что государь отравленъ...

Мандтъ быстро поднялъ голову и бросилъ на государя испытывающій взглядъ, потомъ снова опустилъ руку въ свою табакерку и медленно съ чувствомъ понюхалъ щепочку. Подумавши, онъ подошелъ къ государю и пощупалъ его пульсъ.

Разъ, два, три, четыре, пять... принялся онъ считать удары. Пульсъ спокоенъ. Потомъ онъ приблизилъ ухо къ губамъ государя, слушая дыханіе:

Дыханіе правильно. Что васъ заставляетъ подозрѣвать отравленіе? обратился онъ къ своимъ коллегамъ.

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ никакихъ симптомовъ болѣзни, а силы государя замѣтно уменьшаются. Пощупайте пульсъ, онъ постепенно ослабѣваетъ, онъ...

Ну вотъ! Отъ того, что паціентъ государь, вамъ сейчасъ ужъ и кажется опасность! Его пульсъ дѣйствительно слабъ, но примите во вниманіе, что у человѣка прожившаго 60 лѣтъ, да въ добавокъ бурно, нѣтъ ужъ столько крови, какъ у восемьнадцати лѣтнаго юноши. По этому состояніе больного мнѣ кажется почти нормальнымъ. Жаловался ли государь на какую нибудь боль?

Нѣтъ, сказалъ Карель, и это именно меня и тревожитъ: быстрое ослабленіе силъ при полномъ разсудкѣ. Что касается до меня, то я опасаюсь худшаго.

Мандтъ снисходительно улыбнулся и пожалъ плечами.

Доктора разговаривали между собой такъ тихо, что никто не могъ ихъ подслушать.

Вдругъ государь глубоко вздохнулъ и проснулся.

Гдѣ Мандтъ? спросилъ онъ.

Я здѣсь, ваше величество.

Какъ здоровіе императрицы? продолжалъ государь.

Ея величеству лучше. Нервное возбужденіе. Это мучительно, но не опасно, отвѣчалъ лейбъ-медикъ.

Значитъ, она меня переживетъ? Бѣдная женщина!!

Мандтъ не понялъ смысла этихъ словъ, но Карель посмотрѣлъ на государя, потомъ перевелъ свой взглядъ на Енохина, точно желая сказать:

Мы были правы!

Между тѣмъ Мандтъ подошелъ къ государю, взялъ его за руку и принялся снова щупать пульсъ.

Охота вашему величеству говорить о томъ, кто кого переживетъ. Вы оба еще долго проживете. Ха, ха, ха, я хотѣлъ бы прожить столько, сколько проживетъ ваше величество, хотя я моложе вашего величества.

Ага? Ты думаешь, что я еще долго проживу, сказалъ государь, тономъ, нисколько не удивившимъ Мандта, но заставившимъ застыдь кровь въ жилахъ Кареля.

Потомъ царь обратился къ послѣднему, говоря:

Ты такого же мнѣнія?

Ваше величество... пробормоталъ вѣрный слуга.

Да, я знаю, что ты хочешь сказать. Мы всѣ смертны, царь, какъ и нищій. Вѣдь ты это хотѣлъ сказать? Ты хотѣлъ сказать, что вы, доктора, тоже иногда ошибаетесь? Превосходно, вы трое — врачи моего бреннаго тѣла, но гдѣ же

врачъ моей души, которая должна пережить мое тѣло? Карель, не надо ли мнѣ повидаться съ моимъ духовникомъ? Вѣдь неправда ли, иногда приходится сомнѣваться въ словѣ врача?

Карель не былъ въ состояніи отвѣчать — слезы его душили.

Позвать Бажанова, а ты Мандтъ, ступай къ государынѣ! Ты говоришь, что она страдаетъ нервами? Такъ укрѣпи же ея нервы! Быть можетъ судьба ей въ скорости готовитъ тяжелое испытаніе, и всѣ силы ея нервовъ ей пригодятся!

Ваше величество, чего вамъ безпокоить себя мрачными мыслями! Я вамъ часто повторялъ, что въ послѣднее время вы стали очень полнѣть. Я вамъ прописалъ средство противъ полноты, такъ какъ жиръ надавливая на селезенку, производитъ ипохондрію. Вы еще долго проживете, очень долго проживете съ вашей супругой.

Гмъ?! произнесъ государь страннымъ голосомъ. Вотъ какъ?! Все же ступай къ императрицѣ. Вѣдь подчасъ сознаніе близости доктора укрѣпляетъ нервы. Мандтъ вышелъ. На лестницѣ онъ встрѣтился съ Бажановымъ.

Ну, какъ здоровье государя? спросилъ онъ доктора.

Ревматизмъ и ипохондрія, отвѣчалъ Мандтъ.

Что, есть опасность?

Ни малѣйшей. Хорошо, батюшка, что я васъ встрѣтилъ: я только что по приказанію государя осмотрѣлъ одного раненнаго солдата...

Такъ что же? прервалъ его духовникъ... (Бывало не рѣдко, что государь поручалъ своимъ лейбъ-медикамъ уходъ за солдатами, раненными

въ его присутствіи). Вѣроятно государь не въ первое даетъ вамъ такое порученіе?

Разумѣется нѣтъ, но...

Что-жъ дальше?...

Я у солдата нашелъ сходство...

Хитрый священникъ, живо, поднялъ голову, но привычка долгихъ лѣтъ научила его сдерживать свои порывы. Онъ не хотѣлъ показать виду, что догадывается о чемъ хочетъ сказать докторъ.

Сходство? спросилъ онъ равнодушнымъ голосомъ.

Поразительное сходство съ его величествомъ!!

Гмъ! должно быть, игра природы. А князь Суворовъ, развѣ такъ же не похожъ поразительно на государя?

Разумѣется, разумѣется, отвѣчалъ Мандтъ и понюхалъ табачку. Онъ былъ черезчуръ привыченъ къ двору, чтобы выражать свои мысли черезчуръ откровенно. До свиданія батюшка. Его величество только что за вами послали, а я долженъ идти къ императрицѣ. И докторъ-дипломатъ удалился, боясь, что черезчуръ много высказалъ.

Духовникъ слѣдилъ за нимъ взглядомъ, пока онъ не вошелъ въ покои императрицы.

Вотъ какъ? Подумалъ онъ, солдатъ похожъ на государя! Надо полюбоваться этимъ сходствомъ! Государь мнѣ проститъ, если я его заставлю немного подождать. Да въ прочемъ меня еще не звали, а Мандтъ говоритъ, что государь не опасно болѣнъ.

Бажановъ спустился съ лѣстницы и вошелъ на гауптвахту.

Солдаты смотрѣли на него съ недоумѣніемъ, такъ какъ протопресвитеръ еще никогда не посѣщалъ гауптвахты.

Гдѣ солдатъ, котораго только что осматривалъ тайный совѣтникъ Мандтъ?

Караульный офицеръ указалъ на солдата, лежавшаго на койкѣ. Онъ спалъ и его грудь мѣрно вздымалась во снѣ.

Достаточно было одного взгляда, чтобы священникъ сразу замѣтилъ на обычайное сходство съ государемъ.

Какъ фамилія этого солдата? спросилъ онъ офицера.

Его зовутъ Савельевъ, отвѣчалъ тотъ.

Савельевъ? повторилъ священникъ, потомъ онъ прибавилъ про себя:

Я не ошибся! это онъ! Вѣдь такъ зовутъ солдата, у котораго нашли бумаги, которыя я передалъ государю. Капитанъ потрудитесь оставить меня наединѣ съ этимъ солдатомъ. Я долженъ съ нимъ поговорить.

Офицеръ съ поклономъ удалился.

Священникъ подошелъ къ нему и положилъ на его плечо руку.

Савельевъ! назвалъ онъ громко.

Но тотъ продолжалъ равномѣрно и спокойно дышать.

Савельевъ! повторилъ священникъ, и потрясъ солдата за правую руку. Должно быть правая рука у него еще сильно болѣла, такъ какъ онъ вскрикнулъ и открылъ глаза.

Что отъ меня надо? спросилъ онъ, но замѣтивши пресвитера онъ вскочилъ и попросивъ благословенія у священника поцѣловалъ съ уваженіемъ его руку.

Пресвитеръ благословилъ его и продолжалъ:

Ты солдатъ Савельевъ?

Солдатъ молча сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

Ты былъ опрокинутъ лошадью государя?

Солдатъ снова знакомъ головы отвѣчалъ утвердительно на вопросъ священника.

У тебя былъ револьверъ въ рукѣ?

Да, отвѣтилъ солдатъ.

Что ты хотѣлъ съ нимъ сдѣлать?

Я хотѣлъ убить государя!...

Убить государя?! воскликнулъ Бажановъ въ ужасѣ.

Да! а потомъ самого себя! добавилъ спокойно солдатъ.

Несчастный! Зачѣмъ же это двойное убійство? Что тебя на это толкнуло?

При этомъ вопросѣ солдатъ упалъ на колѣни, глаза наполнились слезами.

Въ чемъ я никогда бы ни передъ кѣмъ не сознался я покоюсь тебѣ, батюшка. Вѣдь ты, какъ священникъ источникъ утѣшенія и милосердія.

Онъ схватилъ пресвитера за руку и орасилъ горячими слезами.

Бажановъ поднялъ его и сказалъ:

Садись и разскажи мнѣ свою исповѣдь. Вѣдь только какія нибудь ужасныя мысли могли тебя довести до такого страшнаго рѣшенія!

Охъ, батюшка, я много перестрадалъ!

Богъ намъ посылаетъ страданія въ видѣ испытанія. Смиреніе и молитва даютъ намъ утѣшеніе въ горѣ, а никакъ не преступленіе. Садись же и разскажи мнѣ свое прошлое, чтобы я могъ тебѣ передать утѣшеніе церкви.

Солдатъ разсказалъ ему свою печальную судьбу, начиная съ того, какъ выросъ сиротой въ Гатчинскомъ воспитательномъ домѣ; какъ онъ мечталъ сдѣлать себѣ карьеру, ставъ солдатомъ; и, наконецъ, какъ за сочувствіе золотымъ мечтамъ Петрашевскаго онъ попалъ въ Сибирь. Онъ описалъ свой побѣгъ изъ Сибири; про то какъ сражался подъ русскими знаменами, напрасно, надѣясь, цѣною крови искупить свой проступокъ; какъ его генералъ самъ хлопоталъ о помилованіи, но безъуспѣшно; какъ его товарищи не желая отправлять въ Сибирь, какъ преступника, дали ему возможность бѣжать; какъ вмѣсто того, чтобъ перейти къ непріятелю, онъ предпочелъ пройти не одну сотню верстъ, чтобы дойти до Петербурга въ надеждѣ вымолить себѣ прощеніе у государя. Упомянулъ такъ же, какъ онъ встрѣтилъ и полюбилъ Наташу, какъ онъ однажды утромъ явился къ Курдюбекову и нашелъ его павшимъ отъ руки неизвѣстнаго убійца и что съ тѣхъ поръ онъ не можетъ отыскать Наташу. Сказалъ такъ же, что случайно встрѣтилъ цыганку Марфушу, которая ему призналась, что она его бабушка. Что съ тѣхъ поръ, какъ онъ утратилъ Наташу онъ и день и ночь ее отыскивалъ и наконецъ въ полномъ отчаяніи и почти лишившись раз-

судка, рѣшилъ убить того, кого считалъ виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдъ, а потомъ покончить и съ собой. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что государь его отецъ! Родительское сердце узнало бы сына и подъ солдатской шинелью.

Священникъ со вниманіемъ слушалъ исповѣдь Савельева. Онъ зналъ всю выгоду, которую можно будетъ почерпнуть если привести государю сына его любовницы, Маріи Ассеньковой, которую онъ и до сихъ поръ оплакиваетъ.

Когда солдатъ окончилъ свой разсказъ, священникъ всталъ и сказалъ ему, кладя руку на плечо:

Терпѣніе и смирѣніе, сынъ мой! Молись Богу! быть можетъ тебя ждетъ лучшее будущее, которое тебя вознаградитъ за всѣ твои испытанія. Но никому не говори о твоихъ преступныхъ замыслахъ, ни о томъ, что ты узналъ отъ цыганки, что, впрочемъ, вѣроятно ни что иное какъ рядъ выдумокъ. Слышишь ли, никому не говори!

А Наташа? сказалъ солдатъ. Гдѣ Наташа? Бѣдная дѣвушка, гдѣ она?

Наташа найдется! Но если ты хоть кому нибудь скажешь о своемъ бывшемъ намѣреніи, или о своей мнимой тайнѣ, это будетъ твое горе и погибель, а Наташа на вѣки для тебя пропадетъ.

Священникъ его еще разъ поблагословилъ и вышелъ.

Солдатъ остался на постели, съ опущенной головой, погруженный въ глубокія размышленія.

Бажановъ поднялся въ комнаты государя и въ пріемной засталъ Кареля, который, повидимому, его ожидалъ.

Батюшка, сказалъ ему докторъ, государь васъ ожидаетъ, но прежде, чѣмъ вы къ нему пойдете, я имѣю къ вамъ передать пару словъ...

Что вамъ угодно?

Болѣзнь государя...

Не опасна, какъ мнѣ сказалъ докторъ Мандтъ четверть часа тому назадъ, прервалъ его пресвитеръ.

Охъ! дай Богъ, чтобы Мандтъ не ошибся! Дай Богъ, чтобы онъ сказалъ правду! Что же касается до меня, то я не раздѣляю его надеждъ.

Развѣ вы другого мнѣнія? спросилъ встревоженный духовникъ.

Передъ Богомъ и моей совѣстью: да!

Развѣ государю дѣйствительно такъ плохо?

Да, батюшка, и онъ самъ убѣжденъ, что ему осталось не долго жить.

Докторъ, вы меня пугаете!

Я васъ ждалъ, чтобы вамъ высказать, что моя совѣсть не допускаетъ скрыть отъ васъ. Вы должны подготовить царское семейство къ удару который можетъ очень скоро разразится надъ нимъ.

Но въ чемъ же заключается болѣзнь государя!

Ее окружаетъ непроницаемый мракъ, даже для науки. Ея симптомы такъ странны, такъ несогласны между собой, что я не безъ причины опасаюсь... Докторъ замялся.

Чего же вы опасаетесь?

Я боюсь, что государь отравленъ...

Все таки!...

Эти слова невольно сорвались у духовника. Онъ отдалъ бы полъ жизни, чтобы ихъ вернуть.

Докторъ услышалъ эти загадочныя слова и устрѣмилъ пристальный взоръ на пресвитера, который, впрочемъ, скоро оправился и выдержалъ взглядъ врача.

Я поджидалъ васъ, батюшка, именно для того, чтобы узнать изъ вашихъ устъ, если еще не поздно истину, которую скрываютъ отъ насъ — докторовъ. Можетъ еще не поздно! Можетъ его еще можно спасти!

Въ эту минуту изъ комнаты государя вышелъ генералъ-адъютантъ и, увидѣвши священника, прямо подошелъ къ нему:

Батюшка, государь ужъ нѣсколько разъ объ васъ спрашивалъ. Онъ ждетъ васъ съ возростающимъ нетерпѣніемъ.

Сейчасъ иду, сказалъ духовникъ, и, схвативъ обѣ руки доктора, сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ: я исполню свою обязанность, даже болѣе, чѣмъ повелѣваетъ мнѣ долгъ, если это только будетъ возможно. Вы меня понимаете! Что же касается до того, что вы мнѣ сказали, то это останется между нами тайной.

Карель молча поклонился.

Потомъ священникъ и докторъ вошли въ комнату государя, который не могъ видѣть вошедшихъ, такъ какъ лежалъ повернувшись лицемъ къ стѣнѣ.

Государь, онъ пришелъ, доложилъ Енохинъ, стоявшій подлѣ постели царя.

Хорошо. Оставьте меня, слышите ли, всѣ! Я хочу остаться наединѣ съ врачемъ моей души.

Всѣ вышли изъ комнаты и Николай остался наединѣ съ духовникомъ. Всѣ же остальные ждали въ пріемной пока имъ будетъ позволено вернуться.

Духовникъ долго оставался у государя, но что они между собой говорили осталось на вѣки неизвѣстнымъ.

Когда Бажановъ вышелъ изъ спальни царя, слезы наполняли его глаза. Онъ остановился подлѣ Кареля и шепнулъ ему: Вы были правы, вѣрный Карель, государь болѣнъ, опасно болѣнъ, я даже боюсь, что ужь нѣтъ никакой надежды! Пробуйте средства, которые вамъ даетъ наука, а я буду молить Всевышняго, чтобы Онъ ваши заботы увѣнчалъ успѣхомъ. Но помните, что ничего не подтверждаетъ вашихъ опасеній и, слѣдовательно, они должны, на вѣки, остаться въ тайнѣ.

Пресвитеръ спустился съ лѣстницы и направился въ покои императрицы.

Въ эту минуту фаворитка вошла въ пріемную. Мраморная блѣдность покрывала ея черты, она шла пошатываясь.

Куда вы идете? спросилъ духовникъ Нелидову.

Ея величество изволили меня послать къ государю, чтобы освѣдомиться о здоровіи его величества.

По желанію государя я лично иду къ ея величеству государынѣ императрицѣ. Но вамъ нельзя идти въ комнату государя.

Фаворитка смотрѣла на священника, но казалось, его не поняла, такъ какъ продолжала подыматься по направленію къ комнатѣ государя. Тогда пресвитеръ схватилъ ее за руку и повторилъ:

Вамъ нельзя войти въ комнату государя!

Нелидова посмотрѣла на него съ ужасомъ и сказала дрожащимъ голосомъ:

Я не могу государя видѣть? Я? Нѣтъ, это невозможно! Этого быть не можетъ!

Такъ какъ его величеству не извѣстно было ваше присутствіе во дворцѣ, то государь поручилъ мнѣ предупредить васъ сколь возможно осторожнѣе, что онъ не желаетъ васъ больше видѣть въ Зимнемъ Дворцѣ.

Это неправда! Это невозможно! Не будьте такъ жестоки! Я знаю, что вы мой врагъ! Вы хотите меня удалить. Не государь, а вы не хотите, чтобы я съ нимъ видѣлась! Не играйте въ такую жестокую игру съ бѣдной, беззащитной женщиной! Мнѣ необходимо видѣть государя, хоть на одну минуту!

Она въ горѣ почерпнула силу и, все таки, направилась къ комнатѣ государя. Священникъ ее снова удержалъ и обратился къ дежурному флигель-адъютанту:

Доложите его величеству, что фрейлина Нелидова проситъ быть принятой.

Адъютантъ вошелъ къ государю, но почти тотчасъ же вышелъ.

Въ настоящую минуту государь не можетъ васъ принять, сказалъ онъ, вежливо, подавая руку Нелидовой, и поручилъ мнѣ проводить васъ къ императрицѣ.

Лучъ надежды блеснулъ въ сердцѣ фаворитки, но увы, не на долго, въ передней императрицы адъютантъ взялъ ея шубу и ловко накинулъ на плечи удивленной Нелидовой.

Что это значитъ? воскликнула она.

Я ничего не хотѣлъ говорить при посторонних свидѣтеляхъ, отвѣчалъ адъютантъ съ вѣжливостью: Его величество приказалъ мнѣ проводить васъ домой, и запретить вамъ... васъ проситъ...

Кто?... вскрикнула Нелидова.

Васъ проситъ не вступать болѣе въ Зимній Дворецъ.

Я болѣе не должна...

Простите, это для меня очень тяжелая обязанность... тѣмъ болѣе, что я васъ глубоко уважаю... Да, его величество желаетъ — вы меня понимаете, я не хотѣлъ бы употреблять болѣе непріятныхъ словъ. Его величество желаетъ, чтобы вы болѣе не переступали порога Зимняго Дворца. Государь говоритъ, что семейныя отношенія ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ вашего присутствія. Еще разъ простите, хотя это и тяжелая обязанность, но все же обязанность...

Фаворитка оскорбленная въ своей любви и въ своемъ самолюбіи не слышала его извиненій, она лишилась чувствъ.

Адъютантъ поднялъ ее и какъ ребенка отнесъ въ карету, проводилъ домой и передалъ на руки горничной совершенно въ безсознательномъ состояніи.

Священникъ слѣдилъ за ней взглядомъ, пока

она вмѣстѣ съ адъютантомъ не покинула дворца, тогда онъ вошелъ въ комнаты императрицы.

Тамъ онъ оставался довольно долго. Удалившись отъ императрицы, онъ направился на дворцовую гауптвахту.

XI.

Разбойникъ Петровичъ обтеръ кровь, брызнувшую ему въ глаза и на минуту ослѣпившаго его.

Ага, дѣвченка, ты хотѣла отъ меня удрать? подшучивалъ онъ. Ты хотѣла выскользнуть изъ моихъ рукъ? Ты не знала Петровича! Вотъ теперь ты хорошо наказана, вѣдь мой ножъ острый, ой, ой, ой, какой острый! Онъ, пошатываясь, побрелъ къ столу. Высекъ огня и сталъ отыскивать свѣчу.

Наконецъ, онъ ее нашелъ, зажегъ и вернулся не твердой поступью къ дверямъ. Тѣло при паденіи легко поперегъ двери, мѣшая ей затвориться. Какъ только Петровичъ подошелъ, холодный вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо.

Гдѣ-жъ дѣвченка? пробормоталъ разбойникъ озираясь.

Блѣдный, дребезжащій свѣтъ освѣтилъ, вмѣсто тѣла Наташи, тѣло какого-то мужчины захлебывающагося кровью. Кровь струилась у него изо рту и изъ глубокой раны на груди обливая землю красной лужей.

Что это такое?! вскричалъ Петровичъ. Ужели я обманутъ?! Что это за ночная птица? Онъ приблизилъ свѣчу къ лицо умирающаго.

Макаровъ! сказалъ онъ. Ахъ, это ты?! Ладно, теперь ты узналъ, хоть не много поздно, что не слѣдуетъ соваться въ дѣла Петровича. Но гдѣ же дѣвченка? крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ и, швырнувъ свѣчку пустился въ погоню за бѣглянкой, не обращая никакого вниманія на умирающаго.

У дверей онъ остановился и сталъ прислушиваться. Онъ не зналъ, какое она приняла направленіе. Вдругъ до его слуха долетѣлъ звукъ быстрыхъ шаговъ. Какъ левъ, у котораго ускользаетъ добыча, бросился онъ въ ту сторону. Вдали ему виднѣлась женская фигура, скользившая по снѣгу, точно черная точка. Онъ ускорилъ бѣгъ и разстояніе между нимъ и черной точкой стало быстро уменьшаться. Передъ первой черной точкой онъ скоро увидѣлъ вторую бѣгущую точку.

Кто бы это могъ быть? Чтобы это значило? подумалъ разбойникъ и послѣ этого открытія еще ускорилъ свой бѣгъ. Чѣмъ разстояніе между нимъ и двумя точками уменьшалось, тѣмъ отчетливѣе стали обрисовываться человѣческія фигуры, но онъ не могъ еще различить мужчина ли это или женщина.

Вдругъ изъ какого-то переулка полной рысью выѣхала извощичья карета. Разбойникъ не успѣлъ отскачить въ сторону и наткнулся прямо на дверцу кареты. Двѣ желѣзныя руки схватили его изъ окна и не выпускали, пока кучеръ не остановилъ лошадей.

Что значитъ этотъ сумасшедшій бѣгъ? спросилъ, сидѣвшій въ каретѣ. Что мы на царскосельскихъ скачкахъ, что ли?

Разбойникъ тотчасъ узналъ говорившаго.

Алексѣй Александровичъ, ради бога пустите меня! умолялъ онъ, вѣдь каждая минута промедлѣнія увеличивала разстояніе между нимъ и бѣглянкой.

Ага?! Ты меня знаешь дружечекъ? возражалъ Алексѣй Александровичъ. Это былъ тотъ самый приставъ, котораго похищали англичане и который за недосмотръ былъ переведенъ изъ Выборгской части въ Ямскую. Покажите-ка свою рожу! и онъ поближе привлекъ къ себѣ разбойника.

Ба! Да это Петровичъ! сказалъ онъ разсмотрѣвши забрызганное кровью лицо негодяя. Ба! да что у тебя за рожа? Должно быть опять гдѣ нибудь накуралѣсилъ?

Алексѣй Александровичъ, не задерживайте меня, необходимо...

Отправляться со мной въ часть, вотъ что тебѣ необходимо сдѣлать, братъ, и даже не умывшись.

Алексѣй Александровичъ, я вамъ дамъ пять сотенныхъ...

Сейчасъ?

Да, сейчасъ.

Значитъ, они при немъ и я ихъ у него отберу въ части, подумалъ достойный приставъ. Потомъ онъ прибавилъ, указывая на кучера:

Невозможно братецъ, въ части посмотримъ, что можно будетъ для тебя сдѣлать. Ты вѣдь, братъ, знаешь, что я всегда готовъ тебѣ помочь.

Алексѣй Александровичъ, умоляю васъ, отпустите меня, а не то случится большое несчатіе...

Ага, ты думаешь, дядюшка Петровичъ? сказалъ приставъ, толкая кучера.

Въ одно мгновеніе, прежде, чѣмъ разбойникъ успѣлъ опомниться, кучеръ накинулъ на него петлю, которая была, по обыкновенію, припасена, на всякій случай, и въ тоже время приставъ подалъ сигналъ свисткомъ.

Слушай! раздалось съ сосѣдняго поста.

Приставъ снова свистнулъ.

Черезъ минуту городовой стоялъ подлѣ своего начальства, а негодяй напрасно искалъ въ карманѣ ножъ, оставленный въ ранѣ Макарова.

Вязать его! приказалъ приставъ городовому.

Сейчасъ ваше высокоблагородіе я сбѣгаю за веревками въ участокъ.

Возьми пока возжи и свяжи покрѣпче этого молодца. Таковъ былъ приказъ пристава. Онъ не любилъ оставаться наединѣ съ разбойниками, сила и рѣшимость которыхъ были ему хорошо извѣстны. Въ участкѣ возжи замѣнишь веревками.

Городовой крѣпко скрутилъ Петровичу руки за спину.

Теперь садись на извощика и хорошенько держи молодца, продолжалъ приставъ, потомъ обращаясь къ кучеру: я полагаю, что ему теперь не нуженъ галстукъ, не смотря на морозъ онъ не простудится.

Кучеръ снялъ петлю съ шеи негодяя, когда тотъ уже хрипѣлъ:

Алексѣй Александровичъ, я этого отъ васъ никакъ не ожидалъ.

Эхъ, голубчикъ, мало ли чего не бываетъ,

чего мы не ожидаемъ, поэтому незачѣмъ и думать.

Городовой втащилъ разбойника въ карету, посадилъ подлѣ себя и крѣпко держалъ своими желѣзными руками. Вдругъ лучъ луннаго свѣта освѣтилъ лицо арестованнаго, солдатъ вскрикнулъ въ ужасѣ:

Ваше высокоблагородіе, у него вся рожа въ крови.

Дуракъ, возражалъ спокойно приставъ, ты это только теперь замѣтилъ, вотъ какъ ты исполняешь свою службу?! Пошелъ въ часть, приказалъ онъ кучеру. Петровичъ мрачно озирался, но не произнесъ ни слова. Онъ не могъ признаться въ причинѣ своего бѣга, такъ какъ этимъ онъ выдалъ бы только что совершенное убійство.

Въ этотъ промежутокъ времени обѣ особы, которыхъ преслѣдовалъ Петровичъ, ушли далеко. Наташа, которой страхъ и отчаяніе просто дали крылья, уходила все далѣе и далѣе отъ своего преслѣдователя Товарова, такъ какъ это былъ онъ.

Какъ читателю уже извѣстно, Товаровъ покинулъ, знакомый намъ Ренскій погребъ, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ. По своему обыкновенію Макаровъ не сказалъ ему ничего о цѣли своего предпріятія, а только приказалъ:

Иди со мной!

Въ глубинѣ души Товаровъ не былъ золъ, а только слабохарактеренъ, а слабохарактерность часто ведетъ къ пороку. Въ другомъ кругу, онъ, пожалуй, былъ бы любимъ и уважаемъ, но те-

перь его ненавидѣли и призирали. Едва достигнувъ девяднадцати лѣтняго возроста, онъ покинулъ военное училище и былъ посланъ на Кавказъ въ гарнизонъ. Быть въ гарнизонѣ вообще не весело, а жить въ тѣ времена въ маленькихъ крѣпостяхъ на Кавказѣ, отрѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ немирнами черкесами было совсѣмъ скучно. Офицеры были лишены положительно всякаго общества и чтобы разогнать скуку были вынуждены обращаться къ картамъ и водкѣ. Товаровъ, вмѣстѣ съ прочими такъ же предался игрѣ и вину. Весной Товаровъ взялъ отпускъ для купанія въ Кисловодскѣ. На эти воды всегда собиралось пропасть офицеровъ, по большей части старыхъ служакъ, имѣющихъ единственнымъ средствомъ къ жизни карточную игру, или вѣрнѣе сказать шулерство. Эти господа скоро забрали Товарова въ свои сѣти и обобрали дочиста и безъ того не большое его состояніе. Не будучи въ состояніи жить на жалованіи, онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Россію, гдѣ сразу попалъ въ компанію своего двоюроднаго брата Макарова и съ нимъ вмѣстѣ быстро прошелъ всю школу порока.

Сегодня прокутивши цѣлый день съ Макаровымъ, онъ за нимъ послѣдовалъ не спрашивая куда и за чѣмъ.

Онъ не видѣлъ паденія своего двоюроднаго брата, такъ какъ передъ нимъ проскользнуло какое-то существо, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ Наташу.

Теперь онъ зналъ, зачѣмъ приходилъ сюда его двоюродный братъ, и пустился за ней въ

погоню, чтобы она во второй разъ не могла ускользнуть отъ нихъ, но вино и водка черезчуръ отягчили его ноги и поэтому растояніе между нимъ и Наташей все увеличивалось.

Ужъ они оставили за собой пустынныя улицы Ямской части; Наташа стала приближаться къ Обводному каналу, какъ вдругъ оступилась и упала, такъ сильно ударившись объ камень, что лишилась чувствъ.

Товаровъ видѣлъ ея внезапное исчезновеніе, остановился, перевелъ духъ и снова пустился бѣжать. Онъ непремѣнно хотѣлъ привести Наташу къ своему Макарову.

Вдругъ онъ увидѣлъ у своихъ ногъ распростертую черную массу, присмотрѣлся и узналъ Наташу. Когда Товаровъ видѣлъ бѣгущую Наташу, онъ за ней послѣдывалъ, не давая, съ пьяна себѣ отчета, что дѣлаетъ, а теперь остановился въ недоумѣніи. Наташа лежала безъ чувствъ.

Онъ хотѣлъ ее понести, но скоро долженъ былъ отъ этого отказаться, она была черезчуръ тяжела для пьянаго и онъ былъ вынужденъ снова ее положить на полъ.

Что ему дѣлать съ дѣвушкой? Надо ее злѣсь оставить, подумалъ онъ. Какое мнѣ, въ сущности до нея дѣло? Пусть Макаровъ самъ ее забираетъ, коли хочетъ! Довольно того, что я бѣжалъ какъ съумашедшій. А гдѣ же мой двоюродный братъ? Пожалуй онъ преспокойно ожидаетъ, что я ее принесу?...

Товаровъ ужъ хотѣлъ удалиться, но его доброе сердце одержало верхъ, онъ замѣтилъ, что

Наташа была безъ шубы и вообще легко одѣта.

Нельзя же ее оставить въ такомъ положеніи, она помретъ отъ холоду! Все таки слѣдовало бы ее унести. Но куда? къ себѣ? Невозможно! это черезчуръ далеко!...

Онъ замѣтилъ неподалеку голубоватый дымъ, черезъ который сквозило красное пламя.

Ба! вотъ и отлично! воскликнулъ онъ. Это будка! Онъ направился къ будкѣ, передъ которой стоя спалъ городовой, облокотясь на алебарду, а внутри будки пылалъ веселый огонекъ.

Кавалеръ! а кавалеръ! обратился онъ къ городовому.

Кавалеръ преспокойно продолжалъ свои размышленія.

Товаровъ потрясь его за руку.

Городовой проснулся и протеръ глаза руками.

А что тамъ? крикнулъ онъ зевая.

Кавалеръ, сказалъ Товаровъ, вотъ тамъ на землѣ лежитъ женщина.

Пущай себѣ лежитъ и спитъ, произнесъ глубокомысленно городовой, должно быть пьяна! Да и ты, братъ, кажется, не на тощакъ. Ступай проспись.

Помилуй, кавалеръ, она помретъ отъ холоду!

Это мнѣ рѣшительно все равно, она была бы не первая, окалѣвшая на морозѣ. А теперь проваливай, прибавилъ городовой, и снова облокотился на свою алебарду чтобы продолжать прерванный сонъ.

Но кавалеръ, возражалъ Товаровъ...

Проваливай, говорятъ тебѣ, буркнулъ городовой отталкивая Товарова рукояткой своей алебарды.

Его товарищъ, грѣвшійся въ будкѣ передъ тѣмъ, чтобы стать на постъ услышалъ ихъ споръ и вышелъ.

Что тамъ такое? спросилъ онъ:

Товаровъ повторилъ ему все, что ужъ сказалъ первому городовому.

У русскаго простолюдина доброе сердце и солдатъ только что пользовавшійся благами теплоты не захотѣлъ дать ближнему умереть отъ холода.

Гдѣ она лежитъ? спросилъ онъ Товарова.

Товаровъ повелъ его къ мѣсту, гдѣ лежала Наташа.

Городовой взялъ молодую дѣвушку, отнесъ ее въ будку, положилъ подлѣ огня и покрылъ овчиной.

Такая молодая и хорошенькая! сказалъ солдатъ покачивая головой, и ужь пьяная валяется по улицамъ! Да, свѣтъ становится съ каждымъ днемъ все хуже и хуже! Не такъ было, когда мы были еще молоды! проповѣдывалъ солдатъ, грѣя руки у огня.

Товаровъ остановился въ недоумѣніи идти ли ему на поиски Макарова или нѣтъ. Онъ сообразилъ, что ночью и думать нечего отыскать незнакомое для него мѣсто, откуда онъ началъ преслѣдовать Наташу, по этому онъ преспокойно вернулся домой, предоставивъ Макарова своей судьбѣ.

XII.

Пестрая толпа народу окружала Зимній Дворецъ, точно вопрошая его стѣны о здоровіи государя.

Появился второй булетень о здоровіи государя подписанный Мандтомъ, Карелемъ и Енохинымъ, но онъ былъ неутѣшителенъ. Различныя чувства волновали толпу, одно только сразу исчезло изъ всѣхъ сердецъ — это чувство ненависти, оно замѣнилось безпокойствомъ всегда возбуждаемымъ неизвѣстностью. Національное самолюбіе русскихъ боялось смерти Николая, предчувствуя, что его наслѣдникъ заключитъ позорный для Россіи миръ.

Лишь только кто нибудь выходилъ изъ Зимняго Дворца, его тотчасъ же обступали и спрашивали о состояніи здоровья государя, не лучше ли ему. Но обыкновеннымъ отвѣтамъ было грустное покачиваніе головой.

Внутри дворца царило тяжелое, зловещее спокойствіе и тишина. Слышался только сдержанный шопотъ даже въ самыхъ отдаленныхъ комнатахъ боялись говорить, чтобы не выказать равнодушія къ болѣзни государя, дабы не компрометировать себя на случай его выздоровленія, а боялись такъ же выказать черезчуръ много сочувствія, чтобы не стать въ враждебныя отношенія къ фаворитамъ будущаго царствованія. Всѣ боялись другъ друга, избѣгали другъ друга, чтобы ни словомъ ни движеніемъ не компрометировать своего положенія.

Подлѣ больной императрицы Александры Федоровны, окруженной своими дочерьми Маріей и Ольгой, находился протопресвитеръ, стараясь придать имъ мужества и подготовить ихъ къ неминуемой потери.

Въ пріемной комнатѣ государя собрались его ближайшіе царедворцы, министры, старый другъ Волконскій, Клейнмихель, Перовскій, Адлербергъ и другіе свѣтила и сподвижники его блестящаго царствованія.

Наслѣдникъ цесаревичъ былъ взволнованъ и блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ, подперши голову правой рукой, а лѣвая была отпущена. Подлѣ него стояли его младшіе братья Николай и Михаилъ, одного Константина не хватало — онъ былъ подлѣ умирающаго отца.

Я знаю твое честолюбіе. Мнѣ не безизвѣстно, что ты мечтаешь о коронѣ, которую всевышній очень скоро отъ меня отберетъ, чтобы передать твоему старшему брату, моему наслѣднику, сказалъ Николай.

Папа, вы еще долго проживете, еще долго корона будетъ вѣнчать ваше чело.

Ты не отвѣчаешь на мои слова. Дай мнѣ честное слово, что ты не будешь стараться свергнуть съ престола твоего брата!

Константинъ хранилъ молчаніе.

Ты молчишь? продолжалъ Николай. Значитъ мои подозрѣнія основательны! Давно я слѣжу за тобой: благочестіе, которымъ ты такъ кичишься, твой Мраморный Дворецъ, наполненный старыми иконами, подобными тѣмъ, которыя почитаются раскольниками, твои отношенія къ

солдатамъ, деньги, которые ты расходуешь на уплату офицерскихъ долговъ, все это ведется, чтобы пріобрѣсть благораспоряженіе и преданность народа и войска. Но помни, что дворянство, къ которому ты не разъ выражалъ свое пренебреженіе, тебя ненавидитъ и боится.

Константинъ по прежнему молчалъ.

Николай продолжалъ:

Ты такъ же мой сынъ, какъ и Александръ! Въ тебѣ есть энергія и сила воли, между тѣмъ, какъ Александръ унаслѣдовалъ добрый и уступчивый характеръ своего дяди, имя котораго онъ и носитъ. Я предпочелъ бы тебя видѣть своимъ старшимъ сыномъ, такъ какъ въ эту минуту Россія нуждается въ твердой и сильной рукѣ какъ моя, чтобы управлять ея судьбой. Но богъ судилъ не такъ и Александръ мой старшій сынъ. Онъ твой старшій братъ и ты долженъ предъ нимъ смириться, такъ какъ онъ будетъ твоимъ государемъ. Да, можетъ сегодня или завтра онъ станетъ государемъ, а я не хочу, чтобы мое семейство показывало народу примѣръ раздора. Я не хочу, чтобы одинъ изъ моихъ сыновей возставалъ противъ другого! Обѣщай мнѣ, что ты ничего не предпримешь противъ твоего брата. Я тебя знаю и знаю, что скорѣе стѣны твоего дворца обрушатся тебѣ на голову нежели ты измѣнишь разъ данному обѣщанію. Дай же мнѣ честное слово, только слово, я не требую клятвы!

Константинъ все еще продолжалъ молчать.

Константинъ, подумай о томъ, что ты хочешь предпринять. Я ужъ тебѣ разъ сказалъ, да ты и самъ знаешь, что дворянство настроено къ

тебѣ враждебно, оно станетъ на сторону твоего брата, войско распадается на два лагеря и ты будешь вынужденъ броситься въ объятія народа.

А если Александръ добровольно откажется отъ престола, какъ онъ не разъ выражалъ намѣреніе? были первые слова произнесенныя Константиномъ съ начала разговора съ отцемъ.

Государь нахмурилъ брови, его глаза засверкали и онъ произнесъ твердымъ громкимъ голосомъ:

Онъ этого не долженъ дѣлать! Я этого не хочу, могли бы подумать, что отреченіе вынужденное. И такъ онъ не отречется отъ престола, слышишь ли? Я ему это запрещаю! Да наконецъ онъ можетъ отречься отъ престола но только для себя, а отнюдь не для своихъ дѣтей, а около нихъ сгруппировалась бы партія невольныхъ. Партіи, во мной созданномъ государствѣ! вокругъ трона, который я прославилъ! Въ Россіи, гдѣ должно управлять одно царское слово, никакая партія не должна осмѣливаться подымать головы. Я употребилъ всю мою жизнь, чтобы ихъ разрушать какъ здѣсь, такъ и во всей Европѣ и я не хочу, чтобы послѣ моей смерти устроились бы партіи вокругъ моихъ дѣтей. Александръ будетъ вашимъ государемъ и вы должны ему повиноваться! Обѣщай мнѣ это, Константинъ! Мой сынъ, милый сынъ, дай мнѣ слово!

Голосъ гордаго монарха принялъ такой ласковый тонъ, какого никогда у него и не слышали; онъ схватилъ руку Константина и крѣпко ее сжалъ. Константинъ отвернулся, въ его гла-

захъ блеснули слезы, онъ до крови кусалъ себѣ губы, но продолжалъ молчать.

Константинъ, прошу тебя еще разъ. Подумай, вѣдь ваша мать больна, моя смерть ее сильно огорчитъ и я одного прошу у Бога, чтобы она не послѣдовала тотчасъ за мной, а напротивъ прожила бы долго, чтобы васъ охранять, дѣти мои, а вы вѣдь знаете, что я васъ любилъ болѣе самого себя. Раздоръ между тобой и братомъ, былъ бы ея смертью. Константинъ, неужели ты хочешь сдѣлаться убійцей своей матери?!

Гордый, упрямый Константинъ рыдалъ, но не произнесъ ни слова.

Константинъ, ты растроганъ, неправда ли ты мнѣ обѣщаешь?...

Папа, я не могу вамъ дать обѣщаніе, которое меня свяжетъ на вѣки. Мало ли какія могутъ выйти обстоятельства...

Ты говоришь объ обстоятельствахъ! Такъ если просьба отца не можетъ смягчить сердце сына, то долженъ дѣйствовать государь, вѣдь я пока еще государь!

При этихъ словахъ Николай протянулъ руку къ сонеткѣ висѣвшей у него надъ постелью.

Папа, что ты хочешь дѣлать? воскликнулъ Константинъ испуганный мрачнымъ выраженіемъ глазъ государя.

Велѣть позвать священника, чтобы приготовить тебя къ смерти. Черезъ часъ второй сынъ русскаго царя будетъ разстрѣленъ на крѣпостномъ валу за то, что осмѣлился возмутиться противъ приказаній своего монарха. Ты вѣдь знаешь, что это будетъ не первый примѣръ въ

нашемъ семействѣ. Ты помнишь, что твой предокъ, Петръ великій собственноручно убилъ своего единственнаго сына за то, что онъ ему не покорялся. Я тебѣ далъ жизнь, и въ правѣ ее у тебя отобрать.

Папа! воскликнулъ великій князь, папа!

Теперь я тебѣ болѣе не отецъ, такъ какъ голосъ отца не могъ тебя растрогать. Теперь я твой монархъ и твой судья!

Онъ снова протянулъ руку къ сонеткѣ и позвонилъ.

Великій князь зналъ, что его отецъ такъ же какъ и онъ никогда не нарушалъ разъ даннаго слова.

Еще мгновеніе демонъ гордости боролся въ душѣ Константина, но разсудокъ взялъ верхъ и хватая руку отца, онъ поднесъ ея къ губамъ говоря:

Даю слово! *)

Гнѣвъ государя мгновенно потухъ. Онъ крѣпко пожалъ руку сына и сказалъ:

Благодарю тебя Константинъ! Мнѣ достаточно твоего слова. Теперь я могу умереть спокойно,

---

*) Въ послѣдствіи великій князь Константинъ Николаевичъ нарушилъ данное слово отцу и учредилъ тайное общество подъ названіемъ „Общество мертвой головы“ съ цѣлью погубить всѣхъ дѣтей Александра II а потомъ и его самого. Такимъ путемъ сперва стать регентомъ а потомъ завладѣть и тономъ. Этотъ планъ не удался, благодаря преждевременной кончинѣ цесаревича Николая. Константинъ имѣлъ цѣлью разслабить его умственно а затѣмъ уже подготовить себѣ восшествіе на престолъ.

такъ какъ я знаю, что ты ничего не предпримешь противъ твоего брата, а напротивъ ты будешь ему помогать совѣтами и будешь его охранять.

XIII.

Наступило утро и Наташа пробудилась отъ долгаго тяжелаго сна. Теплота имѣла на нее благотворное вліяніе. Старый городовой трижды подходилъ къ постели съ цѣлью ее разбудить, но никакъ не могъ рѣшиться прервать ея мирный сонъ. Она провела три недѣли въ заперти, въ страшномъ томленіи, какъ нравственномъ, такъ и физическомъ. Она спала въ холодномъ погребѣ на старомъ сенникѣ, едва прикрытая дырявымъ тулупомъ. Только благодаря своей молодости и желѣзному здоровію она могла все это выдержать, а теперь природа взяла свое. Наташа зевнула, потянулась и ни сказавъ ни слова снова заснула и проспала мертвымъ сномъ до самаго вечера. Старый служака сжалился надъ ней, она была такъ молода и хороша! Ни ея похудѣвшее лицо ни простенькое платье не указывали, чтобы она была развратной женщиной.

Проходили часы, а Наташа все спала. Городовые по очереди къ ней подходили говоря:

Вѣдя, небось, бѣдное дитя, должно быть проголодалась, кабъ она скорѣй проснулась! Вѣдь наши щи совсѣмъ простынутъ!

Другой обыкновенно отвѣчалъ:

Пущай себѣ спитъ, а мы щи то поставимъ къ огню! и при этихъ словахъ онъ подкидывалъ дровъ въ печку.

Русскій народъ, а солдаты къ нему такъ же принадлежатъ, относятся съ большимъ сочувствіемъ къ горю ближняго, чего нельзя сказать, къ сожалѣнію, о великихъ міра сего, часто глухихъ къ голосу нищеты.

Наконецъ часовъ въ одинадцать вечера дѣвушка проснулась, провела руками по лбу и промолвила, стараясь припомнить случившееся:

Гдѣ я? и она стала оглядываться съ изумленіемъ. Огонь, пылавшій въ печкѣ освѣщалъ внутренность будки красноватымъ свѣтомъ.

Что, голубка, ты наконецъ проснулась? Ты, небось, проголодалась? Вотъ тебѣ щи, мы ихъ для тебя приготовили.

Порфиричъ, позвалъ онъ своего товарища, стоявшаго на посту, облакотившагося, по обыкновенію, на алебарду, а, Порфиричъ, куда ты дѣвалъ бутылку съ водкой, дай-ка нашей голубкѣ опохмѣлиться.

Въ это время онъ поставилъ передъ Наташей миску щей съ говядиной и кроюху хлѣба.

Наташа была голодна, продолжительный сонъ ее подкрѣпилъ, но она не смѣла ни до чего дотрагиваться.

Гдѣ я? какъ я сюда попала? спросила она, снова проводя рукой по лбу и стараясь припомнить.

Мы объ этомъ поговоримъ послѣ.

А теперь поѣшь. Но, постой, прежде выпей-ка рюмочку водки, это тебя покрѣпитъ.

Дѣвушка покачала головой.

Я не пью водки.

Солдатъ покраснѣлъ до ушей, будто стовершилъ какой проступокъ и, точно желая оправдаться передъ самимъ собой, крикнулъ товаришу стоявшему на посту:

Я жъ тебѣ говорилъ, старый болванъ, что она водки не пьетъ.

Это мнѣ наплевать, а дай-ка лучще бутылку сюда, мнѣ что-то пить хочется.

Старый товарищъ исполнилъ его требованіе и шепнулъ ему на ухо:

А я вѣдь сейчасъ сказалъ, что она не была пьяна.

Въ самомъ дѣлѣ? Нешто ты это говорилъ? А вѣдь ты жъ не хотѣлъ идти ее подымать, она пожалуй, померла бы отъ холоду, если бы я...

Молчи, мы объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, прервалъ его Павлычъ и тихонько вернулся въ будку.

Наташа поѣдала щи съ волчьимъ апетитомъ и городовой смотрѣлъ на нее съ радостью и блаженствомъ.

Ахъ, голубка, видно ты здорово проголодалась! Ладно, кушай, кушай! и самъ выскользнулъ изъ будки.

Ты куда? спросилъ Порфиричъ.

Наша голубка голодна, я сбѣгаю въ лавочку, принесу ей колбасы.

Старикъ Павлычъ принесъ колбасы для своей протеже и селедку себѣ и товарищу.

Наташа съѣла и колбасу съ одинаковымъ апетитомъ, приговаривая:

Спасибо, спасибо! добрые люди.

Ну, что спасибо, проворчали оба старика, ѣшь, что Богъ послалъ.

Можетъ, голубка, еще чего хочешь? Говори, не стѣсняйся, лавочка всего въ двухъ шагахъ. Не хочешь ли, кваску?

Дѣвушка съ жадностью напилась чаю. Никогда, ни одинъ напитокъ не казался ей такимъ вкуснымъ.

Какъ, дитя мое, ты сюда попала? спросилъ Павлычъ.

Брось свои разспросы. Завтра, мы все это узнаемъ, а теперь, пусть наша голубка уснетъ, возразилъ Порфиричъ.

Дѣйствительно, Наташины глаза слипались отъ усталости.

Она слышала сквозь сонъ, какъ одинъ изъ городовыхъ говорилъ другому:

А, что ты думаешь? Кто могъ зарѣзать мошенника, котораго вчера нашли въ Ямской?

А, ну его, мошенники между собой ссорятся и убиваютъ другъ друга. Должно быть одинъ изъ его товарищей оказалъ ему эту услугу.

Я давно говорилъ, что Макаровъ этимъ кончитъ.

Дѣвушка, сквозь сонъ ясно разслышала имя Макарова. Она хотѣла спросить о случившемся, но сонъ ея преодолѣвалъ.

Да кто жъ могъ это сдѣлать, какъ не Петровичъ? Алексѣй Александровичъ его тамъ встрѣтилъ, всего обрызганнаго кровью.

Кто? Алексѣй Александровичъ изъ Ямской? который прежде былъ на Выборгской?

Разумѣется! А, какой же другой? Ему везетъ! Его извощикъ, мнѣ сегодня разсказывалъ, когда я былъ въ части съ рапортомъ.

Петровичъ предлагалъ Алексѣю Александровичу пятьсотъ рублей, чтобъ онъ его отпустилъ. Должно быть, Алексѣй Александровичъ деньги таки прикарманилъ, а въ добавокъ сдѣлалъ такой уловъ, за который, пожалуй, получитъ и крестикъ.

Далѣе, Наташа ничего не слышала; разбитая волненіями послѣднихъ дней, она погрузилась въ мертвый сонъ.

На другой день Наташа пронулась, вполнѣ оправившись, но вмѣстѣ съ силами вернулось и сознаніе своего положенія. Что ей дѣлать? Куда идти? Князь Курдюбековъ умеръ, задушенный въ ея присутствіи, ревность жены Достоевскаго, заставила ее покинуть ихъ домъ, а кто могъ бы ей указать, гдѣ отыскать Савельева? Что ей отвѣчать, если ее спросятъ, кто она и откуда? Она закрыла глаза съ цѣлью сосредоточиться, но ея старанія найти отвѣтъ на эти вопросы оказались тщетны.

Она разрыдалась.

О чемъ ты, голубка, плачешь? спросилъ Порфиричъ молодую дѣвушку.

Она ему, рыдая, разсказала, какъ ее пріютилъ князь Курдюбековъ, какъ онъ былъ убитъ въ ея присутствіи тремя зломышленниками, къ которымъ позднѣе присоединился и четвертый. Разумѣется, она ничего не понимала о томъ,

какъ ее уносилъ Макаровъ, такъ какъ она была безъ чувствъ, равно какъ и все случившееся вплоть до той минуты, какъ она очнулась въ погребѣ у Петровича, въ которомъ онъ ее продержалъ цѣлыхъ три недѣли. Она съ такимъ жаромъ разсказала послѣднія обстоятельства, предшествовавшія ея побѣгъ, что бѣдный Порфиричъ то и дѣло вытералъ слезы руковомъ своей толстой шинели.

Ахъ я старый дуралей, что мнѣ до этихъ сказокъ? А я, вотъ, разнюнился точно старая баба, воскликнулъ онъ, точно стыдясь своихъ слезъ, и вышелъ посовѣтываться съ своимъ товарищемъ о томъ, что ему дѣлать. Павлычъ передалъ ему свою алебарду говоря:

Вотъ что, подежурь-ка за меня, а я пойду разспрошу дѣвушку.

И онъ пошелъ допрашивать Наташу. Старикъ рѣшилъ строго допросить ее, но это ему не удалось. Онъ имѣлъ доброе отзывчивое сердце и растрогался не хуже своего товарища и по его примѣру такъ же расплакался.

Фу! какія мы сегодня бабы, чего мы нюни-то распустили?

Какъ тебя звать?

Наташа, отвѣчала она.

А дальше?

Наташа взглянула на него съ изумленіемъ.

Да вѣдь тебя же зовутъ еще иначе?

Иначе? переспросила она. Иначе? зачѣмъ же? Меня зовутъ Наташа, вотъ и все.

Какъ звать твоего отца?

Моего отца? у меня никогда не было отца, или вѣрнѣе...

Что вѣрнѣе?

Онъ никогда не хотѣлъ быть моимъ отцемъ.

Павлычъ покачалъ головой.

Да! это бываетъ, замѣтилъ онъ глубокомысленно. Но откуда же ты?

Наташа вздрогнула при этомъ вопросѣ. Признаться ли ей, что она была крѣпостная Макарова? Она была бы, пожалуй, ему возвращена, и тогда горе ей! или показать ей вольную, данную ей княземъ Одоевскимъ, которую она носила при себѣ? Но если бы открыли истину, открыли бы такъ же тайну дома на Выборгской сторонѣ, и она неизбѣжно погубила бы князя, Савельева, Достоевскаго и многихъ другихъ. Она это хорошо понимала, и по этому хранила молчаніе.

Откуда же ты? переспросилъ ее Павлычъ.

Счастливая мысль пришла ей въ голову.

Почемъ мнѣ знать откуда я? Это далеко, очень далеко. Намъ крестьянамъ не до того, чтобы запоминать имена. Я долго шла сюда, недѣли, мѣсяцы. Повторяю тебѣ, кавалеръ, что я изъ далека, изъ очень далека.

Да, матушка Россія велика, былъ мудрый отвѣтъ стараго городоваго.

Но, зачѣмъ ты покинула свою родину? Развѣ у тебя нѣтъ родныхъ?

Наташа ему разскала, что она была дочь француженки, значитъ вольной, описала ему, не называя именъ, какъ ее преслѣдовалъ Макаровъ; какъ она бѣжала съ Савельевымъ; какъ она

его утеряла и вновь нашла за нѣсколько минутъ до убійства Курдюбекова.

Павлычъ вышелъ и долго совѣтовался съ Порфиричемъ, потомъ отправился въ харчевню и вернулся съ большимъ чайникомъ чаю, который поставилъ передъ молодой дѣвушкой.

На тебѣ, пѣй, голубка, это тебя согрѣетъ.

Никогда Наташа не пила чай съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ этой грязной будкѣ.

Наташа! обратился къ ней солдатъ, когда она напилась, и по старому обычаю поставила чашку вверхъ донушкомъ въ знакъ того, что болѣе не желаетъ.

Наташа..., онъ совсѣмъ растерялся и замолкъ, потомъ вскочилъ и побѣжалъ къ Порфиричу, съ которымъ долго о чемъ-то совѣщался. Наконецъ вернулся:

Наташа, мы иначе сдѣлать не можемъ, мы должны... онъ снова запнулся и не могъ продолжать начатую рѣчь.

Наташа на него взглянула, и, предчувствуя, что ей снова грозитъ какая нибудь бѣда, разрыдалась, и по морщинистымъ щекамъ старика покатились слезы.

Порфиричъ, иди ты ей скажи, прикнулъ онъ своему товарищу.

Самъ говори, мнѣ нѣкогда, отвѣчалъ онъ.

Видишь ли, Наташа, Порфиричъ говоритъ...

Нѣтъ, это ты говоришь, послышалось со двора.

Порфиричъ говоритъ...

Нѣтъ, ты...

Что нужно, чтобы мы тебя отвели въ часть.

Въ часть? воскликнула молодая дѣвушка въ

ужасѣ, потомъ она бросилась на колѣни и стала ломать въ отчаяніи руки:

Отпустите меня! Вы кажетесь такими добрыми и сострадательными! Зачѣмъ вы хотите сдѣлать меня еще несчастнѣе? Вѣдь вы этого не сдѣлаете, не правда ли? И стала цѣловать колѣни стараго Порфирича.

Онъ поднялъ дѣвушку и усадилъ ее на лавку.

Садись, голубка, сказалъ онъ, кусая губы, чтобы не расплакаться, это какъ нибудь устроится.

Потомъ вышелъ и грубо обратился къ своему товарищу, желая скрыть отъ него свои слезы:

Я тебѣ такъ и говорилъ, какъ видишь, она плачетъ.

Но, что же дѣлать? Мы должны объ этомъ отрапортовать...

Нѣтъ, не надо...

Говорятъ тебѣ, что да.

А я тебѣ говорю, что нѣтъ. Мы ужъ не можемъ объ этомъ рапортовать.

Это почему?...

Потому что, за это отсчитали бы по крайней мѣрѣ по полсотни.

Павлычъ посмотрѣлъ на своего товарища съ удивленіемъ.

Намъ отсчитаютъ по полсотни? спросилъ онъ съ растановкой, да за что же?

За то, что мы объ этомъ не донесли еще вчера. Сегодня поздно.

Павлычъ ударилъ себя по лбу:

Я объ этомъ тоже думалъ! Онъ по принципу никогда не уступалъ своему товарищу.

Но что же дѣлать? Вѣдь наша голубка не можетъ же тутъ оставаться. Это не годится...

Да, не годится, подтвердилъ старый Порфиричъ.

Но, что же дѣлать? сказалъ Павлычъ и принялся соображать потирая лобъ, точно хотѣлъ выцарапать оттуда какую нибудь мысль.

Вдругъ Порфиричъ ударилъ объ полъ своей алебардой и воскликнулъ:

Марья Андреевна!

Лицо стараго солдата просіяло:

Старый дуралей, я давно подумывалъ о Марьѣ Андреевнѣ, а ты...

Нѣтъ ты хотѣлъ... возражалъ Порфиричъ, но его товарищъ ужъ исчезъ въ будку.

Утри слезы, голубка! Здѣсь тебѣ нельзя оставаться! Но Марья Андреевна о тебѣ позаботится...

Наташа взглянула на него вопросительно.

Видишь ли, я давно подумывалъ о Марьѣ Андреевнѣ, да этотъ старый дуракъ Порфиричъ затверди одно, все часть, да часть! Будто на свѣтѣ кромѣ части ничего и нѣтъ. Пойдемъ, голубка, пойдемъ къ Марьѣ Андреевнѣ!

Наташа ничего не спрашивая, послѣдовала за старикомъ, вполнѣ успокоенная.

Она остановилась на минуту около Порфирича и схвативъ обѣими руками его за руку, въ которой онъ держалъ алебарду, сказала:

Да отблагодаритъ тебя Господь за то, что ты сдѣлалъ для бѣдной Наташи!

Ну что тамъ! Богъ съ тобой! пробурчалъ онъ отворачиваясь, чтобы Наташа не замѣтила навернувшуюся слезу.

Было ужъ десять часовъ. Улицы наполнялись народомъ. Подчасъ прохожіе останавливались и провожали взглядомъ дѣвушку шедшую рядомъ съ полицейскимъ.

Такъ молода и ужъ успѣла попасть! шептали нѣкоторые, думая, что городовой ведетъ дѣвушку въ часть.

По одной изъ улицъ, выходившихъ на Обводный каналъ, показался какой-то зеленый ящикъ на четырехъ колесахъ, жалкая породія на карету, запряженный тощей клячей, поминутно вздрагивающей отъ частныхъ ударовъ кнута.

За этимъ экипажемъ слѣдывалъ солдатъ съ ружьемъ на плечѣ, а изъ окошечка, продѣланнаго въ задней части ящика, выглядывали два дерзкихъ глаза.

Это преступникъ, котораго везутъ изъ острога въ часть для допроса, объяснилъ Наташѣ, Павлычъ.

Вругъ изъ ящика крикнули ее имя.

Она вздрогнула и, дрожа всѣмъ тѣломъ прижалась къ городовому.

Это онъ, сказала она, вглядываясь въ отверстіе ящика, это онъ.

Кто? спросилъ городовой.

Но, прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, изъ ящика послышался громкій смѣхъ и слѣдующія слова:

Ага! Ты дѣвченка тоже? прекрасно, значитъ скоро увидимся.

Полицейскій тоже узналъ голосъ и по этому прибавилъ шагу, пока ящикъ направлялся въ противуположную сторону.

Это Петровичъ! Развѣ ты знаешь стараго мошенника?

Наташа должна была собрать свои мысли прежде, чѣмъ отвѣтить.

Наконецъ, она сказала, дрожа отъ холода и лихорадки:

Онъ участвовалъ въ убійствѣ князя Курдюбекова. Онъ меня держалъ плѣнницей въ погребѣ. Господи! избави меня отъ этого ужаснаго человѣка. Мнѣ кажется, что я еще и теперь чувствую надъ собой ножъ, которымъ онъ на меня замахнулся. Если бы Смоленская Божья матерь, которой я въ это время молилась, не отперла-бъ мнѣ дверь, онъ навѣрное бы меня убилъ.

Вотъ какъ! Такъ это онъ, тебя хотѣлъ убить? Такъ какимъ же образомъ, онъ вмѣсто тебя да убилъ Макарова?

Развѣ онъ убилъ Макарова? воскликнула Наташа.

Какъ? Ты знаешь и этого плута, Макарова? сказалъ солдатъ, смотря на нее съ подозрѣніемъ. Онъ замѣтилъ, что она затруднялась въ подборѣ словъ. Такъ ты знаешь и Макарова?

Это сынъ моего отца! Это онъ мнѣ преслѣдывалъ своими объясненіями въ любви до такой степени, что я была вынуждена бѣжать. Онъ былъ черствый человѣкъ. Это онъ вошелъ въ то время, когда убивали добраго князя Курдюбекова.

Въ ея голосѣ было столько искренности, что возбудившееся въ душѣ городоваго недовѣріе тотчасъ же исчезло. Ему были хорошо извѣст-

ны отношенія между Макаровымъ и Петровичемъ, а такъ же, что Макаровъ былъ лишенъ своего имѣнія и за что?

Да, голубка, теперь-то я понимаю, что съ такимъ бариномъ ты не очень-то могла быть счастлива!

Такимъ образомъ, они дошли до дворца, бывшаго всесильнаго любимца Екатерины II, въ настоящее время пустого, и остановились около каменнаго оштукатуреннаго и выкрашеннаго желтой краской дома, который выходилъ на набережную Невы.

Вотъ здѣсь живетъ Марья Андреевна, сказалъ старый полицейскій.

XIV.

Кто была Марья Андреевна, какъ ея фамилія, давно ужъ позабыли. Но вдовы, сироты и бѣдные, всѣ безъ исключенія благословляли имя Марьи Андреевны и отзывались о ней какъ о святой. Ея милостыни были неистощимы, а гдѣ нельзя было помочь одними деньгами, она благодѣтельствовала своими связями и въ этомъ отношеніи ея милости были такъ же неистощимы. Она не была филантропкой по профессіи, но по сердечнымъ своимъ качествамъ.

Павлычу пришла дѣйствительно счастливая мысль отвести къ ней Наташу, такъ какъ она могла ей найти не только хорошее мѣсто, но и защитить ее отъ преслѣдованія враговъ.

Вотъ, что разсказывали про Марью Андреев-

ну. Много лѣтъ тому назадъ, она была замужемъ за страшнымъ богачемъ. Однажды вечеромъ у нихъ собрались за роскошнымъ пиромъ, по случаю крестинъ ихъ единственнаго сына, воспріемникомъ, котораго былъ всесильный въ то время Аракчеевъ, всѣ придворные вельможи. Въ ту минуту, когда наполняли бокалы, чтобы выпить за здоровіе любезнаго хозяина, замѣтили его отсутствіе. Напрасно его искали по всѣмъ комнатамъ, но нигдѣ не нашли. Гости удалились весьма удивленны страннымъ поведеніемъ хозяина. На другой день сама Марья Андреевна его нашла зарѣзавшимся въ такомъ же мѣстѣ, гдѣ не задолго передъ этимъ нашли и лорда Кастельре. Какъ не старались скрыть это печальное событіе, но о немъ много говорили въ обществѣ и удивлялись самоубійству мужа, оставившаго послѣ смерти громадное состояніе женѣ. Съ этого дня она посвятила свою жизнь всецѣло сыну, отказалась отъ общества и стала жить только для него. Не смотря на это достигнувши десятилѣтняго возраста, мальчикъ загадочнымъ образомъ исчезъ и болѣе никогда о немъ и не слышали. Сердце матери было сильно огорчено этой потерей. Огорчена, но не разбита, такъ какъ вмѣсто того, чтобы быть матерью однаго сына, она стала матерью всѣхъ бѣдныхъ. Ея огромное состояніе сдѣлалось достояніемъ нуждающихся. Ея связи служили ей всецѣло для добрыхъ дѣлъ.

Ея дверь была отперта для всѣхъ, по этому старому солдату не трудно было къ ней попасть вмѣстѣ со своей протеже.

Марья Андреевна сидѣла на большемъ диванѣ въ своей гостинной и ласково обратилась къ вошедшимъ, остановившимся въ волненіи у дверей:

Что вы желаете, спросила она голосомъ выражающимъ доброту и состраданіе.

Наташа хранила молчаніе, она не могла выразить того, что она чувствовала, а все таки, что-то не объяснимое влекло ее къ барынѣ, которая на нее смотрѣла такъ ласково и съ такой добротой.

Порфиричъ въ замѣшательствѣ крутилъ въ рукахъ свою фуражку.

Чего вы желаете? спросила снова Марья Андреевна.

Наташа съ трудомъ удерживала слезы, а Порфиричъ по прежнему продолжалъ крутить фуражку.

Марья Андреевна привыкла къ такого рода сценамъ, по этому она подождала пока просители нѣсколько оправились и собрались съ духомъ, чтобы ей высказать причину своего прихода.

Эта нѣмая сцена, вѣрно еще долго бы продолжилось, но вдругъ старый Порфиричъ надѣлъ свою фуражку на голову, по военному приложился къ ней и громко отчеканилъ:

Честь имѣю доложить... Несчастная!

Послѣ этихъ словъ, онъ быстро повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Андреевна не могла не улыбнуться, но, эта улыбка тотчасъ исчезла, такъ какъ она увидала, что Наташа рыдая упала на колѣни.

Она встала съ дивана и подняла молодую дѣвушку.

Встань, дитя мое, человѣкъ долженъ преклоняться только передъ Богомъ, а не передъ своими ближними. При этихъ словахъ, она ее превлекла къ дивану и усадила рядомъ съ собой.

Никто такъ хорошо не умѣетъ пріобрѣсти довѣріе несчастныхъ, какъ женщина, а несчастные ужъ сорокъ лѣтъ съ лишнимъ были постоянными посѣтителями Марьи Андреевны.

Черезъ нѣсколько минутъ она съумѣла пріобрѣсть полнѣйшее довѣріе молодой дѣвушки. Наташа разсказала ей всю свою жизнь, какъ судьба ее преслѣдывала съ самаго дѣтства, какимъ образомъ она прибыла въ Петербургъ. Она даже ей призналась въ своей любви къ Савельеву.

При имени Курдюбекова, Марья Андреевна стала еще внимательнѣе. Она его знала, такъ какъ это былъ ея соперникъ въ добрыхъ дѣлахъ.

Вотъ какъ? Онъ былъ убитъ! подумала она про себя. Да, это сходится съ смысломъ завѣщанія, которое было для меня такъ непонятно. Ты говоришь, дитя мое, что стараго князя Курдюбекова принудили подписать завѣщаніе?

Да, его рукой водили по бумагѣ помимо его воли.

И это вѣрно?

Клянусь Богомъ всевышнимъ, это правда!

Я тебѣ вѣрю, дитя мое, да кто же это сдѣлалъ?

Человѣкъ, котораго я не знаю, но который его называлъ отцемъ, но старый князь не называлъ его сыномъ.

Въ самомъ дѣлѣ! По этому-то завѣщаніе, которое въ рукахъ молодаго Курдюбекова такъ странно написано! Всѣ были имъ поражены... да кромѣ того, то другое завѣщаніе! прибавила она задумчиво.

Вдругъ прерывая теченіе своихъ мыслей, она обратилась къ Наташѣ:

Знаешь ли ты князя Одоевскаго?

Это имя глубоко врѣзалась въ памяти у Наташи, но она медлила съ отвѣтомъ, боясь выдать тайну заговорщиковъ.

Марья Андреевна замѣтила ея замѣшательство.

Не бойся, дитя мое, обратилась она къ ней. Я должна знать всю правду, иначе я не въ состояніи буду тебѣ помочь.

Наташа разсказала ей про то, какъ Одоевскій далъ ей волю, но не сказавъ ни слова, гдѣ это случилось.

По какому же поводу князь такъ дѣйствовалъ? спросила она снова Наташу, точно желая испытать ея правдивость.

Онъ былъ знакомъ съ Савельевымъ и его уважалъ.

Это объясняетъ все дѣло, отвѣтила Марья Андреевна. А князь Курдюбековъ былъ знакомъ съ княземъ Одоевскимъ?

Наташа покачала головой. Я никогда не слышала, чтобъ онъ про него упоминалъ.

Въ самомъ дѣлѣ! Ты вѣдь неотступно была при князѣ послѣднія недѣли его жизни?

Я въ это время не отходила отъ него ни на шагъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Но не посылалъ ли онъ не за долго до своей смерти какихъ нибудь бумагъ къ князю?

Нѣтъ! отвѣчала Наташа. Но, вечеромъ наканунѣ смерти, онъ съ безпокойствомъ спрашивалъ о Достоевскомъ. Каждую минуту онъ меня спрашивалъ, какъ я думаю, скоро ли онъ придетъ? Когда онъ наконецъ пришелъ, князь передалъ ему бумагу, которая по словамъ самого Достоевскаго, принесетъ счастіе многимъ бѣднымъ, а можетъ быть даже и мнѣ.

Вотъ какъ? значитъ онъ далъ какую-то бумагу Достоевскому? Теперь я все понимаю! Достоевскій, вѣдь былъ другомъ Одоевскаго. Бѣдный Достоевскій! Бѣдная женщина! сказала Марья Андреевна и утерла слезу.

Она сжала Наташу въ своихъ объятіяхъ!

Будь спокойна, дитя мое, мы съ тобой не растанемся, пока твое горе не обратится въ радость.

Потомъ она подошла къ письменному столу и написала:

Милѣйшій князь, я васъ жду; приходите какъ можно скорѣе.

Она позвонила. Вошелъ лакей.

Князю Одоевскому, сейчасъ же, приказала Марья Андреевна.

XV.

Около постели умирающаго императора стоялъ Бажановъ и внимательно слушалъ его слова.

Богъ мнѣ проститъ то что я сдѣлалъ, такъ какъ я искалъ только благо моего народа, сказалъ Николай.

Воля человѣческая есть миѳъ, созданный нашимъ тщеславіемъ. Вѣрнѣйшій изъ исповѣдниковъ спасителя, отрекся отъ него трижды, пока пѣтухъ еще не успѣлъ въ третій разъ возвѣстить приближеніе утра, отвѣчалъ многозначительно духовникъ.

Я съ раскаяніемъ молю Всевышняго Бога. Все, что я дѣлалъ, я полагалъ, что дѣлаю это для блага моего народа. Если я и ошибался, то вѣдь я человѣкъ, а Богъ милостивъ, вѣдь Его любовь не знаетъ границъ. И если даже Онъ наложитъ на меня самыя тяжкія наказанія, я перенесу съ благодарностью мученія, которыя возложитъ на меня Его праведный судъ.

Ваше величество не имѣетъ ли другихъ желаній, или не желаетъ ли сдѣлать еще какихъ признаній передъ тѣмъ, чтобы принять таинства? Исповѣдайте свои грѣхи и Богъ Всемогущій вамъ проститъ, какъ и я вамъ прощаю.

Въ настоящую минуту я не царь, а я, батюшка, только кающійся. Я тебѣ высказалъ все, что у меня на сердцѣ. Олимпіада...

Я ей передамъ ваше прости и ваши приказанія.

Мои приказанія? грусно сказалъ государь, черезъ нѣсколько часовъ я обращусь въ прахъ и

другой будетъ повелѣвать тамъ, гдѣ я царствовалъ!

Что прикажете сдѣлать для вашего сына?...

Для котораго? строго спросилъ государь.

Но солдатъ, вѣдь...

Сынъ Марьи Ассеньковой, прервалъ его государь. Я о немъ позаботился, ты же это знаешь, но ему нельзя болѣе оставаться въ Россіи...

Ваше величество, не желаетъ ли его видѣть!

Я его видѣть? Но гдѣ же?

Священникъ посмотрѣлъ на государя съ удивленіемъ.

Неужели ты думаешь, что я, лежа на своемъ смертномъ ордѣ соглашусь видѣть кого нибудь, кромѣ моихъ законныхъ дѣтей и моей жены?! Батюшка, неужели ты бъ этого желалъ? Неужели ты осмѣливаешься объ этомъ просить?

Пресвитеръ замолкъ.

Да, нѣсколько дней тому назадъ, я былъ бы очень счастливъ его видѣть. Можетъ что нибудь въ его чертахъ наполнило бы мнѣ Марью Ассенькову! Но теперь... нѣтъ, ни за что!

Ни сказать ли ему что нибудь отъ вашего имени?

Отъ моего имени? Нѣтъ! Скажи ему, чтобы онъ не увлекался мыслей, что онъ мой сынъ. Что я сдѣлалъ для него, это только изъ сожалѣнія къ его молодости... Что, отыскали дѣвушку, которую онъ любитъ, которая пришла въ Петербургъ вмѣстѣ съ нимъ?

Нѣтъ, ваше величество.

Если ее разыщутъ, дай ей это кольцо, при этихъ словахъ, Николай снялъ съ своего пальца

кольцо съ опаломъ. Опалъ — камень слезъ, пусть же онъ сдѣлается для нея камнемъ радости и счастія. Марья Ассенькова носила это кольцо, и прибавилъ тихо: оно пусто, тамъ ужь больше нѣтъ яду. Батюшка, она любила раненнаго солдата Савельева, кажется, его такъ зовутъ. Если, она его до сихъ поръ любитъ, она должна быть озабочена его счастіемъ. Только ему, ему одному. А не то...

Священникъ взгянулъ вопросительно на государя.

А не то? переспросилъ онъ сосредоточенно.

А не то, она умретъ, или пойдетъ въ монастырь. Я положилъ въ медальонъ кольца бумагу, которая дастъ ей возможность сдѣлать за себя взносъ въ монастырь.

А ничего не говорить сыну... солдату? еще разъ спросилъ духовникъ.

Нѣтъ! отвѣчалъ государь твердымъ голосомъ. Онъ не долженъ знать, что онъ мой сынъ. Батюшка, одно можешь ему сказать, только одно.

Священникъ прислушался.

Передай ему мое благословеніе, благословеніе отца, но, ты не долженъ меня называть, потому что, ты вѣдь знаешь, я не хочу, чтобъ онъ зналъ, что я его отецъ.

Теперь, батюшка, благослови меня!

А причастіе?...

Мнѣ остается жить еще нѣсколько часовъ и я хочу ими воспользоваться, чтобы проститься съ моимъ семействомъ. Я передъ тобой покаялся, какъ и передъ Богомъ Всемогущемъ во всемъ, что тяготѣло у меня на душѣ.

Бажановъ перекрестилъ и благословилъ государя, произнося шопотомъ молитву.

Теперь попроси императрицу и моихъ дѣтей.

Священникъ торжественно удалился со слезами на глазахъ. Вскорѣ вошла императрица съ дѣтьми.

Кто могъ бы описать послѣдовавшую сцену горя и отчанія!

Передъ кроватью государя, стали на колѣни дѣти и внуки, а императрица нагнулась надъ изголовіемъ и припала губами ко лбу государя.

Александра, обратился къ ней государь, прощай! Почти сорокъ лѣтъ, мы съ тобой прожили, дѣля и радости и горе. Гроза только что миновала, когда мы съ тобой соединились, и мы разстаемся снова въ грозу! Теперь, Александра, ты должна заботиться, вмѣсто меня, о счастіи нашихъ дѣтей. Не правда ли, ты это исполнишь?

Слезы душили императрицу, она не была въ состояніи отвѣчать.

Да ты это исполнишь, я въ этомъ убѣжденъ, моя добрая, вѣрная подруга! А вы, дѣти мои не забывайте, что для меня ваша мать пожертвовала своимъ здоровьемъ. Вѣдь вы этого не забудете? Александръ, ты мнѣ это обѣщаешь, не правда ли? У тебя доброе сердце, и это для меня утѣшеніе, что я могу тебѣ поручить свою жену — твою мать.

Перо отказывается описывать послѣдующей, надрывающей сердце, картины происшедшей между отцемъ и дѣтьми. Да, въ это время онъ не былъ государемъ, а любящимъ отцемъ. Онъ

одинъ сохранилъ присутствіе духа, тогда какъ всѣ остальные совсѣмъ растерялись, хотя горючія слезы струились и у него по щекамъ.

Государь благословилъ свою жену и дѣтей и сказалъ имъ: Прощайте, прощайте на вѣки! Впрочемъ нѣтъ, не на вѣки, тамъ мы снова увидимся. Затѣмъ, запечатлѣлъ прощальный поцѣлуй на ихъ лбу, и сказалъ въ послѣдній разъ:

Прощайте же, прощайте! теперь я все покончилъ съ землей и принадлежу только небу!

Почти силой пришлось вывести изъ комнаты членовъ императорской семьи.

Александръ, останься со мной, вмѣстѣ съ короной, я передамъ тебѣ, такъ же мой послѣдній вздохъ, сказалъ Николай своему старшему сыну.

Онъ вернулъ такъ же великаго князя Константина.

Становись на колѣни, сынъ мой, чтобы я могъ тебя благословить еще разъ, сказалъ.

Онъ его еще разъ благословилъ.

Благодарю тебя, сынъ мой, сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ, благодарю тебя.

Все семейство вышло изъ комнаты, громко рыдая.

Его прощаніе съ приближенными было коротко и торжественно.

Напрасно Клейнмихель старался остаться наединѣ съ своимъ покровителемъ, государь ему въ этомъ холодно отказалъ.

Когда дворъ удалился, вошелъ духовникъ въ полномъ облаченіи въ сопровожденіи придвор-

наго духовенства и государь пріобщался Святыхъ Тайнъ въ присутствіи своего сына.

Святой отецъ, сказалъ государь, пріобщившись, что я теперь примирился съ небомъ? Я умираю христіаниномъ, какъ я всегда и жилъ— православнымъ христіаниномъ и защитникомъ святой вѣры православно-христіанской.

Да проститъ тебѣ Богъ твои прегрѣшенія, сынъ мой, какъ и я тебѣ ихъ прощаю, отъ его имени, сказалъ священникъ.

Такъ благослови меня еще, это будетъ въ послѣдній разъ въ моей жизни.

Теперь оставьте меня наединѣ съ сыномъ.

Александръ съ полчаса оставался у отца въ комнатѣ, потомъ вышелъ блѣдный, разстроенный, пошатываясь и направился въ покой императрицы.

Ваше величество! спѣшили всѣ его привѣствовать.

Да, къ сожалѣнію на свѣтѣ черезчуръ много низкопоклонниковъ, которые желая подслужиться великимъ міра сего, на перерывъ спѣшатъ йхъ величать только что унаслѣдыванным титуломъ.

Молчать! крикнулъ имъ Александръ II, чего добраго, мать услышитъ!

Потомъ приказалъ:

Доложите по обыкновенному, наслѣдникъ цесаревичъ.

На порогѣ дверей, ожидала его императрица Александра Ѳедоровна въ бѣломъ платье съ короной на головѣ.

При его входѣ, она сняла съ себя корону и положила ее у ногъ новаго государя.

Она первая воздала своему сыну царскія почести.

Въ эту минуту императрица была болѣе матерью чѣмъ женой.

XVI.

Клейнмихель съ нетерпѣніемъ быстро шагалъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ не ѣздилъ въ дворецъ, такъ какъ прежде желалъ знать, чего достигнетъ фаворитка. Каждые четверть часа изъ дворца являлся къ нему адъютантъ доносить о здоровіи государя. Но эти извѣстія становились все печальнѣе и печальнѣе. Подчасъ онъ останавливался передъ стрѣлкой телеграфа, соединяющаго кабинетъ государя съ его кабинетомъ. Онъ все надѣялся получить приказаніе тотчасъ же явиться къ государю, но напрасно, стрѣлка попрежнему оставалась неподвижной. Только отъ времени до времени дребезжалъ сигнальный колокольчикъ телеграфа, но въ слѣдствіи сотрясенія отъ его собственныхъ шаговъ. Тогда онъ останавливался и прислушивался, въ надеждѣ услышать столь желательный сигналъ, но дребезжаніе тотчасъ же прекращалось и графъ снова шагалъ по кабинету.

Наконецъ снѣгъ захрустѣлъ подъ колесами кареты остановившейся у подѣзда его дворца. Клейнмихель приложилъ лицо къ окну и при свѣтѣ луны, узналъ карету фаворитки. Онъ снова въ нетер-

пѣніи зашагалъ по комнатѣ въ увѣренности, что его родственница вотъ-вотъ пришлетъ за нимъ или сама явится къ нему. Мрачныя думы терзали его душу. Время шло, а никто не приходилъ за нимъ отъ Нелидовой и она сама не являлась.

Всесильный министръ велѣлъ узнать вернулась ли фрейлина Нелидова.

Они у себя, отвѣчали ему.

Этотъ отвѣтъ его сильно встрѣвожилъ.

Она вернулась и до сихъ поръ онъ съ ней не видѣлся? Неужели она не имѣла успѣха?

Онъ отправился къ ней и велѣлъ о себѣ доложить.

Въ эту минуту адъютантъ, сдавшій ее на руки горничныхъ выходилъ изъ ея покоевъ.

Что вы здѣсь подѣлываете, Половцевъ? спросилъ его графъ.

Я имѣлъ честь проводить домой фрейлину Нелидову, по распоряженію государя императора, отвѣчалъ онъ уклончиво.

Вы? какъ же это случилось? спросилъ фаворитъ адъютанта, и пристально на его взглянулъ, точно желалъ прочесть въ глубинѣ его души.

Фрейлина Нелидова не совсѣмъ здорова, отвѣчалъ онъ, кланяясь по военному и удалился.

Графъ устрѣмился въ покой своей родственницы. Передняя была пустая. Въ залѣ горничные всячески старались привести въ чувство лежащую на диванѣ Нелидову.

Гдѣ я? спросила фаворитка очнувшись и бросая вокругъ себя мутный взоръ.

Горничныя отвѣтили только то, что знали,

т. е., что дежурный адъютантъ привезъ ее домой безъ чувствъ.

Должно быть что нибудь случилось, подумалъ графъ.

Наконецъ, она глубоко вдохнула, глаза ея снова открылись, но были какъ то безъ опредѣленнаго выраженія, она никого не узнавала. Ея губы бормотали отрывочныя и не ясныя слова.

Графъ выслалъ горничныхъ.

Что случилось, Олимпіада Андреевна? спросилъ онъ.

Казалось, что она не поняла его вопроса, такъ какъ продолжала смотрѣть пристально безжизненными глазами.

Графъ повторилъ вопросъ.

Кто тутъ говоритъ? Гдѣ я? спросила фаворитка.

Придите въ себя Олимпіада Андреевна! сказалъ онъ, грубо хватая ее за руку.

Она оглянулась разсѣяннымъ взглядомъ, провела рукой по глазамъ, точно желая убидиться, что они ее не обманываютъ, потомъ ея горе выразилось потокомъ слезъ и судорожныхъ, истерическихъ рыданій.

Успокойтесь, Олимпіада Андреевна, повторялъ графъ. Скажите же наконецъ, что случилось?

Долго фаворитка не могла вымолвить ни слова, наконецъ, она вскрикнула отчаяннымъ, дикимъ голосомъ:

Онъ меня выгналъ! Да, онъ меня выгналъ, какъ простую дѣвку!

Невозможно! воскликнулъ графъ блѣднѣя.

Онъ мнѣ запретилъ возвращаться, когда бы то ни было во дворцѣ.

Значитъ вы съ нимъ говорили? спросилъ Клейнмихель, блѣднѣя отъ бѣшенства.

Нѣтъ! онъ не захотѣлъ меня видѣть. Онъ меня выпроводилъ изъ дворца черезъ своихъ слугъ.

Она снова зарыдала, ломая себѣ руки.

Графъ болѣе ее не слушалъ, вышелъ въ переднюю, накинулъ на себя мѣховую шинель, и черезъ нѣсколько минутъ подкатилъ къ подѣзду Зимняго Дворца. Онъ быстро поднялся по лѣстницѣ. Тѣ, которые прежде встрѣчали его съ глубокими поклонами и старались встрѣтиться ему на дорогѣ, чтобы удостоиться его милостиваго взгляда, теперь проходили мимо графа, точно не замѣчая его.

Неужели мы ужъ дошли до того? подумалъ онъ, скрежеща зубами. Подлецы!

Въ пріемной, предшествовавшей спальнѣ государя, казалось, что никто и не замѣчаетъ вновь прибывшаго. Всѣ суетились вокругъ генерала Ростовцева, Адлерберга и другихъ, которые пользовались благорасположеніемъ цесаревича.

Тутъ повторилась сцена, которую можно замѣтить при каждой перемѣнѣ царствованія. Николай еще не умеръ, а изъ подтишка уже кричали „ура“ Александру.

Графъ Клейнмихель всегда входилъ къ государю безъ доклада. Онъ и теперь хотѣлъ воспользоваться своей привилегіей, но лишь только подошелъ къ дверямъ, дежурный адъютантъ

остановилъ его говоря вѣжливымъ но твердымъ голосомъ:

Виноватъ, ваше сіятельство, входъ безъ доклада запрещенъ.

Баронъ, развѣ вы меня не узнаете? спросилъ графъ строго.

Какъ же мнѣ не узнать вашего сіятельства, возражалъ адъютантъ, но я получилъ точное приказаніе никого не впускать безъ доклада.

Кто отдалъ такое приказаніе?

Его величество лично.

Но это распоряженіе не можетъ меня касаться, вѣдь я получилъ отъ государя право входить къ нему во всякое время безъ доклада.

Простите, но прикразъ относится ко всѣмъ безъ исключенія.

Такъ потрудитесь доложить обо мнѣ его величеству.

Адъютантъ поклонился и вошелъ въ комнату государя, откуда тотчасъ же вернулся обратно:

Къ сожалѣнію, я долженъ доложить вашему сіятельстру, что государь не можетъ васъ принять.

Какъ? государь такъ и сказалъ? Не ошибаетесь ли, баронъ? Вы меня назвали? спросивъ графъ, чувствуя, точно цѣлый адъ клокочетъ у него въ груди, онъ задыхался отъ бѣшенства.

Разумѣется, ваше сіятельство, его величество изволили сказать, что васъ позоветъ, когда пожелаетъ васъ видѣть.

Разговоръ между графомъ и адъютантомъ происходилъ громко. Насмѣшливые взгляды всего собранія обратились на бывшаго фаворита.

Клейнмихель замѣтилъ эти взгляды и, не желая унизиться ожиданіемъ въ пріемной съ тѣми, которые прежде предъ нимъ трепетали, предъ нимъ, всесильнымъ фаворитомъ, и ненависть которыхъ была ему хорошо извѣстна.

Онъ ушелъ, сжимая кулаки въ безсильномъ гнѣвѣ. Это была злоба тигра, которому вырвали зубы и обрѣзали когти.

XVII.

Весла мѣрно хлопали по прозрачнымъ волнамъ Невы, и царская курьерка-шлюпка быстро скользила по пространству, отдѣляющему Зимній Дворецъ отъ Петропавловской крѣпости, точно желая оправдать свое названіе. Но какъ не быстро плыла лодка, молодой женщинѣ сидѣвшей въ ней, все же казалось, что она подвигается черезчуръ медленно, вѣдь она везла спасеніе и свободу своему мужу.

Раздалась команда ботсмана:

Шабашъ ребята!

Мгновенно всѣ весла поднялись къ верху, а лодка, управляемая опытной рукой, описавъ полукругъ, пристала къ каменнымъ ступеньямъ пристани.

Съ какой поспѣшностью побѣжала молодая женщина къ квартирѣ коменданта! Адъютантъ, сопровождавшій ее по приказанію государя, едва поспѣвалъ за ней.

Сгорая отъ нетерпѣнія ей показалось цѣлой вѣчностью нѣсколько минутъ, потребовавшихся для соблюденія необходимыхъ формальностей.

Но у адъютанта былъ приказъ государя, а это удивительно сокращаетъ формальности.

Правда, что комендантъ сказалъ, покачивая головой:

Достоевскій? кто это Достоевскій? Я никакого Достоевскаго не знаю!

Онъ позвалъ правителя канцеляріи, чтобы съ нимъ посовѣтоваться по этому поводу.

Но этотъ отвѣчалъ съ еще болѣе значительнымъ покачиваніемъ головы:

Достоевскій? у насъ нѣтъ никакого Достоевскаго!

Флигель-адъютантъ князь Абамеликъ, братъ той фрейлины, которую Нелидова замѣнила по дежурству наканунѣ смерти государя, сопровождавшій молодую женщину сжалился надъ ней.

Ваше превосходительство, покорнѣйше прошу васъ поторопиться, мнѣ нѣкогда, а эта записка государя, освобождающая арестанта, достаточно доказываетъ, что онъ здѣсь.

Комендантъ снова началъ толковать съ правителемъ канцеляріи, а онъ съ своимъ помощникомъ, помощникъ обратился къ дѣлопроизводителю, дѣлопроизводителемъ къ столоначальнику и такъ далѣе вплоть до помощника писаря.

Всѣ покачивали головой и никто изъ нихъ не зналъ арестанта Достоевскаго.

Наконецъ князь Абамеликъ вышелъ изъ терпѣнія.

Въ такомъ случаѣ я доложу его величеству, что политическій преступникъ Достоевскій отправленный въ крѣпость по приказанію князя Орлова, изчезъ безслѣдно.

При словахъ „его величеству“, всѣ поблѣднѣли, начиная съ коменданта и кончая помощникомъ писаря.

Куда-жъ къ черту дѣвался этотъ Достоевскій? загремѣлъ комендантъ. Онъ долженъ быть здѣсь, если его величество изволятъ это говорить. Если вы мнѣ тотчасъ не разыщите Достоевскаго, я васъ всѣхъ разошлю туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ! Я васъ всѣхъ разжалую въ солдаты!

Всѣ съ трепетомъ стали поглядывать другъ на друга. Всякій начальникъ взглядомъ угрожалъ подчиненному.

Пока всѣ совѣщались, старый писецъ перелистывалъ списки.

Наконецъ согнувшись въ три погибели и съ безчисленными поклонами онъ подошелъ къ коменданту съ книгой въ рукѣ.

А тебѣ что? грубо спросилъ комендантъ.

Вотъ имя Достоевскаго сданнаго въ крѣпость жандармскимъ управленіемъ 14 декабря 1855 года подъ № 7569.

Всѣ снова переглянулись.

14 декабря? Какіе казематы были заселены 14 декабря? Позвать тюремщика! крикнулъ комендантъ.

Вошелъ тюремщикъ. Онъ никогда не знаетъ именъ арестантъ порученныхъ его надзору.

Кто былъ зданъ 14 декабря?

Тюремщикъ отвѣчалъ, что онъ не помнитъ, такъ какъ послѣднія дни ему приводили много арестантовъ, и что по этому ему надо справиться своей книжкой.

Дуракъ, сказалъ ему комендантъ, справляйся, но скорѣе.

Въ нашей матушкѣ Россіи, какъ и вездѣ, всегда виноваты подчиненные. Да это отчасти и справедливо, иначе они, пожалуй, вообразили ли бы себя умнѣе начальства, а это противно, говорятъ, законамъ Божіимъ и человѣческимъ.

Легко себѣ представить, что испытывала въ это время несчастная женщина.

Наконецъ вернулся тюремщикъ весь запыхавшійся, отъ быстрой ходьбы, съ своей книгой.

Онъ отыскалъ число, и сталъ читать по слогамъ:

14 декабря были засѣлены казематы №№ 3, 8, 33, 67, 109, 121, 305.

Князь Абамеликъ совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія.

Такимъ путемъ, мы за сегоднѣйшій день не покончимъ! Велите насъ проводить, ваше превосходительство, въ каждый изъ этихъ казематовъ, и тотъ, котораго эта несчастная женщина признаетъ своимъ мужемъ навѣрное и будетъ тѣмъ Достоевскимъ, котораго мы ищемъ.

Тюремщикъ посмотрѣлъ на коменданта съ замѣшательствомъ.

Это невозможно, сказалъ онъ медленно.

Это невозможно, повторилъ комендантъ, смотря на него.

А почему же? спросилъ князь.

Комендантъ вопросительно посмотрѣлъ на тюремщика, а этотъ въ свою очередь старался прочесть въ лицѣ коменданта, говорить ли ему или нѣтъ?

Почему же? повторилъ князь свой вопросъ.

Комендантъ сдѣлалъ знакъ тюремщику, чтобы онъ говорилъ.

Это запрещено-съ, отвѣчалъ онъ.

Отчего же это запрещено? спросилъ адъютантъ.

Потому что... потому что... бормоталъ комендантъ.

Правитель канцеляріи пришелъ очень кстати ему на помощь.

Потому что никто не долженъ знать, кто здѣсь сидитъ.

Но вѣдь я здѣсь какъ посланный отъ государя.

Разумѣется, отвѣчалъ правитель канцеляріи, мы знаемъ вашъ мундиръ, а также намъ хорошо извѣстно, что адъютантъ его величества, будь онъ генералъ-адъютантъ или флигель-адъютантъ, разъ посылается государемъ, то замѣщаетъ его величество; но эта дама не обладаетъ этими привилегіями и поэтому ей невозможно входить въ казематы.

Такъ я самъ пойду изъ каземата въ казематъ, вызывая Достоевскаго, и приведу сюда того, кто отзовется на эту фамилію.

Комендантъ выразилъ свое согласіе знакомъ головы, а князь Абамеликъ собрался идти.

Но едва повернулся онъ спиной, какъ правитель канцеляріи прошепталъ что-то на ухо коменданту. Комендантъ вернулъ князя и сказалъ ему:

Очень жалѣю, но это невозможно.

Почему же? спросилъ князь съ гнѣвомъ, топая ногой. Вы же сами согласились, что въ этомъ дѣлѣ я замѣняю личность государя.

Другой могъ бы откликнуться на имя Достоевскаго и быть признаннымъ этой дамой. Она могла бы передать его соучастникамъ гдѣ онъ находится и тогда...

Клянусь... воскликнула молодая женщина.

Простите меня, замѣтилъ ей вѣжливо правитель канцеляріи, въ такого рода дѣлѣ, мы не можемъ принимать клятвъ, наши инструкціи намъ это запрещаютъ.

Но, что же дѣлать? спросилъ адъютантъ. Вы видѣте, эту молодую даму, всякая минута для нее мученіе, да наконецъ у ней въ рукахъ приказъ государя о помилованіи ея мужа.

Если позволите, то я осмѣлюсь вамъ посовѣтовать обратиться къ его сіятельству князю Орлову. Если онъ прикажетъ, то мы тотчасъ же разыщемъ Достоевскаго.

Неужели, приказъ князя Орлова относительно арестантовъ, для васъ важнѣе, нежели слово государя? воскликнулъ возмущенный князь Абамеликъ.

Что дѣлать? отвѣчалъ правитель канцеляріи пожимая плечами. Таковы наши инструкціи, а какъ военный, вы сами изволите знать, что приходится слѣпо повиноваться.

Пойдемте. Я самъ васъ отвезу къ князю Орлову.

Абамеликъ предложилъ руку молодой женщинѣ и они вмѣстѣ вышли.

Они переѣхали обратно черезъ Неву. У Зимняго Дворца, князь сѣлъ съ ней въ придворную карету и велѣлъ ѣхать къ князю Орлову.

Но и это оказалось безполезнымъ, князь былъ

во дворцѣ и его за цѣлый день нельзя будетъ видѣть, какъ передалъ имъ дежурный жандармскій офицеръ.

Будьте спокойны, сказалъ князь, молодой женщинѣ, довезя ее до дому, я позабочусь, чтобы вашъ мужъ былъ вамъ возвращенъ какъ можно скорѣе.

XVIII.

Вы сдѣлали честь послать за мной, Марья Андреевна? сказалъ князь Одоевскій, почтительно раскланиваясь передъ хозяйкой дома.

Да, я вамъ хочу сдѣлать сюрпризъ...

Мнѣ, сюрпризъ? Вы возбуждаете мое любопытство.

Потерпите немного, ваше любопытство будетъ скоро удовлетворено. Прежде скажите, имѣете ли вы извѣстія о вашемъ отцѣ?

Да, на дняхъ я имѣлъ о немъ извѣстія черезъ Макарова.

Ну, какъ же его здоровіе? какъ остальные несчастные?

Какое можетъ быть здоровье изгнанниковъ прозябающихъ тридцать лѣтъ въ рабствѣ, вдали отъ дорогой отчизны!...

Развѣ нѣтъ никакой недежды на помилованіе.

Помилованіе? Развѣ слово помилованіе знакомо государю?

Молчите, погрозила осторожная Марья Андреевна, молчите! Вы же знаете, что даже стѣны имѣютъ уши!

Спасибо, Марья Андреевна, за добрый совѣтъ, но надѣюсь, что вы за мной послали не ради того, чтобы меня заставить выслушать это маленькое поученіе. Вѣроятно были болѣе важныя причины доставившія мнѣ честь получить отъ васъ записочку. Вы мнѣ говорили о какомъ то сюрпризѣ.

У васъ въ рукахъ завѣщаніе князя Курдюбекова...

Да, но къ сожалѣнію оно не годно, такъ какъ есть другое...

Другое фальшиво...

Князь пожалъ плечами.

Я это прекрасно знаю, но какъ это доказать?

Кто вамъ передалъ завѣщаніе?

Достоевскій и солдатъ по имени Савельевъ.

Марья Андреевна на него со вниманіемъ поглядѣла, такъ какъ Наташа призналась ей въ любви къ Савельеву.

Знаете ли вы этого Савельева? продолжала она свои вопросы.

Не очень давно! Правда, что и прежде я о немъ ужъ слышалъ. Но то что мнѣ о немъ извѣстно, заставляетъ меня его считать честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, способнымъ на всякія самоотверженія.

Кто назначается наслѣдникомъ въ завѣщаніи Курдюбекова, которое у васъ въ рукахъ?

Онъ оставилъ двѣ трети своего состоянія бѣднымъ, а одну треть несчастной молодой дѣвушкѣ, бѣжавшей изъ провинціи, отъ того что была не законной дочерью француженки и отца одного помѣщика Саратовской губерніи, съ кото-

рой, незаконный братъ не только обращался какъ съ крѣпостной, но даже хотѣлъ ее сдѣлать своей наложницей.

Видѣли ли вы когда нибудь эту дѣвушку?

Только одинъ разъ...

Не давали ли вы ей воли, будто она была вашей крѣпостной?

Князь вздрогнулъ.

Кто вамъ это сказалъ, Марья Андреевна? спросилъ онъ съ безпокойствомъ. Дѣло касалось не его личной тайны, но тайны всего общества, къ которому онъ принадлежалъ.

Не безпокойтесь, успокоивала его Марья Андреевна. У васъ благородное сердце, и вы достойный сынъ вашего отца!

Марья Андреевна относилась съ большимъ уваженіемъ къ „декабристамъ“ и ихъ глубоко почитала.

Она вышла и вернулась, ведя Наташу за руку.

Наташа затрепетала отъ радости, при видѣ князя, и чуть не бросилась къ нему, но удержалась, боясь его скомпрометировать.

Но, князь пошелъ къ ней на встрѣчу самымъ естественнымъ образомъ, съ радостнымъ выраженіемъ.

А, вы здѣсь, мадемуазель Натали? Очень радъ, такъ какъ вы въ хорошихъ рукахъ!

Такъ вы другъ друга знаете? сказала Марья Андреевна. Но вы не говорите моей Наташѣ гдѣ ея солдатъ? Вы же видите, что она сгораетъ нетерпѣніемъ услышать что нибудь про него.

Наташа вопрошала его взоромъ и притаила дыханіе, чтобъ не проронить ни слова изъ того, что онъ скажетъ.

Къ сожалѣнію, я не могу удовлетворить вашего любопытства.

Послѣ той ночи, какъ онъ былъ у меня съ Достоевскимъ я его болѣе не видалъ.

Наташа поблѣднѣла и слезы оросили ея глаза.

Добрая Марья Андреевна замѣтила ея слезы.

Будь спокойна, дитя мое, сказала она ей, мы отыщемъ твоего Савельева. Но какъ же ты можешь его любить? Ты же сама говоришь, что онъ безърукій! Какъ же онъ будетъ тебя ласкать и обнимать? подшутила она.

Наташѣ пришлось разсказать князю все, что произошло на квартирѣ у князя Курдюбекова въ ночь его смерти и все, что произошло съ ней самой. Отъ Савельева же онъ зналъ все касающееся ихъ любви.

Что дѣлать? сказалъ онъ соображая. Я не вижу выхода изъ этого лабиринта. Прежде всего, это дѣло трудно доказать, а чтобы уличить убійцъ, мы рискуемъ подвергнуть молодую дѣвушку и Савельева величайшимъ непріятностямъ. По моему лучше всего пока оставимъ дѣло — какъ оно есть.

Марья Андреевна тоже задумалась, но ея планъ былъ ужъ давно составленъ.

Нѣтъ, я поѣду къ князю Орлову и Наташа тоже поѣдетъ со мной и разскажетъ ему всю сущную правду.

Я? воскликнула молодая дѣвушка, испуганная именемъ Орлова.

Да, ты, Наташа; но не бойся; ты подъ моимъ покровительствомъ, и тебя никто не обидитъ. Неправда ли, князь, я только слабая женщина,

но никогда ни одинъ несчастный не обращался напрасно за моей помощью? Скажете это Наташѣ, можетъ она вамъ повѣритъ.

Въ эту минуту лакей Маріи Андреевны вбѣжалъ блѣдный и растерянный и проговорилъ глухимъ голосомъ отъ волненія:

Государь скончался!

Марья Андреевна перекрестилась и прошептала: царствіе ему небесное.

XVIII.

По городу раздавался громкій гулъ колоколовъ, возвѣщая столицѣ Россіи о постигшемъ ее горѣ.

Весь городъ облегся въ трауръ. На улицахъ собирались толпы и толковали о томъ, что принесетъ новое царствованіе.

Савельевъ быстрымъ шагомъ переходилъ черезъ Невскій. Онъ все по прежнему былъ въ сѣрой шинели, но въ немъ точно произошла какая-то перемѣна.

Онъ болѣе не избѣгалъ толпы. Напротивъ, онъ будто ее искалъ, и смотрѣлъ на ее гордо и смѣло, точно желая сказать: Я ужъ болѣе не отщепенецъ, всѣми отвергнутый и гонимый! Нѣтъ! я вашъ ровня, я такой же свободный человѣкъ, какъ и вы!

Свободенъ! это было первое опьяненіе свободы! Она освѣжаетъ, воскрешаетъ, придаетъ силы, точно опьяненіе отъ шампанскаго, т. е. безъ непріятныхъ послѣдствій, но съ тою только разницею, что второе можно купить, а первое...

Савельевъ направился на Сергіевскую, надѣясь узнать отъ Достоевскаго, гдѣ находится Наташа.

Ему нечего было бояться показываться, гдѣ бы то ни было! Протопресвитеръ Бажановъ передалъ ему записку подписанную самимъ государемъ, дарующую ему не только помилованіе за все прошлое, но обезпечивающую ему ежегодную пенсію въ двѣнадцать тысячъ рублей.

За что все это? спросилъ солдатъ.

Просто потому, что государь сжалился надъ твоей молодостью, надъ всѣмъ, что тебѣ пришлось выстрадать, отвѣчалъ ему Бажановъ. Государь хотѣлъ тебѣ доставить счастливую и обезпеченную будущность. Но Савельевъ не долженъ былъ оставаться въ Россіи, и духовникъ еще обѣщалъ ему передать безсрочный паспортъ заграницу.

Зачѣмъ заграницу? спросилъ снова Савельевъ.

Отъ того, что могли бы узнать, что ты покушался на жизнь государя, и это могло бы тебѣ сильно повредить, былъ уклончивый отвѣтъ священника.

Да не все ли равно для Савельева, отъ чего и почему, все это такъ случилось? Онъ былъ свободенъ, и, хотя двѣнадцать тысячъ въ годъ, не было богатствомъ достойнымъ Креза, но для бѣднаго воспитанника Гатчинскаго пріюта, привыкшаго ѣсть ржаной хлѣбъ, это было состояніе нисколько не меньше Штиглица *).

*) Въ Петербургѣ Штиглицъ идеалъ богатства, въ народѣ про Ротшильда мало кто знаетъ.

И такъ онъ шелъ къ Достоевскому, въ надеждѣ узнать гдѣ Наташа. Съ тѣхъ поръ, какъ они вмѣстѣ ночью были у князя Одоевскаго, Савельевъ его болѣе не видѣлъ, а тотчасъ, послѣ покушенія на жизнь государя, его арестовали.

Получивши свободу, единственная его мысль была о Наташѣ.

Онъ радовался, даже тому, что его высылаютъ за границу, такъ какъ тамъ, Наташа была бы внѣ опасности отъ всякаго преслѣдованія.

Савельевъ дошелъ до дома гдѣ жилъ Достоевскій.

Онъ увидѣлъ его жену, выглядывающую изъ окна, взволнованную точно въ тревожномъ ожиданіи.

Вѣрно Достоевскій свободенъ, подумалъ солдатъ, и вошелъ въ домъ.

Ага! Савельевъ! крикнула молодая женщина, откуда вы? тоже изъ крѣпости?

Савельевъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Изъ крѣпости? повторилъ онъ медленно.

Ну да! Отчего вы не привели съ собой моего мужа?

Развѣ вашъ мужъ въ крѣпости?

Да, но онъ свободенъ! Онъ долженъ быть свободенъ, вотъ записка дарующая ему свободу, подписанная государемъ!

Савельевъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ не хотѣлъ ей сказать правду объ себѣ.

Не видѣли ли вы Наташу? спросилъ онъ наконецъ съ замѣшательствомъ.

Онъ вспомнилъ, что Достоевскій исчезъ въ тотъ же день, какъ и Наташа.

Въ надеждѣ отыскать молодую дѣвушку, онъ совершенно забылъ про это обстоятельство.

Наташу? Какую Наташу? спросила молодая женщина, мысли которой всецѣло сосредоточились на одномъ — на своемъ мужѣ.

Наташу! мою невѣсту! отвѣчалъ солдатъ.

Вашу невѣсту? вскрикнула молодая женщина. Какъ вы можете быть настолько жестоки, чтобы желать жениться?

Солдатъ началъ сомнѣваться въ ея умственныхъ способностяхъ.

Да! продолжала она. Жениться на молодой дѣвушкѣ, чтобы потомъ сдѣлать ее безконечно несчастной? Вѣдь горе той дѣвушкѣ, которая выйдетъ замужъ! Она любитъ, безъумная! Но, мужъ ее не любитъ, иначе онъ посвятилъ бы ей всю свою жизнь, какъ и она. Она служитъ ему временной игрушкой, тогда какъ онъ составляетъ предметъ всѣхъ ея заботъ, всѣхъ ея мыслей!

Въ эту минуту снѣгъ заскрипѣлъ подъ полозьями санокъ.

Это онъ! мой спаситель! воскликнуда она.

Это былъ дѣйствительно флигель-адъютантъ, пріѣхавшій за ней, чтобъ вмѣстѣ ѣхать къ князю Орлову.

Онъ взглянулъ на Савельева, поклонившагося по военному.

Кто ты? спросилъ Абамеликъ.

Слово „ты“ покоробило солдата. Хотя онъ съ дѣтства къ этому привыкъ, всегда всѣ къ нему

такъ обращались, кромѣ заговорщиковъ, обращавшихся къ нему на „вы“.

Савельевъ, рядовой въ отставкѣ, грубо отвѣтилъ онъ.

Ты тотъ солдатъ, что былъ на дворцовой гауптвахтѣ?

Точно такъ-съ, отвѣчалъ онъ.

Офицеръ посмотрѣлъ на него внимательнѣе.

Ага! сказалъ онъ, потомъ обратился къ Достоевской:

Что же, поѣдемте къ князю Орлову?

Да, да! восклукнула она, онъ мнѣ вернетъ мужа.

И Достоевская удалилась вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ.

Мужа? повторилъ Савельевъ. Мужа?... Отчего же онъ не отдастъ мнѣ мою Наташу? подумалъ онъ, слѣдуя за ними.

Молодая женщина была тотчасъ же принята княземъ Орловымъ.

Князь перелистывалъ какія-то дѣла, а противъ него сидѣла Марья Андреевна и Наташа.

Теперь вы можете удалиться, сказалъ онъ вѣжливо кланяясь и обращаясь къ Марьѣ Андреевнѣ. Можете быть вполнѣ спокойны, я велю разсмотрѣть это дѣло.

Показанія вашей протеже черезчуръ правдоподобны, чтобы я могъ хоть на минуту въ нихъ сомнѣваться.

Марья Андреевна и Наташа встали и раскланивались въ то время, какъ Достоевская входила въ комнату.

Наташа ее не замѣтила и прошла мимо.

Молодая женщина оглядѣла всѣхъ присутствующихъ.

Вдругъ она громко вскрикнула, увидавъ Наташу.

Наташа услышала крикъ и на минуту остановилась, но Марья Андреевна увлекла ее за собой.

Князь вопросительно взглянулъ на обоихъ женщинъ, продолжая, по своему обыкновенію перелистывать дѣла.

Что вамъ угодно? обратился онъ къ Достоевской.

Флигель-адъютантъ подошелъ къ нему и шепнулъ ему что-то на ухо.

Князь пожалъ плечами.

Очень жалѣю, но въ этомъ дѣлѣ я ничего не могу для васъ сдѣлать.

Ничего? спросилъ адъютантъ. Вотъ приказъ государя.

Я въ немъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ князь, но Достоевскаго болѣе нѣтъ въ Петербургѣ.

Молодая женщина вздрогнула.

Его болѣе нѣтъ въ Петербургѣ? спросилъ адъютантъ.

Не желая ни въ чемъ признаться, онъ ужъ съ недѣлю, какъ сосланъ въ Сибирь. Досвиданія!

Разбитая, уничтоженная, болѣе похожая на покойницу, чѣмъ на живую, молодая женщина пошатываясь вышла въ сопровожденіи адъютанта.

Князь его вернулъ.

Онъ вошелъ въ кабинетъ, пока Марья Андреевна и Наташа уводили несчастную женщину.

Я не хотѣлъ говорить въ присутсвіи Достоев-

ской, сказалъ ему Орловъ. Ея мужъ умеръ. Онъ дошелъ до Шлюссельбурга, и тамъ...

Тамъ? спросилъ Абамеликъ.

Тамъ онъ умеръ!

Бѣдная женщина!

При возвращеніи адъютанта она упала безъ чувствъ на руки Наташи.

Два раза Савельевъ возвращался въ квартиру Достоевскихъ, чтобы узнать о результатѣ ея свиданія съ княземъ Орловымъ, но она еще не возвращалась и молодой человѣкъ съ нетерпѣніемъ расхаживалъ передъ домомъ, какъ вдругъ подъѣхала карета и остановилась у воротъ. Онъ подошелъ, чтобы видѣть, кто изъ нее выйдетъ.

Старый лакей растворилъ дверцу и помогалъ вынуть изъ нее женщину въ безчувственномъ состояніи, но онъ черезчуръ понадѣялся на свои силы, поскользнулся и навѣрное упалъ, еслибъ Савельевъ не подскочилъ къ нему на помощь и не поддержалъ его. Въ эту минуту раздался крикъ въ каретѣ, заставившій Савельева поднять голову. Голосъ ему былъ знакомъ. Это былъ тотъ самый голосъ, такъ сильно звучавшій въ его душѣ. Да, это была Наташа!

Наташа потеренная и снова обретенная!

XIX.

Тѣло государя было выставлено на парадномъ катафалкѣ въ роскошномъ гробу. Лицо гордаго самодержавца сохранило всю свою строгость.

Его окружали офицеры и солдаты, его вѣрные солдаты. Точно при жизни, и теперь ихъ присутствіе какъ будто доставляло ему удовольствіе. Казалось, что гордая и надменная улыбка играла на царскихъ устахъ.

Многочисленныя группы людей, принадлежащія ко всѣмъ сословіямъ проходятъ, крестясь, мимо тѣла своего монарха. Это были его подданные, пришедшіе въ послѣдній разъ взглянуть на своего царя и помолиться за упокой его души.

Общая торжественная тишина нарушалась только монотоннымъ чтеніемъ Евангелія, да кое когда раздавались всхлипыванія.

Отъ времени до времени пламя какой нибудь изъ свѣчей, колебаясь, вспыхивало ярче обыкновеннаго и бросало красноватый отблескъ, точно оживляя мраморно-блѣдное лицо государя.

Дворцовые часы пробили три четверти восьмого и скоро, въ восемь часовъ запрутся двери для публики. Завтра переносятъ тѣло государя въ церковь Петропавловской крѣпости, гдѣ ему приготовлено мѣсто для вѣчнаго покоя рядомъ съ его царственными предками.

Въ это время вошелъ человѣкъ высокаго роста, имѣвшій руку на перевязи, а рядомъ съ нимъ красивая молодая дѣвушка.

Поздно! крикнулъ караульный солдатъ.

Но замѣтивъ руку на перевязи и маленькій бѣлый георгіевскій крестъ, который заслуживается только на полѣ сраженія цѣной крови, онъ отдалъ честь:

Поторопитесь, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ нибудь ужъ запрутъ двери.

Молодые люди ничего не отвѣчали, такъ какъ ихъ взоры и мысли были всецѣло заняты государемъ. Кто могъ бы узнать въ этомъ серьезномъ юношѣ, одѣтомъ въ черное платье и въ этой молодой дѣвушкѣ одѣтой со вкусомъ, но просто, солдата Савельева и Наташу?

Протопресвитеръ Бажановъ передалъ ему не только двѣнацати тысячный пансіонъ и помилованіе за участіе въ заговорѣ Петрашевскаго, но еще офицерскій патентъ за храбрость, выказанную въ Малой Азіи и георгіевскій крестъ за дѣло при Башъ-Кады-Кларѣ.

Вошедшіе остановились передъ тѣломъ государя. Если бы кто нибудь взглянулъ на лицо юноши, то былъ бы пораженъ его сходствомъ съ покойнымъ императоромъ.

Когда Савельевъ приблизился къ покойнику, пламя свѣчей заколебалось и озарило краснова-тымъ свѣтомъ лицо монарха, казалось что оно ожило и лучъ счастья заигралъ на немъ.

Наташа, посмотри, онъ точно насъ благословляетъ.

Наташа взглянула на государя, упала на колѣни передъ гробомъ и зарыдала.

Это не дозволяется, сказалъ дежурный офицеръ, подымая ее.

Наташа, тутъ передъ покойникомъ клянусь тебѣ, что буду только тебя одну любить, прошепталъ солдатъ.

Молчи! возражала ему дѣвушка, здѣсь не мѣсто; но радостный взглядъ поблагодарилъ его за клятву любви и вѣрности.

Они вышли и за ними замкнулись двери.

Они были послѣдніе изъ публики пришедшія помолиться у гроба царя.

Съ этой минуты покойный государь принадлежалъ только своей семьѣ, которая вскорѣ собралось около гроба отца и дѣда.

XX.

Тебя зовутъ Петровичемъ? спросилъ слѣдователь.

Петровичъ молчалъ.

Слѣдователь далъ ему такую пощечину, что онъ пошатнулся и кровь хлынула у него изо рту.

Таковы были варварскіе обычаи при допросѣ. Къ сожалѣнію такіе слѣдователи встрѣчаются подчасъ и теперь.

Ты молчишь? Будешь ли отвѣчать? заревѣлъ слѣдователь.

Что же мнѣ отвѣчать? отвѣчалъ Петровичъ, спокойно вытирая кровь съ лица. Для этого вамъ незачѣмъ лупить по мордѣ. На благоразумные вопросы я могу отвѣчать и безъ того, чтобы мнѣ выбивали зубы.

Мы, Петровичъ, тебя давно знаемъ!

Петровичъ отвернулся, точно не обращались не къ нему.

Ага? Такъ ты не хочешь признаться, что убилъ сперва князя Курдюбекова а потомъ Макарова?

Разбойникъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, почесывая затылокъ будто не понималъ въ чемъ дѣло.

Курдюбековъ? проворчалъ онъ. Это кто жъ такой будетъ? Въ вервый разъ слышу такое имя. Курдюбековъ? повторилъ онъ, что-то соображая и пожимая плечами. А другой? Какъ его зовутъ? Макаровъ. Кажется такъ, вы его изволили сказать, ваше превосходительство?

Да!

Макаровъ? медленно повторилъ разбойикъ. Не знаю! Я знавалъ въ своей деревни одного Макара, но никакого Макарова не знаю. Нѣтъ, ваше превосходительство, положительно не знаю никакого Макарова!

Слѣдователь далъ ему снова затрещину, и снова кровь показалась у него изо рта, но разбойникъ по прежнему ее спокойно обтеръ говоря:

Бейте, ваше превосходительство, бейте, благо вамъ дозволено бить насъ, бѣдныхъ людей! А все таки я не знаю никакого Макарова, да никогда и не знавалъ. А можетъ дѣло идетъ про того Макара, что я говорилъ; напишите въ нашу деревню, пожалуй вы его и отыщите!

Тогда судебный слѣдователь вышелъ и вернулся въ сопровожденіи дамы покрытой вуалью и молодаго человѣка, по видимому, старавшагося ее успокоить.

Старый разбойникъ внимательно посмотрѣлъ на молодаго человѣка и при ободрился — онъ его не зналъ, а не могъ разглядѣть черты молодой женщины, такъ какъ она была подъ густой вуалью.

Слѣдователь попросилъ ее сѣсть и сказалъ:

Успокойтесь, вѣдь это только формалность.

Молодой человѣкъ такъ же старался преободрить даму.

Стараго негодяя нѣсколько обезпокоило, что у молодаго человѣка рука была на перевязи.

Ба! подумалъ онъ, этого быть не можетъ, у этого офицерскій Георгій, а тотъ былъ простой солдатъ!

Онъ сталъ соображать, кто бы могла быть покрытая вуалью дама. Ему и не приходило въ голову, чтобы это могла быть Наташа.

Послышался звонъ цѣпей и ввели князя Курдюбекова.

Немного погодя привели и Товарова.

Узнаете ли обвиняемыхъ? спросилъ слѣдователь Наташу, сидѣвшую на креслѣ.

Да, отвѣчала она.

При звукѣ этого голоса, не смотря, на его слабость обвиняемые вздрогнули.

Они всѣ участвовали при убійствѣ князя Курдюбекова? продолжалъ спрашивать слѣдователь.

Нѣтъ, только двое изъ нихъ.

Которые?

Она указала на Петровича и на молодаго князя Курдюбекова.

Товаровъ слушалъ ее небрежно. Со смерти дворюроднаго брата, онъ былъ въ тюрмѣ по обвиненію въ соучастіи при его убійствѣ; но казалось, что онъ мало безпокоился объ ожидающей его судьбѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ болѣе не находился подъ вліяніемъ Макарова, онъ совершенно перемѣнился. Въ тишинѣ тюрь-

мы онъ извѣдалъ свою душу и самъ ужаснулся своего прошлаго.

И такъ, вы оба сознаетесь въ убійствѣ князя Курдюбекова?

Меня тоже зовутъ княземъ Курдюбековымъ, возражалъ молодой человѣкъ, гордо смотря на слѣдователя. Кто осмѣливается меня обвинять въ убійствѣ моего отца? Этакія обвиненія не дѣлаются тайно, подъ прикрытіемъ вуали. Пусть обвинительница покажетъ свое лицо, и я съумѣю ей отвѣтить.

Между тѣмъ Петровичъ нашелъ оружіе для своей защиты и пользуясь имъ, съ своимъ обычнымъ искусствомъ сказалъ, почесывая за ухомъ:

Ага! Значитъ вотъ и князь Курдюбековъ. Какъ же онъ могъ быть убитымъ, когда онъ здѣсь передъ вами, ваше превосходительство? Я, ваше превосходительство, этого не понимаю!

Молчать! крикнулъ ему слѣдователь, молчать!

Обращаясь къ дамѣ покрытой вуалью онъ прибавилъ:

Не будете ли вы такъ любезны, чтобы на минуту поднять вашъ вуаль? Можетъ мошенники признаются въ своемъ преступленіи, увидивши ваше лицо.

Она исполнила его просьбу.

Ужасъ изобразился на лицахъ разбойниковъ, но они хранили молчаніе. Только одинъ Петровичъ процѣдилъ сквозь зубы:

Дѣвченка! Откуда же у нее это платье? Значитъ безрукій, тотъ же солдатъ? Да откуда же у него взялся Георгій? Я ужъ теперь ровно ничего не понимаю.

Потрудитесь разсказать, продолжалъ слѣдователь.

Наташа описала ужасную ночь, въ которую ея покровитель былъ убитъ въ ея присутствіи; ужасные дни и ночи проведенныя ею въ погребѣ, въ плѣну у Петровича.

Слѣдователь внимательно наблюдалъ за обѣими преступниками, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ слова молодой дѣвушки.

Оба оставались спокойными, но лицо князя Курдюбекова страшно поблѣднѣло...

Потомъ, Наташа описала свой побѣгъ, вплоть до той минуты, какъ она упала въ обморокъ и пришла въ себя только въ будкѣ у старыхъ городовыхъ.

Кто изъ васъ двухъ бѣжалъ за нею? спросилъ слѣдователь указывая на Наташу.

Я, отвѣчалъ Товаровъ, я хорошо знаю эту молодую дѣвушку.

Онъ чистосердечно разсказалъ все, что ему было извѣстно по этому дѣлу и иодтвердилъ слова Наташи относительно того, какъ съ ней обращался Макаровъ. Онъ разсказалъ такъ же, какъ Петровичъ вышелъ изъ знакомаго читателю ренсковаго погреба, запасшись виномъ и закусками; и какъ двоюродный братъ Макаровъ уговаривалъ его идти вмѣстѣ; какъ они оба долго караулили у дверей погреба, въ которомъ Петровичъ держалъ Наташу въ заперти, какъ наконецъ эта дверь, вдругъ отворилась, и Наташа изъ нее выбѣжала; какъ онъ преслѣдовалъ молодую дѣвушку, пока она не упала, и,

наконецъ, какъ онъ вернулся домой, видя ее въ безопасности въ полицейской будкѣ.

Все подтверждало показанія молодой дѣвушки. Да, наконецъ, она была подъ покровительствомъ трехъ лицъ, съ властью которыхъ никто не могъ сравниться въ цѣломъ Петербургѣ.

По этому слѣдователь составилъ длинный протоколъ въ такомъ духѣ и попросилъ Наташу его подписать. Когда она это исполнила, онъ ей вѣжливо поклонился, говоря:

Теперь вы можете удалиться и мы васъ болѣе не будемъ тревожить.

Пока Наташа уходила, разбойникъ слѣдилъ за ней взоромъ напоминающимъ взглядъ тигра, у котораго вырываютъ добычу.

Нужно же, чтобы она досталась другому! вскрикнулъ онъ скрежеща зубами. Берегись Алексѣй Александровичъ, мы съ тобой сведемъ еще счеты, дай мнѣ только отсюда выбраться и этотъ счетъ будетъ кровавый; за это ужъ я тебѣ ручаюсь!

ЭПИЛОГЪ.

Звукъ колоколовъ, раздававшіеся въ воздухѣ, со смерти государя замолкъ, и Петербургъ снова принялъ свой обычный видъ. Александръ не заключилъ миръ, какъ предполагали, и, снова съ жадностью пожидали извѣстія, приходившіе изъ Крыму, Финляндіи и Малой Азіи. Новый императоръ, по просьбѣ матери сохранилъ всѣхъ министровъ, окружавшихъ Николая въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія. Одному изъ нихъ, только одному, онъ не могъ простить нанесенныхъ ему оскорбленій. Не прошло и двухъ недѣлъ, какъ онъ былъ замѣненъ Чавкинымъ.

Однажды Орловъ далъ знать Клейнмихелю по секрету, что при дворѣ поговариваютъ отдать его подъ судъ за злоупотребленія, бывшія при постройкѣ Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ.

Со смерти своего покровителя, бывшій нѣкогда всесильный фаворитъ, болѣе не появлялся при дворѣ, и весь дворъ былъ пораженъ, видя его съ гордостью проходящимъ черезъ всѣ апартаменты и просящимъ доложить объ немъ государю.

Клейнмихель у меня? воскликнулъ Александръ, топая ногой.

Доложите его величеству, что я имѣю ему передать нѣчто очень важное, касающееся памяти покойнаго императора.

Эти слова тотчасъ же открыли павшему министру двери кабинета государя.

Ваше величество, сказалъ Клейнмихель, я слышалъ, что меня хотятъ отдать подъ судъ.

Да! ужасныя мошенничества сдѣланныя при постройкѣ Московской желѣзной дороги, должны быть разсмотрены и разобличены.

Ваше величество, осмѣлюсь вамъ доложить, что память покойнаго государя могла бы пострадать отъ такого рода слѣдствія.

Память моего отца? крикнулъ взбѣшенный Александръ. Да какъ ты смѣешь говорить подобныя вещи?

Ваше величество, сухо отвѣчалъ бывшій министръ, большая часть суммъ назначенныхъ правительствомъ на постройку желѣзной дороги, перешли въ собственную шкатулку его величества.

Ты лжешь! загремѣлъ государь.

Ваше величество, вотъ письмо государя, вашего батюшки, въ которомъ онъ мнѣ приказываетъ помѣстить тридцать милліоновъ въ французскихъ и англійскихъ бумагахъ на имя фрейлины Нелидовой и ея дѣтей и записать этотъ расходъ на счетъ постройки желѣзной дороги.

Александръ пробѣжалъ письмо.

Можешь удалиться! сказалъ онъ, бросая угрожающій взглядъ бывшему министру.

Клейнмихель низко поклонился и вышелъ.

На другой же день онъ получилъ отставку съ зачисленіемъ въ государственный совѣтъ, но подъ судъ его не отдавали.

Нелидовой было послано приказаніе удалиться, вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ свои Тамбовскія имѣнія.

Наташа получила черезъ протопресвитера кольцо съ опаломъ подареннымъ ей покойнымъ государемъ. Въ медальонѣ, гдѣ прежде былъ ядъ, оказался чекъ на пять тысячъ рублей для вклада въ Московскій Новодѣвичій монастырь на случай ея постриженія въ монахини.

Наташѣ эти деньги оказались не нужными — она была счастливой невѣстой Савельева.

Она такъ же отказалась отъ денегъ оставленныхъ ей по завѣщанію княземъ Курдюбековымъ, находящемуся въ рукахъ князя Одоевскаго. Эти деньги съ прочей частью его состоянія пошли на бѣдныхъ, и вообще на добрыя дѣла.

Савельевъ, согласно желанію покойнаго государя, долженъ былъ покинуть Россію, по этому онъ спѣшилъ со свадьбой.

Три недѣли спустя послѣ смерти Николая, была скромно отпразднована ихъ свадьба въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ на Сергіевской.

Марья Андреевна была посаженной матерью у Наташи, а старый солдатъ Порфиричъ, произведенный, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ полицейскіе унтеръ-офицеры, ея посаженнымъ отцемъ.

Савельевъ, послѣ совѣщанія протопресвитера съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, получилъ назначеніе секретаря при одномъ изъ маленькихъ посольствъ въ Германіи.

Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ Русскимъ консуломъ въ одинъ изъ французскихъ приморскихъ городовъ. Тамъ онъ и до сихъ поръ проживаетъ вмѣстѣ съ своей Наташей, окруженный многочисленной семьей.

Хотя Наташѣ не понадобилось содержимое въ медальонѣ кольца съ опаломъ, но оно все же достигло своего назначенія, такъ какъ она отдала эти деньги Достоевской, принявшей постриженіе въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она съ тѣхъ поръ и проживаетъ, молясь за своего мужа. Ея дни сочтены, горе надломило ея силы.

Посѣтитель монастырской церкви можетъ и теперь видѣть опаловое кольцо, привѣшанное, въ числѣ прочихъ драгоцѣнныхъ даровъ, къ иконѣ Казанской Божьей Матери.

Барабанный бой раздавался по улицамъ ведущимъ къ Конной площади. Взводъ солдатъ сопровождалъ три зеленыхъ ящика на колесахъ, въ которыхъ везли преступниковъ на эшафотъ, приготовленный на площади. Не смотря на ранній часъ, тамъ ужъ успѣла собраться густая толпа.

Предстояло интересной зрѣлище, должны были свершить гражданскую казнь надъ княземъ Курдюбековымъ, приговореннымъ за соучастіе съ Шервудомъ и Петровичемъ въ убійствѣ отца. Дворянство его избавляло отъ наказанія кнутомъ, къ которому были приговорены его товарищи.

Твердымъ шагомъ вышелъ князь изъ своего зеленаго ящика, онъ былъ одѣтъ, какъ и осталь-

ные два преступника, въ длинный черный кафтанъ съ дошечкой на груди, на которой было написано: „отцеубійца“, а у другихъ на такихъ же дошечкахъ было написано только „убійца“.

Его привязали къ позорному столбу и полицейскій офицеръ прочелъ надъ нимъ приговоръ. Потомъ палачь подошелъ къ нему, далъ ему пощечину и сломалъ надъ его головой шпагу.

Онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на рудники безъ срока.

Его сообщники стояла у подножія эшафота. Шервудъ, блѣдный, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а Петровичъ съ равнодушіемъ взиралъ на „бѣлаго коня“, на которой ему предстояло попасть (въ народѣ такъ называется скамью, къ которой привязываютъ приговоренныхъ къ кнуту).

Это не бѣда, сказалъ онъ своему товарищу, желая придать ему храбрости. Это правда, что оно не много больно, но отъ этого не всегда же умираютъ, а рюмка водки послѣ экзекуціи, покажется въ сто разъ вкуснѣе.

Бывшій князь Курдюбековъ спустился съ эшафота и полицейскій офицеръ вызвалъ имя Шервуда.

Блѣдный какъ смерть шпіонъ-убійца взошелъ на эшафотъ и скоро его жалобные крики огласили воздухъ.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Мелкія запрещенныя статьи и стихотворенія

М. Горькаго, Л. Н. Толстого и другихъ

— Разрушенный молъ. — Лѣсъ рубятъ. — Письмо Л. Н. Толстого къ царю. — Два письма Л. Н. Толстого. — Побѣдоносцевъ какъ отрицатель самодержавія В. Ч. — Голуби побѣдители. — Ослы и Левъ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ВОСКРЕСЕНІЕ

РОМАНЪ
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

* ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ *

Цѣна 3 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ.

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ПОСЛѢДНІЯ

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ

ВЪ РОССІИ

и

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Цѣна 2 мар.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
CANCELLED
AUG 2 9 1985
AUG 2 8 1985